

Колдовские
МИРЫ

ВОЛШЕБНАЯ ПАЛОЧКА – ЗАЛОГ ХОРОШЕГО ОТДЫХА!
МАРИНА
ЕФИМИНЮК
←→ — — ←→
**ВЕДЬМЫ
ОТДЫХАЮТ**

Annotation

Новая юмористическая история от автора фэнтезийных романтических комедий! Скучать не придется никому: ни читателям, ни героиням, ни тем, кому не повезло оказаться рядом с ними.

Вы узнаете, что случается, если на тропический остров мечты приезжают три лучшие подруги. И у одной есть бывший жених, у второй – действующий муж, а у третьей – страстное желание застраховать все на свете! Если кажется, что ваш отдых прошел из рук вон плохо, то книга легко докажет: у вас был отличный отпуск! Вы же не потеряли волшебную палочку? Эта чуточка детективная история – превосходный антидепрессант и действенное средство от дурного настроения. Если вы скучаете по морю и солнцу, то независимо от сезона книга поможет окунуться в атмосферу жаркого тропического лета, ледяных коктейлей и знойного курортного романа. Приятного чтения!

- [Марина Ефиминюк](#)

- [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Эпилог](#)
-

Марина Ефиминюк

Ведьмы отдыхают

© Ефиминюк М.В., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Пролог

Планы и их редакция

План Марисы Крафт, профессиональной колдуньи, на отпуск на модном курорте Блэкрок:

Завести курортный роман с мускулистым красавчиком.
Насладиться и романом, и красавчиком.
Доставать из ридикюля магическую палочку только в самом крайнем случае.

Новый план:

Найти потерянную магическую палочку. Обязательно!
Избегать встреч с бывшим женихом, чертовым Харви Крейвом.
Попытаться завести курортный роман. Наплевать на мускулы!

Отредактированный новый план:

Не прикончить Харви Крейва.
Найти чертову магическую палочку до отъезда (три восклицательных знака).

Новейший план (последний):

Не влюбиться в Харви заново!

Глава 1

Дурной знак

– Божечки мои дорогие, какая красота! – громко поделилась впечатлениями Харриет Руперт, задрав голову к стеклянному куполу. Сквозь него было видно небо Блэкрока, сочно-лазоревое, насыщенное и как будто нарисованное магическими красками. В столице такого не встретишь. Небо Гранаха или низкое и серое, или высокое, но бледно-голубое, как выцветшая занавеска.

– А где Мими? – секундой позже всполошилась Харриет. – Мэри, ты ее видишь?

– Я здесь, – сдержанно отозвалась Эмма Уилсон, шагающая следом.

Подозреваю, она специально держалась позади, чтобы народ думал, будто мы не вместе. Но было очевидно, что всем наплевать, кто, с кем и почему приехал на курорт: три лучшие подружки отдохнуть от детей и быта, молодожены на медовый месяц, престарелые магнаты или студенты в поисках курортных приключений.

Перед самым перемещением в столице началась гроза, пришлось три часа единой толпой проторчать у остановленного магического портала. Впрочем, вру! Магнаты, в отличие от нас, простых смертных, в это время сидели в прохладном зале для особо богатых клиентов и попивали освежающие коктейли. Однако весь багаж успели отправить до природного катаклизма, и теперь на вокзале Блэкрока творилась страшная неразбериха.

Едва густой дым от магического перемещения развеялся, как в путешественниках проснулся затаенный страх остаться без своих вещей, но с чужим дорожным сундуком. Народ хлынул с платформы с таким проворством, словно она билась магическими разрядами. Нас с подругами смыло в зал беспощадной людской волной.

Мы шагали в шумной толпе и с любопытством оглядывались по сторонам. Парадный холл знаменитого курорта выглядел нарядным и очень светлым. За круглыми аквариумными оконцами, вживленными в мраморные стены, плавали разноцветные рыбки. Кричали восторженными приглашениями зазывные щиты, переливалась

золотыми искрами крупная надпись «Добро пожаловать!». Вокруг гостеприимного приветствия парили нарисованные альбатросы, а эмблема острова-курорта, остроугольная гора с белой вершиной, выпускала блестящие закорючки дыма и со стороны напоминала кипящий чайник без носика и ручки.

– А что, вулкан в Блэкроке действующий? – громким шепотом спросила Харриет.

Она была матерью троих мальчишек, поэтому под «громким шепотом» подразумевается очень, очень громкий шепот. Нечто вроде истеричного крика, придушенного стыдливым желанием говорить чуточку тише.

– Он заснувший, – уверила я.

– Просто... ну... мне же ни шишулечки нельзя в извержение вулкана, – не услышала она. – Я же мать!

– Вулкан не действует.

– Сколько?

– Полторы тысячи лет или около того.

– Около того? – охнула Харриет. – Мэри, где ты взяла такую неточную информацию?!

– В учебнике по истории для младших классов. Не переживай, Харри, когда твои пойдут в школу, ты прикоснешься к прекрасному, – нагнав нас, съехидничала Эмма. – Но, к слову, я все равно застраховала путешествие от стихийных бедствий и всемирного апокалипсиса.

– Как дальновидно! – восхитилась Харриет.

– У нее уже сторела страховка от невыезда, – не без удовольствия напомнила я.

Макать носом в потерянные деньги не по-дружески, но надо было видеть самодовольную ухмылку Мими, когда объявили о задержке рейса! Клянусь, в тот момент даже ее интеллигентные круглые очки в тонкой оправе блеснули с алчным предвкушением.

– За кого ты меня держишь, Мэри? Она пятилетняя, – легко парировала подруга.

После окончания магической академии Эмма Уилсон выбрала карьеру страхового агента. Когда у нее срывался месячный план по продажам страховок, а срывался он с подозрительным постоянством,

нам, как ее подругам, приходилось страховать то части тела, то мебель, то магические палочки.

К слову, последнее Харриет пригодилось. Мальчишки стащили из футляра ее палочку, без которой было попросту невозможно колдовать, и поделили по-братски. На три равные части, каждому по кусочку.

Пока мы разбирались, куда доставили наши вещи, и отбивали у нахальных студентов свободную тележку, портальная комната для багажа опустела. В центре стояли наши с Эммой выдавшие виды дорожные сундучки с кожаными крышками и возвышался монструозный полированный саркофаг, в который при желании можно было бы утрамбовать шкаф одежды. И еще место осталось бы.

Методом исключения узнать хозяйку безобразной, но совсем новенькой бандуры было легко... Зато не было сомнений, почему Харриет, вопреки традиции приезжать за пять минут до перехода, появилась на вокзале Гранаха раньше всех и даже успела сдать багаж на перемещение.

– Перед отъездом попросила Эдди купить дорожный сундук... – смущенно пояснила она через паузу, свалив вину за размеры багажа на мужа.

– Он забыл, и тебе пришлось взять из дома комод? – уточнила я.

– Этот... гоблин вислоухий... решил выбрать самый вместительный сундук. Честное слово, девочки, он почти пустой!

– Уверена, Эдди рассчитывал, что ты упакуешь детей и заберешь с собой, – предположила Эмма. – Вместе с собакой.

Поднять почти пустой сундук оказалось рискованной затеей. Весил он так, словно внутри действительно мертвецким сном спали трое Рупертов-младших и пес Броди. Хотели попросить помощи у контролера, проверяющего номерки на выходе из портальной комнаты, но тот подленько слинял с поста, сделав вид, будто его кто-то окликнул. Магия в перетаскивании тяжелых вещей тоже была бессильна...

Вернее, магия, безусловно, всесильна, слабенькая – я. Ни одна профессиональная колдунья не в состоянии в одиночку поднять в воздух монструозный шкаф больше собственного веса и эффектно опустить в нужное место. Мы же обычные люди, а не атлеты!

– Харри, не подумай, будто я предъявляю претензии, но что ты положила в почти пустой сундук? – не выдержала Эмма.

– Одежду.

– Вместе с гардеробом?

– Вместе с обувью!

– Обувь с полкой? – не унималась Мими. У нее скособочились очки, свалилась соломенная шляпка, и на голове воинственно затопорщились мелкие кудряшки, сделанные в салоне с помощью магической завивки. Совсем сумасшедшая! Не понимает счастья прямых волос.

– С тарелочкой и чашечкой! – огрызнулась Харриет, но исправилась: – С тремя тарелочками и чашечками, если быть точнее. На каждую по штучке.

– И зачем ты притащила на курорт посуду, предусмотрительная наша? – не сдержавшись, заворчала я. – Ты сюда переселиться, что ли, решила?

– Никогда не знаешь, что лежало в чужих тарелках и чем это пахло! Говорю тебе как мать троих детей! – отрезала Харриет. – И вообще, мы приехали на целых десять дней. Вдруг похолодает или начнутся дожди? Как пережить ливень без калош и плащика?

– Под зонтиком.

– Их я тоже взяла.

– На каждую по штучке? – подначила Эмма.

– И один в запас, – неожиданно призналась наша прозорливая мать. – А знаете что? Если вдруг нас начнет смывать с острова, не приходите ко мне за спасательным кругом и за теплыми вещичками!

С трудом представляю, чтобы мы побежали к подружке за вещами. Эмма высокая и худая, как тростинка... Ладно, как трость. С набалдашником. А я нормальная девушка с очень коварными формами, имеющими возмутительное свойство мгновенно круглеть. Одно пирожное, и новое голубое платье точно не застегнется! Даже на выходе. Это платье специально куплено на размер меньше ради мотивации держать диету «ешь меньше».

– Ладно, ждите! – Эмма решительно поправила очки. – Сейчас все решим!

Она вышла из портальной комнаты, а вернулась с двумя загорелыми до черноты, ядрено пахнущими носильщиками. За полтора шиллинга, уплаченных вперед, весь багаж легко переместился на тележку.

Следуя за помощниками, мы бодро посеменили к выходу из вокзала. Широкие деревянные ворота торжественно и гостеприимно раскрылись. После трех месяцев ожидания, сборов и волнений мы наконец-то пожаловали в Блэкрок! А потом едва не пожаловали обратно в прохладный вокзал. Лучший курорт королевства встречал гостей влажной духотой, высоченными, как корабельные мачты, пальмами и горячей вокзальной площадью, выложенной мелкой плиткой.

По гостевым домам туристов развозили деревянные вагончики на колесах, запряженные приземистыми, коренастыми лошадками. На каждом длинном, как гусеница, экипаже витиеватой строкой бежало название туристического дома. Изредка надпись замирала, мигала и снова начинала скользить по лакированным бокам.

Мы покупали путевки в «Сказке странствий», а потому направились напрямиком к их вагончику, который уже был полон пассажиров. По болезненным распаренным лицам в путешественниках угадывались столичные гости. В Гранахе лето не задалось, и загар не портил чахоточной бледности городских жителей. Впрочем, мы с подругами тоже походили на беглецов из городской мертвецкой.

Нас встречал худосочный, щуплый парень с широкой улыбкой на подкопченном от солнца лице.

– Добро пожаловать в Блэкрок, дамы! Я ваш куратор из туристического дома «Сказка странствий». Мое имя Броди.

– Как замечательно! Очень приятно! – Харриет вцепилась в тонкую руку гида и принялась с чувством трясти. – У вас чудесное имя, ни за что не забудем! Пса моих детей тоже зовут Броди.

Белозубая улыбка парня несколько потускнела. Сравнить его с домашним питомцем было некоторым перебором, но Харри от счастья всегда начинала тараторить. Остановить словесный поток была способна лишь жевательная лакрица.

– Вы знаете, мы с подругами впервые за шесть лет отдыхаем вместе! Я даже детей дома оставила.

– Уверяю, мадам, на нашем райском острове вас ждет прекрасный отдых, что с детьми, что без них, – испугался внезапного напора парень. – Наслаждайтесь.

Пока на райском острове мы насладились исключительно адской духотой. Пяти минут на солнце не провела, а уже страстно захотела в

одежде сигануть в море. Все равно платью – хоть выжимай, а выпрямленные в салоне красоты волосы постепенно капитулировали перед влажностью и превращались в привычную кудрявую гриву.

– Мы арендовали «Ваенду»! – не унималась Харриет. – Выбрали по живым гравюрам в каталоге.

– Превосходно! – С видимым усилием Броди все-таки освободил плененную руку.

– Скажите, там ведь есть прудик? Маленький такой, голубенький, с огро-о-омными кувшинками!

– Премилое озерцо с розовыми лотосами. Занимайте свободные места, – указал он на двери вагончика и сунул нам всем по тонкой папочке с эмблемой «Сказки странствий». – Возьмите сувениры от нашего туристического дома.

Пока шел ритуал приветствия, носильщики с честью справились с перегрузкой багажа. Чужие вещи были незаметно сдвинуты, местами даже сплюснуты, а Великий Руперт, король всех дорожных сундуков, важно устроился на платформе. Ну и наши сундучки, как безродные вассалы, притулились под его монументальным боком.

Скамья осталась только одна, да и та в самом конце вагона. Кое-как мы протолкнулись в узком проходе и втроем втиснулись на сиденье, стараясь лишний раз не шевелиться. Радовало, что стекло на окнах не было. Ничто не мешало сквозняку гулять по тесному салону, трепать волосы и сдувать шляпки.

Едва вагончик тронулся, Броди со всеми поздоровался и принялся вещать об истории острова, уже триста лет являющегося колонией Гранаха.

– Какая фигура! – фирменным громким шепотом охнула Харриет, и несчастный гид где-то на втором плане поперхнулся словами.

На возглас подруги не обернулся только ленивый, но таковых в салоне не нашлось. Публика поделилась: кто-то возмущенно вытаращился на нас, кто-то с любопытством выглянул в окно, а Эмма отвернулась в противоположную сторону, снова сделав вид, что вообще путешествует в гордом одиночестве. Во мне боролись два желания: сделать вид, будто мы с громогласной подружкой незнакомы, и поглазеть на фактурного атлета.

Второе желание победило.

– Где?

– Вон тот! В лимонных брюках, – указала Харри. – В белую карету забирается.

В закрытый экипаж с эмблемой известного гостиного двора, украшающей дверцу, садился высокий, плечистый шатен. Крепкая пятая точка в остромодных штанах действительно была выше всяких похвал. Да и весь задний фасад выглядел привлекательно... А еще я почти наверняка знала, кому вся эта мужская красота принадлежала. К моему огромному сожалению!

– Ты же хотела интрижку с мускулистым красавчиком, – заговорщически комментировала Харриет, уверенная, что нас никто – ладно, не слышит – не слушает. – Смотри, какой знойный! И штаны модные.

Да, он знойный, даже горячий. В смысле, может быть горячим, если очень захочет. Но когда с ним познакомишься поближе, понимаешь, что он натуральная, редкостная задница!

Словно почувствовав, что его разглядывают всем вагоном «Сказка странствий», «мускулистый красавчик» обернулся.

– Божечки мои дорогие, это Харви Крейв?! – признала моего бывшего Харри.

– Он, – резюмировала Эмма. – Кстати, хорошо выглядит.

Главное, помнить, что за нападение на королевских подданных профессиональных волшебниц лишают магической лицензии на срок от года до пяти лет, а чертов Харви Крейв – звезда юриспруденции. На такого чревато замахиваться палочкой, потом в суде отдача замучает.

– Мими, ты в своем уме? – строгим голосом осадил Харриет. – Мариса, не смотри в его сторону! Фигура у него ужасная. И это не обсуждается.

– Нет, он действительно хорошо сохранился, – согласилась я и с преувеличенным интересом начала изучать содержимое папки, врученной гидом. Внутри лежали краткий путеводитель по острову и купоны со скидками в местные едальные.

Броди с отчаянным оптимизмом, не теряя надежды, что окажется интереснее мужика в лимонных брюках, рассказывал об экскурсиях и прикормленных торговых лавках, обязательных к посещению всеми гостями «Сказки странствий». Но вагончик притормозил напротив кареты, позволяя во всех подробностях разглядеть, как Харви уселся в салон. Извозчик, несмотря на жару, одетый по форме, захлопнул

дверцу, и рожа моего бывшего жениха скрылась за затемненным стеклом.

Я поймала себя на том, что незаметно вытащила из ридикюля сто лет назад припрятанный бумажный пакетик с лакричными пастилками и почти положила пряную сладость в рот. Пастилки были окаменелыми и малосъедобными.

Мы тронулись. Народ наконец прислушался к гиду, но тут Харриет принялась рассуждать:

– Уверена, что мы с этим гоблином больше не столкнемся. Остров большой!

– Харри, съешь лакричную конфетку. – Я протянула пакетик подружке в надежде, что она перестанет вспоминать о Харви и начнет жевать.

Она вытащила пастилку и снова возмутилась:

– Как подумаю, что он бросил тебя, прислав записку, так кровь закипает!

– Харриет, лучше жуй лакрицу, – тихонечко посоветовала я.

Не хватало, чтобы целый вагончик незнакомых людей узнал о катастрофе, случившейся в моей личной жизни.

– Гоблин он вислоухий! – искренне кипела она.

– Жуй! – в один голос рявкнули мы с Эммой.

– Божечки мои дорогие, вы чего так орете? Не хочу я лакрицу, слишком жарко! – огрызнулась она, покрутила темную пастилку в руках, сунула в рот и успешно замолкла.

Ни один альманах с живыми разноцветными гравюрами не передавал экзотической красоты острова Блэкрок, а перед поездкой я пролиставала немало, специально в книжную лавку заходила.

Казалось, что магический портал перенес нас в параллельный мир, где краски казались ярче, насыщеннее и глубже. Синее небо было плотнее, разлапистая зелень сочнее, солнце отдавало червонным золотом. Удивительные пейзажи изгнали из сознания хозяина желтых штанов, а Харри всю дорогу послушно жевала лакричную окаменелость и помалкивала.

Вагончик останавливался то у одного, то у другого гостевого дома и постепенно пустел. Прокатившись по людной улице с многочисленными уличными едальными и большими ресторациями, мы въехали на территорию огромного гостиного двора с каскадным

фонтаном и королевскими стягами на высоких флагштоках перед помпезным главным входом.

– Харви Крейв, – задумчиво проговорила Харриет, глядя в окно.

– Тебя на его имени зациклило? – буркнула я.

– Да нет, вон из кареты вылезает.

И впрямь, он ловко выбирался из экипажа, пригнувшись, чтобы не удариться макушкой о дверной свод. Явился, в общем, не запыхавшись, когда я о нем почти забыла. Желтые штаны по-прежнему прекрасно сидели и вписывались в местный колорит.

– Что-то остров большой, но очень тесный, – протянула Мими.

– Часа не прошло, а мы встретились снова, – согласилась я. – Думаете, это дурная примета?

– Нет! – отрезала Харриет. – Уверена, в Блэкроке нас ждет беспробудное, бесконтрольное, непрерывное курортное счастье!

– Прозвучало, как анонс к десятидневной пьянке, – фыркнула Эмма.

Через полчаса после отбытия с вокзала мы наконец добрались до гостевого дома «Ваенда», и он выглядел лучше, чем на гравюре в каталоге. Одноэтажное здание с остроугольной крышей утопало в зелени, удивленно смотрели на улицу большие квадратные окна, изнутри закрытые реечными ставенками. Дорожка из белых плиток вела к двери под черепичным козырьком с завитушками в углах. По краям тропинки в больших цветочных горшках пышно цвели пустынные розы.

– Конечная остановка, – с жизнерадостной улыбкой объявил Броди, явно с трудом дождавшись, когда в вагончике закончатся пассажиры. – Когда будет удобно, чтобы я заглянул и рассказал об экскурсиях...

– Заплатим шиллинг за разгрузку багажа, – перебила Эмма.

– Идет, – легко согласился он, понятия не имея, на что подписывается.

Когда новоявленные носильщики трудолюбивыми муравьями взвалили на себя Великого Руперта, в побагровевших лицах немедленно появилось понимание, как они сильно продешевили. Переноска одежного саркофага стоила как минимум по шиллингу на каждого. Однако торговаться было поздно – приходилось пыхтеть, ругаться сквозь зубы и тащить сундук, проклиная собственную

жадность и женскую скупость. Мы помогали, чем могли: не мешались под ногами, не докучали советами и разглядывали цветущий ухоженный сад.

В центре аккуратно подстриженного газона на длинной палочке торчала табличка с перечеркнутыми туфлями. Рисунок был живым: обувь беспрерывно шагала на месте, словно пыталась сбежать за пределы предупреждающего знака, но ей никак не удавалось побороть силу земного притяжения.

– По траве нельзя ходить в обуви? – спросила я у Броди, пока Эмма открывала входную дверь. Великий Руперт перегораживал дорожку, а несчастные носильщики пытались перевести дыхание.

– По газонам лучше вообще не ходить, – охотно поделился гид. – В траве ползают змеи.

– Божечки мои дорогие, тут водятся змеи?! – побледнела Харриет.

– Гипотетически! – замахал руками гид. – Они никогда в дома не заползают! Везде стоят отпугивающие амулеты!

Наверное, он испугался, что нервная дамочка в глубоком обмороке рухнет в травку, на которую ни в коем случае нельзя падать, и придавит какую-нибудь настоящую, а не гипотетическую змею.

– А помнишь, в прошлом году случилось... – отирая с лица пот, глубокомысленно изрек возница.

– Случилось?! – охнула Харри.

– Это было не в «Ваенде»! – поспешно уверил Броди. – И того парня откачали.

– Харри, у тебя еще есть шанс оформить страховку на случай смерти от укуса змеи, – с улыбкой оповестила Эмма и толкнула дверь. Из дома немедленно донесся переливчатый звон ветряных трубочек.

Судя по диковатому взгляду, Харриет не планировала обогащать семью столь изощренным способом и не желала оставлять троих детей на попечение мужа. Вернее, против Эдди она как раз ничего не имела, но ведь у Эдди была мама...

– Мариса, ты же помнишь заклятия от змей? – взволнованно уточнила Харри.

– Конечно, – бодро соврала в ответ. – Если что, обновлю все амулеты.

Пока запарившиеся (во всех смыслах) помощники перетаскивали багаж, мы осмотрели гостевой дом. В комнатах царила прохлада,

воздух пах цветочным ароматом. Вместо камина в мраморном полу большой комнаты, заменявшей холл и гостиную, имелось квадратное углубление. Дно было выложено аккуратно вычищенными огненными камнями. На стеклянном столике нас дожидались большая чаша с фруктами и бутылка с игристым вином. Рядом лежала приветственная карточка.

Я раскрыла темные тяжелые портьеры, и в гостиную хлынул свет предзакатного солнца. Оказалось, что занавески прятали выход на широкую веранду, посреди которой стояла круглая ванна, напоминающая объемную шайку для мытья.

– Кхм? – недоуменно оглянулась к Броди, как раз притащившему мой сундук.

– Ну как же? Лежите расслабленно в ванне, с наслаждением пьете коктейль и любуетесь лотосами в озере, – мечтательным тоном пояснил он, словно сам не отказался бы прыгнуть в нашу, пока еще пустую, ванну. – Только прежде чем залезть в водичку, проверьте змей.

– Они же в дом не заползают.

– Так и ванна на улице, – выкрутился он.

Багаж был перетащен. Великий Руперт занял место в комнате с двуспальной кроватью, отвоеванной Харриет со словами, мол, матери троих детей редко выпадает шанс выспаться в глубоком одиночестве на ложе королевских размеров. Помощникам был вручен честно заработанный шиллинг. Пришло время прощаться с ними (с мужиками; с деньгами, впрочем, тоже) и обживать арендованную территорию.

– В какое время мне к вам заглянуть? – настойчиво уточнил Броди у Эммы. – Обсудим экскурсии...

– А где, говоришь, ваша контора? – деловито перебила она.

– На главной торговой улице напротив ресторации «Морской конек». Кстати, очень рекомендую, в нашей папочке есть купончики на скидку. Предъявите, и вам еще дадут бесплатный коктейль на выбор, – на одном дыхании протараторил он.

– Мы сами к тебе заглянем, – ласково улыбнулась Эмма, незаметно подвигая гида к раскрытой входной двери.

– Когда? – пятясь, выпытывал он.

– Ну, дней еще много. Когда-нибудь непременно. До встречи, уважаемый.

Дверь была закрыта, от сквозняка снова зазвенели музыкальные ветряные трубочки. Мы остались втроем.

– Девочки! – воскликнула счастливая Харриет. – Мы все-таки сюда приехали! Давайте отпразднуем, раз вино все равно подарили!

– Но как же море? – растерялась я, невольно вспоминая столб с указателем недалеко от гостевого дома.

Если верить деревянной стрелке и словам гида из «Сказки странствий», от пляжа с белым песочком, необъятного синего моря и почти бесконечного счастья на бамбуковом лежаке меня отделяло чуть больше четверти мили. На летающей метле вообще добираться три минуты. Осталось найти прокатную лавку.

– До завтра море точно не высохнет, – слишком легкомысленно для женщины, не видевшей моря уйму лет, пожала плечами Харриет. – Скажи, Мими?

– Согласна, – охотно поддержала Эмма.

Конечно, согласна! Сама-то в прошлом году на недельку к океану съездила. К Северному, правда, и по работе, но все равно насладилась видами большой воды.

Сидеть в закрытой комнате, когда у нас имелась целая веранда, пусть и с бадьей для мытья, не хотелось. Мы решили перебраться на воздух и там же открыть бутылку.

– У нас нет штопора, – объявила Харри.

– У нас есть ведьма, – хмыкнула Мими и скомандовала: – Мэри, доставай палочку.

Кто бы сомневался? После окончания академии я единственная из нас троих работала по специальности в королевском магическом агентстве, а потому колдовала всегда и везде, даже в священные выходные или в отпуске. Особенно рядом с лучшими подружками, привыкшими к магии, но счастливо профукавшими лицензии.

Пока я доставала из ридикюля магическую палочку, подружки вытащили задвинутые в угол веранды плетеные столик со стульями, расставили угощение. К вечеру духота постепенно спадала, в воздухе витали сладкие ароматы цветов. Царила удивительная тишина: в зарослях не трещали цикады, не подавали голоса птицы, разве что слышался плеск воды в лotosовом пруду, назвать который озером лично у меня не поворачивался язык. И соседство ванны совершенно

не портило атмосферы, даже захотелось в эту самую ванну опуститься с бокалом вина. Жаль, заранее не наполнили.

Я принялась откупоривать бутылку. Под действием заклятья пробка с хлопком выпрыгнула из горлышка, толика густого шипящего напитка выплеснулась на деревянный пол.

Вообще, это была победа, учитывая, что в прошлый раз бутылка открывалась в гостиной Рупертов. Вином испортило побеленный потолок, а вылетевшей как молния пробкой разбило хрустальную вазу, подаренную свекровью. Эдди до сих пор посматривал на меня с некоторым подозрением.

– Готово! – воскликнула я.

В ответ донеслось очень странное молчание... Царящая тишина перестала казаться удивительной, а начала отдавать пугающим безмолвием городской мертвецкой. Подружки оцепенели с бледными, как у покойниц, лицами и, кажется, боялись моргать.

– У меня за спиной висит ядовитая змея? – тихо уточнила я.

Харриет, застывшая с недонесенным до рта странным фруктом, очень похожим на волосатое яблоко, едва заметно покачала головой. Смотрели девчонки и впрямь на что-то поверх моего правого плеча. Через него-то я и осторожно оглянулась.

За перилами, буквально на расстоянии вытянутой руки, из воды высывалась круглая рогатая морда с длинными усами, желтыми глазами и раздутыми ноздрями. К морде, конечно, прилагалось тело. Чешуйчатое, гибкое и, судя по всему, длинное, с зачатками крылышек... В нашем тихом лотосовом озере жил – нет, вовсе не черт, – морской дракон!

Вообще, о чешуйчатых монстрах я знала только то, что они были внесены в книгу исчезающих видов, и размахивать волшебной палочкой перед ноздрястой мордой было так же чревато, как перед физиономией Харви Крейва. Вот издохнет чудовище (дракон, а не Харви) от страха перед магией, потом в суде не отобьешься. Знаете, в нашем королевстве обидеть колдунью может каждый, а нам в ответ обижать строго запрещают. Никакой справедливости!

Монструозный соседущка втянул воздух и открыл клыкастую пасть, демонстрируя черный язык. Лично у меня на секунду случились паралич и затемнение в глазах, а у девочек не выдержали нервы. Дружный женский визг огласил Блэкрок.

Дракон тоже оказался из нервных. На башке вытянулись костяные отростки, вертикальные зрачки стремительно сузились до тонкой черточки. Совершив стремительный кульбит, он вошел страшной рожей в воду. Напоследок мощный хвост шибанул по поверхности озера, и меня с ног до головы окатило брызгами илистой воды. Странно, как в озерце вообще что-то осталось, а не выплеснулось все, до последней капли, на нашу веранду, в том числе в пустую ванну. Не знаю, может, они так ее и заполняли?

Одежда и волосы промокли насквозь. В раззявленный рот попала вода и какая-то гадость. Истерично мигавшая магическая палочка с шипением потухла, от острия пошел черный дымок. Я отплевывалась, моргала и почему-то ловила себя на дурацкой мысли, что все равно хотела помокнуть с бокалом вина в ванне. И ведь действительно выкупалась.

– Божечки мои дорогие, Мэри! Ты что там застряла? Быстрее запрыгивай в дом! – громким шепотом позвала Харриет, отважно выглядывая из дверной щелки.

То есть пока я, можно сказать, грудью защищала территорию, прощалась с жизнью и вспоминала лимонные портки, заклятые подружки чуточку повизжали для устрашения врага и свинтили в безопасное убежище?!

– Вы сбежали и оставили меня на съедение дракону! – возмутилась я, едва не перелетев через порожек.

– Я мать троих детей! – огрызнулась Харриет, захлопывая дверь и запирая замок. – Мне нельзя в пасть к дракону!

– Ладно, а Эмма?! – Я выстрелила гневным взглядом в сторону аккуратненькой чистенькой подруги, до которой не долетело ни капельки озерной водицы.

– У меня нет страховки на случай нападения морского дракона, – как ни в чем не бывало заявила она и оправила платье.

– У меня, что ли, есть?!

– Но ты единственная из нас имеешь право колдовать.

– И как мне это помогло?! – Я резко расставила руки.

Из бутылки выплеснулось вино, а из намокшей магической палочки прыснул сноп затухающих искр, словно благородный артефакт на пару с мокрой курицей, в смысле, с хозяйкой, разрывало от возмущения.

– Нам надо разобраться с Броди, – решительно объявила Эмма. – Они в этой лавочке точно про дракона знали, но промолчали!

– Да-да! – подхватила воинственная мать троих детей. – Я-то думаю, чего нам вина с фруктами бесплатно отвалили? А они просто поминки заранее накрыли. Дескать, поешьте на дорожку в мир иной! То-то этот гоблин вислоухий все в гости набивался. Про экскурсии рассказать? Ха-ха три раза! Он хотел проверить, не сожрал ли нас дракон!

– Идем! – кивнули подружки друг другу, подхватили с дивана сумочки и замаршировали в сторону двери.

– Эй! – позвала я, заставив их обернуться. – Вы ничего не забыли?

– Да вроде нет, – озадачилась Харри.

– Мне бы переодеться, – намекнула я, что несколько мокровата для прогулок по городу.

Через час, когда Блэкрот окутали сизые сумерки, а оживленные улицы вспыхнули огнями, мы вошли в «Сказку странствий», зажатую между двумя сувенирными лавками. В тесной конторке пахло едой. На стене висела живая карта острова со светящимися точками, гостевыми домами. «Ваенда» возле голубой кляксы – лотосового озера – тоже таинственно подмигивала красным огоньком. Если красный означал, что мы проблемные клиенты, то Броди был совершенно прав!

– Дамы, не ожидал увидеть вас уже сегодня. – Гид приподнялся из-за поцарапанного стола, но поскользнулся и плюхнулся обратно в жалобно скрипнувшее кресло. – Решили выбрать экскурсии?

Он ждал, когда мы честно поделим на троих два кожаных стула. Конечно, никто ни к кому на коленки не пристроился, просто мне, единственной обутой в туфли с высокими каблуками, пришлось стоять возле комнатной пальмы. Вообще начинало казаться, что в нашем дружеском трио одна кудрявая ведьма-блондинка лишняя.

– Похоже, у вас что-то случилось, – резюмировал Броди, почему-то глядя исключительно на меня.

– Случилось, – согласно кивнула я. – Дракон в озере!

– Чего?

– А что неясно? – фыркнула страховая агент Эмма Уилсон. – В пруду «Ваенды» живет морской дракон!

– Быть не может, – протянул Броди.

– Не веришь на слово? Хочешь посмотреть?

– Я не о том. – Он помахал рукой. – Морские драконы живут в соленой воде, у вас там поселился пресноводный.

– А что, есть разница?

– Огромная! – просиял он. – Пресноводные драконы не агрессивные!

– Поэтому нас о нем не предупредили? – дружно опешили мы от наглости туристического торговца.

– Побойтесь бога! Еще вчера его не было, – уверил Броди. – Наверное, днем переполз от соседей. В озере очень вкусно пахнут лотосы, вот он и захотел стать матерью в эстетичной обстановке.

– Он – это мужской род, – скорее по привычке исправлять детей, нежели от большого желания проговорила Харриет.

– Отцом, – на ходу переобулся Броди и излишне легкомысленно добавил: – Поверьте, беспокоиться не о чем! По ночам пресноводные драконы спят!

– То есть нас не сожрут во сне, – с иронией заключила я.

– Отличная новость, правда? – Гид расплылся в улыбке профессионального мошенника. – А еще больше вы обрадуетесь, когда узнаете, что пресноводные драконы на людей не нападают! Они все равно что домашние быки.

– Быки, бывает, бодаются, – заметила я, неожиданно припомнив деревенское детство.

– У драконов нет рогов.

– У нашего есть, – уверила я.

– Вы, главное, до заката на веранду не выходите, тогда с ним вообще не встретитесь и никто никого не боднет, – рассудил Броди. – Ночью уляжетесь в ванну. В руке бокал с коктейлем, над головой звезды. Дракон спит, змеи спят, цикады медитативно стрекочут.

Я ждала, что он сейчас еще и стрекот изобразит, раз его все равно поэтично несет, но Броди на некоторое время примолк.

– Просто пересели нас в гостевой дом без пресноводного дракона. Немедленно! – сухо велела Эмма, и мы с Харриет покивали, полностью соглашаясь со справедливым требованием подруги.

– Невозможно! – охнул он. – Высокий сезон! Блэкрот забит. Одни уезжают, другие приезжают. Речные драконы тоже мигрируют по озерам. Между прочим, на острове считается хорошей приметой, если возле дома селится дракон. Это к удачному отдыху!

– Давайте подадим на «Сказку странствий» в суд? – Эмма повернулась ко мне.

– Отличная идея, – поддержала я.

– Прямо сейчас? – громким шепотом уточнила Харриет.

– Дамы, ну, что же вы сразу переполох устраиваете? – наконец-то оживился Броди. – Сейчас что-нибудь придумаем.

Горя желанием не довести недовольных клиенток до суда, он в ажиотаже начал искать выход из безвыходного положения. Зачем-то шелестел блокнотами, чесал нос, проверял календарь и снова шелестел блокнотами. Загорелое лицо выражало вселенскую муку, и было очевидно, что света в конце тоннеля для гида Броди не зажигалось.

– Знаете, я тут подумал... – Он посмотрел на нас. – Вам нравятся бассейны с минеральной водой и грязевые ванны? У меня есть приглашения с бесплатным посещением клуба красоты в лучшем гостинином дворе побережья...

– Девочки! – Глаза у Харриет стали большими и блестящими. – Подумаешь, какой-то дракончик. Он ведь неопасный, удачу приносит. Мы ему имя дадим. Как вам кличка Броди?

Несчастный гид подавился на вздохе.

Нас подкупили. Стыдно сказать, но мы вообще не сопротивлялись. За бесплатное посещение клуба красоты с программой «Стань богиней», скидку на экскурсию на яхте «Морской лев» и стопку купонов на обеды в разных едальных согласились десять дней соседствовать с водным драконом. А заодно искренне верить, что в Блэкроке он приносит беспробудное, бесконтрольное, бесконечное счастье.

Пусть от зубастого соседки сбежать никуда не удалось, из «Сказки странствий» мы выходили с ощущением, что заключили самую выгодную сделку в своей жизни. Решительно отказываюсь думать, почему лично меня, адепта диеты «ешь меньше», больше всего радовала бесплатная жарка, а не шоколадные обвертывания тела.

Я случайно заглянула в окошко туристической лавки. Броди жадно пил воду прямо из графина. Увидев, что за ним наблюдают, он чуть не подавился, нацепил на лицо вымученную улыбку и помахал рукой. Не понимаю, как он пошел в курортные гиды с такими-то слабенькими нервами.

На другой стороне бульвара светилась разноцветными огнями ресторация «Морской конек». Огромные буквы названия, думаю, было видно даже с вершины горы Блэкрот, тем более с ничтожного расстояния. Перед помпезным входом с белыми колоннами стоял фонтан с тремя фигурами морских коньков, выпускающих из раскрытых пастей разноцветные струи воды.

– А вот теперь пришло время праздновать! – Я решительно указала в сторону ресторации.

С праздником пришлось повременить. На двери заведения висела табличка: «Закрывается на специальное обслуживание!»

– Пойдем в другое место? – предложила я.

– Мы тоже особенные гости. Сейчас все решим! – заявила Эмма и дернула на себя дверь.

Та, естественно, не открылась, что совершенно не удивляло, учитывая категоричное предупреждение, но подруга была непреклонна. Четким шагом она направилась в подсобные помещения.

– Думаешь, нас отсюда погонят? – воровато озираясь по сторонам, зашептала Харриет.

Через некоторое время, когда мы мысленно практически попрощались с нашей дорогой подругой Мими и отправились в «Ваенду», тяжелая дверная створка приоткрылась, заставив нас обеих посторониться. Наружу выглянул усатенький прилизанный типчик в белой рубашке и черном жилете. Со стороны подозрительный господин напоминал одновременно и подавальщика, и банкетного распорядителя.

– Добрый вечер, дамы! Вообще мы через главный вход сегодня не проводим, но нельзя терять время.

Понятия не имею, что он имел в виду, говоря про время. Может, Эмма успела заказать какую-нибудь особенную рыбу, не съедобную в холодном виде? Блюдо принесли мгновенно, и оно теперь стыло, превращаясь в бурду.

Типчик галантно пропустил нас в объятый уютным полумраком холл. Интерьер блестел позолотой, на стенах висели светильники в виде морских коньков, посреди зала красовался еще один фонтан, выпускающий разноцветные струи. Возле него стояли хмельные парни и беседовали. В смысле, очень громко говорили, словно горячительные напитки резко прибавляли голосам силы. Харви Крейв в лимонных

портках – чтобы у них дыра на задних карманах появилась! – тоже был здесь.

Он обернулся, узнал меня и замер с недонесенным до рта бокалом. Официально заявляю, что вытянутая физиономия бывшего – лучший подарок Вселенной из тех, что она могла бы сделать. Пусть волосы у меня свернулись мелкими кудряшками, платье не было алым, но я шла на высоких каблуках, плавно покачивая бедрами, и чувствовала себя божественно привлекательной ведьмой!

Глава 2

Девичник и его последствия

Было глупо притворяться, что мы со скотиной... в смысле, с бывшим женихом незнакомы. К врагам все-таки надо относиться с некоторым пиететом, даже если его не испытываешь. С легкой улыбкой я кивнула бывшему жениху. Долговязый блондин рядом с ним подавился напитком. И знаете, Харви был бы не Харви, если бы тоже поперхнулся. Он послал полуулыбочку и отсалютовал бокалом. На этом приличия были соблюдены. Я отвернулась.

– Гоблин вислоухий! – сердито ругнулась Харриет.

– Простите? – удивленно оглянулся усатенький проводник. Уши у него действительно были такие... выдающиеся и заметные.

– Ой, я не вам, уважаемый, – немедленно зачастила подруга.

По вспыхнувшему лицу было видно, что она собиралась поделиться жалостливой историей о прощальной записке Харви Крейва, но наткнулась на мой выразительный взгляд и прикусила язык.

Вообще это письмецо, присланное женихом через три месяца после его переезда из Гранаха, как проклятие, поставило жирную точку на моей личной жизни. Два года прошло, а на горизонте не появилось ни одного приличного парня. Неприличных, впрочем, тоже.

С полгода назад Эмма потащила меня – на минуточку, профессиональную колдунью! – к деревенскому шаману. В комнате, пахнувшей сандаловым благовонием, патлатый мужик полчаса тряс веником из вербены и звенел бубном, а потом заключил, что у меня была напрочь испорчена женская карма. Он, мол, все исправил, но личная жизнь меня нагонит только на жарком острове!

Я искренне верила, что слово «нагонит» сулит мускулистого красавчика, но встретила с бывшим. Три раза за один день. Не хотелось признавать, что личная жизнь меня действительно нагнала... В общем, паршивец Харви Крейв умудрился не только испоганить женскую карму, но и предсказание о знойном курортном романе!

– Дамы... – Усато-ушастый тип открыл перед нами дверь в отдельный кабинет.

За большим круглым столом уже сидела Эмма и с самым серьезным видом изучала меню.

– Ну, располагайтесь, – зачастил усач. – Вас предупредят, когда все начнется.

– Что начнется? – присаживаясь на мягкий стул, уточнила я.

– Так это... Песни, пляски, фокусы... – Он посмотрел очень выразительно, словно ожидал прямо сейчас увидеть какой-нибудь магический фокус.

– Да мы все больше поесть хотели, – выразила я общее мнение и открыла тяжелую папку с меню.

Цены в ресторации «Морской конек» были по-заморски конскими!

– Но кто будет платить за ужин? – удивился он.

– А что, очень много вариантов? – хмыкнула я.

– Божечки мои дорогие, – вздохнула Харриет, – тут все такое вкусное!

Записывать длинный заказ усач почему-то не стал, видимо, запомнил наизусть, как все рестораторы высшего класса. Прежде чем выйти, он не удержался:

– А вы переодеваться не будете?

– Да мы вроде только переодевались. – Мать троих детей с сомнением посмотрела на аккуратное платье со скромным декольте.

– Так это ваш образ? – заморгал ресторанный работник.

– Образ жизни, – фыркнула она. – Я уже шесть лет выступаю в образе матери.

На некоторое время в комнате повисла странная пауза.

– В смысле, хозяйки?

– И домохозяйки тоже, – с грустью вздохнула Харриет.

Типчик посмотрел на Эмму:

– А...

– Страховой агент, – перебила Мими, одетая в легкомысленное платье в синий горошек. Вообще мелкие короткие кудряшки, нежные наряды с оборками и смешные шляпки ловко маскировали в ней зубастого агента Эмму Уилсон и сбивали с толку наивных королевских подданных.

– Профессиональная колдунья, – упредила я вопрос.

– То есть отвечаете за фокусы? – округлил глаза типчик.

– Боже упаси. Никаких фокусов в отпуске! Хмель и магическая палочка несовместимы. Обязательно кто-нибудь пострадает, а за причинение вреда королевским подданным у нас лишают лицензии.

– У вас есть магическая палочка?! – охнул он.

– Вы считаете, что мы колдуем пальцами?

– Нет, но... Она что, прямо вот здесь сейчас с вами?!

– Показать? – хмыкнула я.

– Нет-нет, я вам от души верю. – Он с опаской поглядывал на мою сумочку, лежавшую на пустом стуле, словно в ней кроме магической палочки еще и взрывчатка тикала. – Леди, можно вопрос? Как вы все досюда докатились?

– Что значит «докатились»? – возмутилась Эмма. – Мы переместились из Гранаха магическим порталом. Как все нормальные люди.

– Сегодня после обеда, – поддакнула Харриет. – Кстати, а вы скидочные купоны из «Сказки странствий» принимаете?

На этой чудесной теме типчик почему-то сломался и сбежал из ресторанный кабинета, оставив животрепещущий вопрос без ответа. Некоторое время мы смотрели на хлопнувшую за его спиной дверь и по-прежнему единодушно хотели выяснить, светят ли нам обещанные по купонам Броди бесплатные коктейли. Мы, конечно, и за них заплатим, но коль позволили себя подкупить, надо пользоваться предоставленными благами.

– Божечки мои дорогие, чего он такой нервный? – презрительно фыркнула Харриет. – Хуже моего Эдди.

– Да они все в Блэкроке нервные. – Мысленно я припомнила, как гид жадно глотал водичку прямехонько из графина. – Мими, как ты с ним договорилась?

– Просто, – пожала она плечами. – Он спросил: будем ли мы петь и танцевать. Я ответила, что петь не планировали, но если очень надо, то мы готовы.

– Я сегодня не в голосе, – немедленно проговорила Харриет, с преувеличенным интересом изучая карту вин.

– Ты держишь ее вверх тормашками, – уронила Эмма.

– Не заметила.

– Тогда тебе тоже пора купить очки. Решишь застраховать – обращайся.

Сдаваясь, Харри быстренько перевернула папку. А потом еще раз.

– Не понимаю, – пробормотала она, – когда каллиграф писал карту вин, сначала эти вина лично продегустировал? Поэтому все надписи вышли враскоряку?

Вообще в студенчестве девичники у нас происходили бурно. Обязательно кто-нибудь забирался на стол и устраивал разнузданные пляски (не всегда я). Харри любила дурным голосом поорать арии, но почему-то во хмелю забывала слова и пела о том, что видела. Обычно видела она исключительно Эмму, неизменно изображающую фикус. Правда, относительная неподвижность никак не мешала той ломать или терять очки. Наверное, поэтому абсолютно все оправы и стекла у нее теперь застрахованы на кругленькие суммы.

Едва мы успели обсудить третье явление Харви Крейва и почти решить сходить к местному шаману, чтобы тот снова почистил мне женскую карму, как принесли заказ. Ловкий подавальщик расставил тарелки, бокалы и пару графинов с напитками. На каждое новое блюдо Харриет восхищенно закатывала глаза. Подозреваю, в красиво сервированных рыбных блюдах подруге особенно нравилось то, что не она их готовила, полвечера проведя над очагом с пышущей жаром сковородкой.

– Божечки же ты мои! – восторгалась подруга. – Красота какая, даже есть жалко! Передайте мои личные благодарности повару, он у вас гений!

Неожиданно на стол были поставлены блюдо с красиво нарезанными фруктами и ведро с охлажденным игристым вином.

– Хозяин праздника просил передать в качестве приветствия, – пояснил подавальщик.

Не дав нам шанса отказаться от подарка, он немедленно открыл угощение. Пробка вышла тихо, а не выскочила с громким хлопком, пугающим окрестных драконов. Кисловатая пена не летела в разные стороны, из бутылочного горлышка не выбивался хмельной гейзер и не портил потолок.

Оставшись наконец втроем, мы подняли бокалы за удачный отдых, теплое море и дыру на лимонных портках у Харви Крейва (я). Еда оказалась вкусной, вино благородным, а коктейли выше всяких похвал. Особенно они заиграли по-новому, когда в стаканы были

влиты остатки игристого. Через некоторое время Харриет объявила, что намерена отыскать дамскую комнату, и вышла.

Она исчезла на некоторое время, а когда наконец вернулась, то объявила:

– Там все закрыто! Мэри, доставай палочку, пойдем замок вскрывать.

Врываться в дамскую комнату с помощью магии никто, конечно, не собирался, но вдвоем мы поднажали на запертую дверь и неожиданно вывалились на танцевальную площадку. От движения ярко вспыхнули магические лампы, и за пределами помоста ничего толком не удавалось разглядеть. Правда, мы не очень старались.

Сверху или сбоку – может, с какой-то другой стороны, с координацией у меня имелись некоторые проблемы, – хлынула громкая мелодия. Невольно мы задрали головы, пытаюсь найти источник музыки. И тут перед нами появился столб! Вернее, он, без сомнений, стоял посреди сцены и прежде, но обнаружился лишь в тот момент, когда Харри вошла в него лбом.

Стараясь удержать равновесие, подруга схватилась за столб двумя руками. Неожиданно она начала наклоняться и обворачиваться вокруг металлической опоры, как лоза. Пальцы разжались, и на полном ходу Харри рухнула на пятую точку. Кажется, под моими ногами содрогнулся дощатый помост.

– Мэри, я в полном порядке! – помахала подруга рукой и, схватившись за коварный столб, вернула вертикальное положение. – Не берись за эту трубу! Она ужасно скользкая!

Только мы собрались вернуться в коридор, чтобы найти дамскую комнату, как из выбитой двери на сцену выпал долговязый блондинистый парень. Тот самый, что стоял возле Крейва и таранился на меня, как на украшенную к Новому году березу.

– Вот ты где! – Музыку он умел перекрикивать ничуть не хуже Харри. – Я тебя везде ищу, а ты уже танцуешь!

– Ты кто? – сморщилась я.

– Я жених! – проорал он, пытаюсь сложить потные ладони мне на голые плечи.

Нет, конечно, руки, может, были сухие, но проверять не возникло никакого желания. Вдруг решит опереться? Вокруг такая страшная качка, самой бы на ногах устоять.

– Чей? – искренне удивилась я.

Внезапно музыка замолкла, и вопрос повис в воздухе. Лампы на сцене погасли. Нас окружила темнота.

– Мэри, божечки мои дорогие, я ничего не вижу! – охнула Харриет.

– Зажгите свет, демоны! – согласился жених.

Через секунду вспыхнула потолочная люстра, залив помещение ярким светом. Сначала я ослепла, а потом прозрела, но сощуриться все-таки пришлось. Перед глазами качался просторный зал с большой стойкой виночерпия и кучей ошарашенных мужиков, через один одетых в желтые брюки. Похоже, мы вломились на слет любителей лимонных порток!

– Конец, – прозвучал знакомый хрипловатый голос.

Возле низенькой сцены стоял Харви Крейв. Рожа была непроницаемой, но взгляд – ну очень недобрый.

– Конец танцам на шесте, – пояснил мой бывший.

– На шесте?! – Харриет резко отпустила металлический столб и с ужасом посмотрела на свои ладони.

Перепутать столб с шестом?! Никогда в жизни не чувствовала себя такой... блондинкой, как сейчас!

Между тем Харви незаметно поднялся на сцену и оказался рядом со мной. Нас впервые за два года разделяло столь незначительное расстояние, хоть бери и немедленно отдавливай ему ногу. Я даже несколько растерялась от открывшихся перспектив, а поэтому не сопротивлялась, когда сильные пальцы сжались на моем локте.

– Госпожа Крафт, нам есть что обсудить, – заявил Харви безапелляционным тоном, каким, наверное, разбивал в пух и прах противников в королевском суде.

– Почему со мной? – Я изогнула брови.

– Вы выглядите самой трезвой.

О том, что мнение ошибочное и мне просто удастся хорошо притворяться, предпочла промолчать, но съехидничать возможности не упустила:

– Думала, что вы предпочитаете писать письма, господин Крейв, а не говорить лично.

– Как правило, – неожиданно легко согласился он, – но мне не понравилось получать от вас ответы, госпожа Крафт.

Признаться, ответ на его прощальную записку вышел излишне эмоциональный. Я использовала весь запас бранных ругательств, услышанных от профессиональных колдунов за время службы, но никогда в жизни не произносила вслух. Перенесенные на бумагу, эти ругательства смотрелись гармонично и доходчиво объясняли мою точку зрения на сухую просьбу остаться друзьями. Я-то ожидала предложения переехать на север королевства и родить троих детей. Вот что делают с приличными девушками неоправданные надежды!

Без особых расшаркиваний Харви подтолкнул меня к краю сцены. Сама не понимаю, почему позволяла себя вести... куда-то там. Наверное, из любопытства.

– Господин Крейв! – неся нам в спины возмущенный голос Харриет. – Немедленно поставьте Мэри туда, откуда забрали! Вы портите ей женскую карму!

– Харви, ты мне друг или будущая теща? – выл жених. – Не порть веселье! У меня жизнь заканчивается!

– Жених, ты женишься, а не умираешь! – набросилась Харриет на оторопевшего парня, напрочь забыв, что ее подругу тащат между столиками к выходу из зала. – Что за странное мнение, что после свадьбы жизни нет? Спроси моего мужа, он подтвердит, что собственная семья – это прекрасно. Всегда есть на кого поорать!

На этом мы вышли в пустой холл, где царил полумрак, умиротворяюще журчал фонтан и по-прежнему стоял запах табачного перегара.

– Мариса, давай договоримся, – проговорил Харви, оставив в покое мой локоть и даже отодвинувшись. – Я заплачу по двойному тарифу, а вы собираете вещи и уходите из ресторации.

– Слушай, мне впервые предлагают приплатить, чтобы я осталась голодной, – восхитилась я. – Ты пьяный, что ли?

– Кажется, мы друг друга не понимаем. – Он оставался спокойным и собранным, в общем, как всегда первостатейной скотиной. – Я оплачу все расходы, но вы покинете заведение. Будем считать, что вы уже сплясали на этом мальчишнике.

– Вообще-то у нас девичник...

Злосчастный шест посреди сцены и Харриет, за него цепляющаяся, всплыли перед мысленным взором... И от возмущения

меня мгновенно отпустил коктейль, перемешанный с игристым. Сознание удивительным образом прояснилось.

– Ты считаешь, что я водевильная танцорка?!

– Называть тебя балериной? – быстро переспросил он, не сводя взгляда с моего лица.

Внезапно за закрытыми дверьми «обитатели желтопорточников» вновь громыхнула музыка. Полился развеселый водевильный мотивчик. Недолго думая, мы вернулись обратно и замерли на пороге утопленного в темноту зала. На ярко освещенной сцене от души отплясывали три почти раздетые девицы.

– Мариса.

– Что? – сквозь зубы процедила я.

– Распоряжусь, чтобы ваш ужин записали на мой счет.

Долгую секунду мы смотрели глаза в глаза.

– К чему извинения. Правда, Харви?

С улыбкой я наступила ему на ногу острым каблуком, а заодно разок провернула, чтобы окончательно прояснить мое отношение к идиотской ситуации.

– Два года прошло, а ты по-прежнему ведьма, – скривился он от боли.

– Два года прошло, а ты по-прежнему скотина!

Я гордо удалилась, убеждая себя, что не надо хватать магическую палочку и возвращаться. Лицензия важнее!

Оказалось, что верные подруги не только не торопились меня спасти из лап очередного, на этот раз городского, дракона, а преспокойно заправлялись десертом и хмельными напитками!

– Мэри, ты представляешь? Нас, оказывается, приняли за танцовщиц! А тебя за фокусницу. Ну, знаешь... показываешь фокусы, а по ходу раздеваешься. Догола, – громко поделилась Харриет, успевшая допить и игристое, и коктейли, если судить по дикции. – Но уже извинились.

– И принесли коньяк за счет заведения. – Эмма указала на фигурную бутылку. – Кстати, Харви Крейв выжил?

– Да, но надеюсь, остался одноногим.

– Знаете, нам точно надо сходить к местному шаману, – покачала головой Харриет. – Даже я начинаю верить, что встретиться с бывшим Мэри – это дурная примета...

А потом – как будто даже неожиданно – наступило утро. Я проснулась одним махом; показалось, будто кто-то ломился в двери. Голову прострелило ужасной болью. Глаза резало, хотя из-за густой растительности за окном в комнату практически не проникало солнце. Осознавать себя живой было поистине мучительно! Еще почему-то было душно и тесно.

Осторожно приподнявшись на локтях, я обнаружила, что спала между подругами в комнате Харриет. Одета в полосатый купальный костюм и... бежевое осеннее пальто. И если морской комплект был куплен мной лично в торговой лавке на центральной улице Гранаха, где продавали разные женские штучки для курортного отдыха, то пальто оказалось совершенно незнакомым. Ей-богу, первый раз в жизни видела! И не понимала, откуда оно взялось.

Несколько долгих, изнурительных секунд я честно пыталась вспомнить, что случилось накануне. И ничего! Последнее воспоминание – про разговоры о шамане под коньячный хмель. Ну и скорченная мина Харви Крейва тоже почему-то всплыла из глубоких слоев подсознания. Не то чтобы кто-то ее – эту чертову мину – специально пытался воскресить в трещащей голове. Но возвращение домой, а главное, события между той бутылкой с крепким алкоголем, доставшейся нам совершенно бесплатно (или все-таки платно?), и утренним пробуждением оказались напрочь стертыми.

Подруги, одетые во вчерашние измятые платья, спокойно похрапывали. Великий Руперт с осоловелым видом жался к стене. На раскрытой крышке висело нечто пенно-кружевное.

Боже, пожалуйста, натолкни на мысль, что мы вчера делали? Надеюсь, что мы не ходили за покупками на ночной базар, чтобы потом устроить показ мод, а тихо-мирно перековыряли багаж Харриет.

В тишине гостевого дома кто-то заколотил в дверь. В каждом ударе ощущалось раздражение и нетерпение, словно ранний гость давным-давно стоял на пороге и злился, что ему не желают открывать. Ни Мими, ни Харри признаков пробуждения не подали, хотя дома мать троих детей вскакивала по любому шороху, доносящемуся из детской. Сама видела, когда однажды ночевала у Рупертов. Похоже, отсутствие детской в шаговой доступности расслабляло.

Пошатываясь, я выползла из душной спальни и едва не шарахнулась обратно. В гостиной царил ледяной холод, странно, что

на мебели не лежала снежная изморозь. На дороге валялась моя туфля. Одна. Вторая куда-то исчезла. Поплотнее запахнув пальто, я кое-как пригладила торчащие в разные стороны кудрявые лохмы и побрела по холодному мраморному полу к двери.

Сквозь дощатые бамбуковые ставенки было видно, что снаружи, прикладывая к окну ладони, дом напряженно разглядывал Броди. Он даже подпрыгивал от нетерпения. В прямом смысле этого слова.

Приметив меня, похожую на оживленный труп, гид с широкой белозубой улыбкой энергично помахал рукой. Кажется, теперь я знала, почему люди решались на смертоубийство...

Едва-едва приоткрыв дверь, высунула в щелку нос. За порогом было жарко. Хуже, чем в спальне.

– Броди, у тебя других туристов нет?

– Доброе утро, госпожа Мариса! Стучусь, стучусь! Уже переживать начал.

– Почему ты решил разбудить именно нас? – Голос у меня скрипел, как несмазанные петли. – Особенный сервис для любимых клиентов?

– Уже шесть утра!

Я подавилась на вздохе.

– Надо сейчас выезжать, если хотим все успеть! – словно издеваясь, лучился он раздражающей бодростью. – Программа-то обширная.

Некоторое время мы выжидательно таращились друг на друга.

– Куда мы собрались? – наконец уточнила я.

– Как же? На экскурсию в пещерный храм, где живет шаман-отшельник.

Господи! Чем дальше в утро, тем жить страшнее!

– Напомни мне, Броди, а экскурсия-то групповая? – Я пошире открыла дверь и проверила: не ждет ли на дороге полный вагончик путешественников, раздосадованных вынужденной задержкой в пути.

Вагончик стоял перед домом, возница сидел на козлах, лошадки настороженно стригли ушами. Пассажиров не было.

– Индивидуальная, – подтвердил догадку Броди.

– Отдавали чеком или наличными?

Честное слово, плевать на деньги! Здоровье важнее. Вряд ли мы переживем этот день и не выплывем из портала в Гранахе вперед

ногами, если решимся на путешествие в горы. Нам никак нельзя издыхать! У Харриет трое детей, мне намекали на повышение, а Эмма все еще надеялась стать лучшим страховым агентом года и увидеть свой гравированный портрет на «стене славы» в конторе.

– Наличными, – подсказал Броди. – Госпожа Мариса, вы же лично перепроверили деньги. Тридцать шиллингов.

– За всех?

– За каждую, – напомнил он.

Почти сто шиллингов за поездку к шаману?! Ночью я вышла замуж за магната и напрочь об этом забыла?! Да на эти деньги можно взять напрокат яхту с морским драконом и сутки путешествовать по окрестным островам!

– Двадцать минут! – Я захлопнула перед носом Броди дверь, но немедленно открыла и бросила в лицо ошарашенному парню: – Десять минут! Нет! Мы уже почти вышли!

Сочетание «девяносто шиллингов» и «шаман» в одном предложении подействовали на подружек, конечно, не отрезвляюще, но лучше любого заклятья для пробуждения. Во-первых, выяснилось, что ни одна не помнила, как мы покупали идиотское путешествие. Во-вторых, оказалось, что ни одна вообще не помнила вчерашнюю ночь. От забористого питья, подаренного ресторацией, у нас случилась коллективная амнезия!

Мы вообще не понимали, в чье пальто я нарядилась, отчего у Харриет все руки были перепачканы чернилами, а на шее у Эммы висел тонкий веночек из завядших розовых цветочков, прежде явно украшавший голову. К слову, очки она все-таки посеяла. Хорошо, что всегда с собой возила запасные. Двое.

Сказать, что мы привели себя в порядок, оказалось бы явным преувеличением. Быть точнее, попытались выглядеть достойно в условиях, когда помятый вид, не смытый скоростным купанием и не замаскированный освежающим лосьоном, красноречиво доказывал, что накануне приличные девушки вели себя совсем неприлично. Как настоящие разбитные ведьмы.

Гуськом, хмурые и раздраженные, мы пошагали к вагончику. Свежая трава на неприкосновенном газоне была заметно истоптана. Предупреждающая табличка валялась на траве. Похоже, кто-то из нас решил, что ночью спят не только пресноводные драконы, но и

ядовитые змеи, и с чистой душой прополз до домика не по дорожке, а по мягкой зелени. Может быть, даже чуточку полежал по направлению к входной двери.

Неожиданно я поймала себя на том, что проверяю локти – не сбиты ли. Руки оказались в порядке, значит, ползал кто-то другой.

– Дамы, вы превосходно выглядите! – жизнерадостно улыбнулся Броди и мгновенно ссутулился, спрессованный тремя ненавидящими взглядами. – В смысле, для такого раннего часа.

Мы расселились. Вагончик тронулся и покатился, закачался на дорожных кочках.

– Мы можем остановиться возле кофейни на выезде из города, – предложил гид. – Там ледяной кофе с бодрящим эликсиром заливают прямо во фляжки. Кстати, настойки от мигрени тоже продаются. Очень, очень популярное место. Абсолютно все останавливаются, когда едут на гору Блэкрот.

– Бодрящим эликсиром он деликатно назвал снадобье от похмелья? – едва слышно, чтобы услышала только я, фыркнула Мими и громко произнесла: – Кофейня – отличная идея!

Харриет сидела с другой стороны, прислонившись головой к стенке вагончика, и с тоскующим видом смотрела на проплывающую мимо цветущую улицу.

Между тем гид вытащил из заплечной холщовой сумки потрепанный блокнотик, полистал и объявил:

– Дамы, после вашего визита я составил план на весь сегодняшний день. Сейчас мы едем в храм на выход шамана из обители. Вы получаете благословение, наслаждаетесь прекрасными видами озера, катаетесь на качелях над пропастью, а потом мы спускаемся с горы на ездовых драконах...

– Броди, остановись! – резко перебила я, где-то между «качелями» и «ездовыми драконами» почувствовав приступ тошноты. – Что ты там сказал о пропасти?

– Все как вы вчера выбрали, – как будто засомневался гид.

И правильно сделал, что засомневался! Кто вообще слушает дам в невменяемом состоянии? А если бы мы захотели поплавать с морскими драконами?!

– Вы уже оплатили! – нажал он на самое больное место девушек – на отощавший кошелек. – Завтра в питомнике вы купаетесь с

морскими драконами.

– Оплачено?! – в три голоса гаркнули мы.

– Нет! – Броди вжался в спинку сиденья.

– Спасибо тебе, дорогой божечка, – тихо проговорила Харриет и перекрестилась.

– То есть плавание с драконами отменяется? – поскущел гид.

– Нам за глаза хватает своего, пресноводного, под верандой, – честно призналась я и провела большим пальцем по лбу, намекая, что не только за глаза, но и до самой макушки хватит общения с крупногабаритными ящерами. Нам еще сегодня, судя по всему, на них с горы спускаться. Я поймала себя на том, что соображаю, как избежать этого странного во всех отношениях приключения.

– А что мы еще захотели посмотреть? – с болезненной гримасой уточнила Эмма.

Вообще-то она всегда выступала за активный отдых и, в отличие от меня, загар ее интересовал мало, но, видимо, сегодня мысль о метаниях по острову вызывала не только душевную, но и физическую боль.

Броди начал перечислять, и нас охватила единодушная скорбь. Что все-таки было намешано в забористом коньяке, если нормальные люди от него превращались в сумасшедших поклонников экскурсий, готовых день-деньской носиться по острову в погоне за красивыми видами и новыми знаниями? Я уже взрослая колдунья! Хочу на пляж с белым песочком, мускулистого красавчика и порошок от мигрени, а вот это все – вообще не хочу.

– Стоп! – Эмма резко выставила руку, когда гид назвал какой-то полуразрушенный дворцовый комплекс где-то высоко в горах. – Вот это оставим.

– На меня не рассчитывай, – немедленно отказалась я.

– А я поеду! – добавила Харриет.

– Хорошо, так и запишем. – Он быстро вытащил грифельный карандашик и сделал пометку.

– Броди, у меня есть один деликатный вопрос... – Я кашлянула. – В какое время мы к тебе пришли во второй раз?

Поймав на себе три выжидательных взгляда, он быстро заморгал и признался, как на допросе:

– В десять часов пять минут.

Выходит, употребление ядерного уничтожителя памяти много времени не заняло. Надеюсь, «Морской конек» стоял на прежнем месте и подавальщики ждали посетителей, а не разбирали завалы после того, как в заведении отдохнули три ведьмы с магической палочкой. Одной на всех, что никак не умаляло разрушительной силы.

– Что было потом? – допытывалась я.

– Потом вы выбрали экскурсии и ушли. – Он недоуменно оглядел нас.

– Я приходила одетая?

– Да? – вопросительно, словно боялся за ответ огрести пару подзатыльников, уточнил Броди.

– В пальто?

– Кажется, без него, – совсем неуверенно отозвался он.

– Ясно. – Я тяжело вздохнула.

Откуда же взялось это дурацкое пальто? Боже, я снова передумала! Пожалуйста, дай хотя бы намек: что вчера происходило?

Кофе с бодрящей настойкой оказалось поистине исцеляющим. К тому времени, как вагончик начал подниматься в гору и неповоротливой гусеницей пополз по змеистой дороге, головная боль отступила и с души перестало воротить. Жаль, воспоминания не вернулись. В один момент, когда открылся вид на безбрежное южное море, сверкающее под тяжелым солнцем, Харри воскликнула:

– Ой, я что-то вспомнила!

– Что? – воспрянули мы с Мими духом.

Харриет подняла палец, готовая молвить, мы замерли, готовые внимать, и даже Броди с любопытством повернулся правым ухом, словно левым слышал хуже.

– Нет, – покачала головой подруга после паузы, – показалось. В этом воспоминании есть Эдди.

Мы сникли и отвернулись к окну. Вагончик как раз проезжал возле отвесной скалы. Заклятье, сдерживающее оползни, поблескивало в золотых солнечных лучах. Оставалось грустно любоваться видом рыжих камней, покрытых магической сеткой.

Пещерный храм оказался настолько популярным местом на острове, что площадка перед каменной лестницей, ведущей к нему, была полностью заставлена туристическими вагончиками и экипажами с эмблемами дорогих гостиных дворов на дверцах. Если верить словам

Броди, то ступенек в подъеме было сто двадцать и это сакральное число означало какие-то хорошие предзнаменования.

– Если быть точнее, сто двадцать пять, – с обычной жизнерадостной улыбкой объявил гид.

Стойте-стойте! Лишние пять ступенек решали абсолютно все! Я поймала себя на мысли, что ищу повод остаться в вагончике, полюбоваться на окрестные виды: тропические заросли, горные хребты... Ведь если продраться через густые кусты, то пейзажи непременно откроются? Или – вон! – прогуляться по мелким лавчонкам, продающим перекус и травяные чаи.

Освежающие напитки разливали из больших глиняных кувшинов в выточенные из бамбука узенькие стаканчики. Длинные деревянные трубочки из полых стеблей незнакомого мне местного растения тоже прилагались. Однако по решительным лицам подруг, собравшихся штурмовать ступени, было ясно, что без подправленной женской кармы, испорченной новой встречей с бывшим женихом, и предсказания о муже с горы Блэкрок я не спущусь... Осталось только наверх вскарабкаться.

К храму прибыл новый туристический вагончик. Из него, как горошины, высыпались два десятка пассажиров престарелого возраста в одинаковых зеленых шляпах. Повинуясь гиду с флажком на длинной палке, группка организованно покатила в сторону торговцев. В руках у некоторых туристов были зажаты знакомые бутылочки из той же кофейни, куда нас отвез Броди. Видимо, теперь народ желал коллективно позавтракать.

Глядя на людей, с азартом выбирающих перекус, строго-настрого запрещенный девушке на диете «ешь меньше», я не удержалась и сбежала к прилавку с белым рисовым хлебом. Вообще любая выпечка у меня находилась под запретом, но – честное слово! – человек, преодолевший сотню с лишним ступенек, имел право отпраздновать подъем маленькой булочкой. Пятью маленькими булочками, если быть точнее.

Пока я покупала контрабанду, Эмма с Харриет потерялись. Зато Броди оказался на месте. Он выглянул из окошка вагончика и махнул рукой в сторону бесконечной лестницы:

– Ваши соседки уже поднялись.

– А ты?

– А я получил прорицание в прошлом месяце. Оно еще не исполнилось, – хитро улизнул он от испытания физической формы.

Судя по вчерашнему перетаскиванию Великого Руперта, атлетическая подготовка у Броди была где-то на уровне профессиональной колдуньи (меня), последний раз летавшей на спортивной метле в конце первого курса. Я честно пыталась попасть в команду академии, но на отборе свалилась на дорожку в середине третьего круга. Было бы не так позорно, если бы накануне не прошел дождь и земля не превратилась в месиво.

С обреченностью я двинула в сторону ступенек, по которым очень шустро забиралась группа в зеленых шляпках, неуклонно следующая за флажком гида.

– Госпожа Мариса! – окликнул меня Броди, по пояс высунувшись из окошка вагончика. – Не кормите диких драконов с рук. В прошлом году одному парню откусили три пальца.

– Драконы? – насторожилась я, вспомнив страшную морду жителя лотосового озера.

– В храме живут миниатюрные драконы. Очень прожорливые! Кидайте корм на землю. – Он указал на пакет с булками в моих руках. Я покосилась в содержимое пакета и мудро промолчала, что собиралась этим кормом закусить лично.

Подниматься к пещере оказалось тяжело. В середине лестницы у меня сбилось дыхание, заныли ноги и почти иссяк оптимизм. Еще через пару десятков ступеней он вообще издох. Второе дыхание открываться отказывалось.

Неожиданно я осознала, что как зачарованная ловлю взглядом флажок, иду исключительно на этот трепыхающийся в руках гида «маячок» и немножко ненавижу конкурентов преклонного возраста. Они карабкались без передышек и перерывов на водопой.

Если бы хоть одна шустрая старушка или приземистый дедушка притормозил, чтобы прийти в чувство и похлебать водички из фляжек, я воспользовалась бы предложением и упала на ступеньки. Полежать, знаете ли. Отдохнуть чуточку. Однако старички упрямо карабкались, демонстрируя впечатляющую силу духа, накопленную за многие прожитые годы. Не пойму: у них суставы вообще не ныли? У меня через полсотни ступеней очень неприятно защелкало в коленной чашке!

Лестницу удалось преодолеть не из большого желания пообщаться с шаманом или отыскать подруг, а скорее из нежелания спускаться вниз, раз уж вершина маячила перед самым носом.

Наверху росли деревья, разевала черную пасть пещера. Вход охраняли каменные изваяния ощеренных драконов, а вокруг копошилась целая стая откормленных туристами дракончиков цвета пыли и размером с кошку. Они с любопытством, агрессией и опаской ждали подношений от шумных гостей.

В растерянности я покружила по оживленной площадке перед пещерой. Подруг видно не было. Вдруг кто-то неаккуратно швырнул мне под ноги пригоршню мелких орешков, и на подачку бросилась целая прожорливая свора мелких крылатых тварей. Даже страшно стало, что меня перепутают с едой или отберут булки заодно с ридикюлем. Я быстро попятилась и вмазалась в горячую мужскую спину.

– Простите! – оглянулась через плечо.

Сверху вниз на меня смотрел Харви Крейв. Он был одет в дорогую льняную рубашку без воротничка и даже на горе Блэкрот выглядел тем, кем являлся: успешным, обеспеченным мерзавцем. В общем, он еще слова не произнес, а уже бесил страшно.

– Не очень доброе утро, Мариса?

– Отчего же? – фыркнула я. – Прекрасное утро. Встреча, правда, не очень приятная.

Ей-богу, лучше бы бесил молча... Как можно приводить в порядок женскую карму, если источник беспорядка находится на расстоянии полушага? Разве что устранить ударом магической палочки по голове. Без заклятья, заметьте! Иначе лишат лицензии.

– Удивительно встретить тебя здесь. Судебный заступник начал верить в шаманов?

– Почему нет, если в них верит профессиональная колдунья? – с иронией ввернул он.

И только я собралась сказать какую-нибудь гадость, как на его локоть легла ухоженная женская рука с кольцом на безымянном пальце, хищно сверкнувшим большущим бриллиантом. В глазах у меня потемнело. Уверена, что от блеска камня, а не от странного подленького чувства ревности. Узнать, что бывший собрался жениться, оказалось неожиданно неприятно.

– Ты нас представишь? – Хозяйка холеной руки, кольца и бриллианта говорила со столичным акцентом. Еще у нее была широкополая шляпа, длинные ресницы, выращенные в салоне с помощью магических эликсиров, пухлые губы, к сожалению, родные, и никаких буйных кудрей...

Харви словно задумался.

– Ты что, правда нас представишь?! – опешила я.

– Не хочешь? – издевательски спросил он.

– Не то чтобы не хочу, просто полагала, что неприлично знакомить бывшую девушку и, так сказать, действующую.

– А? – захлопала ресницами-опахалами эта самая «действующая».

Губы Харви растянулись в улыбке, от которой на левой щеке появлялась ямочка, вводившая меня в странное гипнотическое состояние. В этом трансе, помнится, я тайком купила фату, позже сожженную на ритуальном костре в камине. Хозяйка моей квартирки, живущая этажом ниже, до сих пор припоминает, как сильно воняли тлеющие благородные кружева. Хуже истертой половой тряпки.

В общем, оставаясь возле улыбающегося бывшего жениха и его нынешней невесты, я рисковала испортить последние лоскуты женской кармы. Если, конечно, такие еще сохранились.

– Мэри, мы здесь! – разлетелся в разные стороны вопль Харриет, не сдержанный потугами говорить громким шепотом. Никогда еще она не орала настолько своевременно и в нужной тональности.

– Удачи с предсказаниями, – кивнула я и с гордым видом отправилась к подругам.

Они стояли в исключительно удобном месте: почти у входа в пещеру, где было легко перехватить шамана, но в тенечке от высокого дерева с лопаухими зелеными листьями.

– Ты снова на него наткнулась. Четвертый раз! – недобро сощурилась Харри в сторону эффектной парочки.

– А ты считаешь? – съехидничала Эмма.

– Конечно! – Мать троих детей передернула плечами. – Дурные знамения требуют тщательного подсчета, чтобы потом понять размер кармической катастрофы.

Харриет Руперт, профессиональная колдунья по образованию, прекрасно знала, что гадалки и шаманы не имели ничего общего с

магией, но раз в год обязательно смотрела будущее на кофейной гуще или ходила раскладывать карты.

– А кто рядом с Харви? – спросила Эмма.

Мы открыто смотрели на него, он открыто смотрел на нас, а неземное создание следило, как мелкие дракончики у них под ногами дрались за яблоко. Какая кровожадная невеста! Харви такую точно заслужил.

– Будущая госпожа Крейв, – искренне веря, что голос прозвучал безразлично, пояснила я.

– Кто сказал? – насторожилась Харриет, словно сама мысль, будто мой бывший надумал создать семью с длинноногой красоткой, претила ее чувству прекрасного.

– Кольцо у нее на безымянном пальце.

– Могу поспорить, она модель из каталога в каком-нибудь столичном доме мод, – глубокомысленно протянула Эмма. – Почему вы так на меня смотрите?

– Ты вообще на чьей стороне? – уточнила Харри.

– Если вы не в курсе, то женщина бывает или умной, или красивой, или профессиональной колдуньей с магической палочкой, – терпеливо пояснила Мими. – Харви Крейв всегда считал себя самым умным, он заслужил жену из дома мод.

В голове вдруг возникла обиженная мысль, что меня-то никто и никогда не звал работать в дом мод или сниматься в красивых платьях для сезонных каталогов, которые потом продавали в книжных лавках по монетке за штуку.

– Да, ты права, – задумчиво согласилась Харриет.

Если у меня когда-нибудь неожиданно возникнет переизбыток самодовольства, то лучшие подруги обязательно помогут с ним справиться. В точности как сейчас. Интересно, к какой категории они относили себя, если, имея дипломы, все-таки лишились магических палочек.

Харри вытащила из моего пакета рисовую булочку и принялась энергично жевать. Из листвы раздалось подозрительное шипение. Дружно вздрогнув, мы быстро подняли головы. Свешиваясь вверх тормашками с толстой ветки, на нас нехорошо щурился дракончик. Тонкий хвост с острым шипом на конце ходил туда-сюда, как у раздраженной кошки.

– Почему он на меня так недобро смотрит? – пробормотала Харриет.

– Потому что ты ешь его корм, – съязвила я и, пихнув ей в руки весь пакет, объявила: – Прогуляюсь.

– Не уходи далеко, а то потеряешься! – недовольно заворчала мне в спину мать троих детей.

Гулять пришлось в противоположную от Харви сторону, ориентируясь на флажок чужого гида. По тропинке, выстланной старыми рассохшимися дощечками, он уводил своих подопечных в густую рощу. Решив, что вряд ли большая компания заблудится на горе Блэкрот, я пошагала следом.

Под ногами прогибались, поскрипывали старые дощечки, и все шло, в общем-то, хорошо, но на сандалии развязались ленты. Туфелька свалилась с ноги. Пришлось неловко нагнуться, ради приличий не задирая длинный подол легкого платья. Пока я ковырялась с ускользящими из пальцев завязками, бодрые старички свернули на развилке и скрылись за густыми зарослями.

Неожиданно какая-то сволочь самым нахальным образом попыталась вкрадчивым движением вытянуть зажатую под мышкой сумку!

– Заколдую!

Обычно действовало безотказно, даже оборачиваться не приходилось, но сумку дернули еще сильнее. Я резко развернулась и обнаружила, что обчистить меня пытался дракончик с выразительно-вкрадчивым выражением на усатой морде. Крылатые подельники помельче затаились на толстой ветке, не очень успешно маскируясь под кору дерева. Видимо, они были на подхвате.

Охнув от возмущения, я рванула сумку. Дракон зашипел, продемонстрировав ряд острых клыков. Переднего не хватало. Видимо, разбоем ящер занимался давно и уже был много раз бит.

– Да ты охамел, щербатый!

– Чем тебе не угодили драконы? – прозвучал смешок Харви.

Оказалось, что бывший энергичной поступью приближался к месту схватки. Деревянный настил под ногами дрожал от его шагов. Состроив пресную мину, я рванула ридикюль и направилась к указателю, откуда дорожка раздваивалась в разные стороны.

Неожиданно мы с Харви зашагали в одном ритме, как вышколенные стражи на службе. Удивительно, что не проломили доски. На развилке пришлось быстро соображать, куда поворачивать. Один указатель направлял туристов к озеру драконов, другой – в древнее драконье святилище. Я повернула туда.

– Придется подниматься по лестнице, – немедленно прокомментировал Харви, не думавший отставать.

Нет, я точно лягу на очередной сотне ступенек. Мне еще с первой спускаться к туристическому вагончику. Всем видом показывая, что внезапно передумала и решила полюбоваться на озеро, я развернулась. Харви перекрывал дорожку. Оставалось или его столкнуть в заросли, или упереться носом в грудь. Оба варианта были паршивыми.

– Ты меня преследуешь, Харви Крейв?

– Да, – без тени улыбки или иронии согласился он.

Прямолинейный ответ мгновенно перепутал все мысли, и в голове воцарился полнейший хаос. Пока я пыталась придумать какую-нибудь ядовитую колкость, желательно отравляющую мужское достоинство, он зачем-то вымолвил:

– Свадьба завтра.

– Рада за тебя, – сухо отозвалась я, чувствуя, как в животе словно перевернулся тяжелый камень. Перед мысленным взором вновь появилось кольцо с крупным бриллиантом.

– Это очень мило, что ты за меня рада, – хмыкнул Харви. – Но, к счастью, на этой свадьбе я только друг жениха.

– То есть неловкое вранье, что я рада, было неуместно?

– С Паскалем ты познакомилась вчера на мальчишнике, – продолжил Харви. – Он исчез.

– Кто такой Паскаль?

– Жених, – подсказал бывший, в точности копируя мой насмешливый тон. – И мне пришлось везти его невесту сюда.

Две вещи стали очевидны: кольцо с крупным бриллиантом, сверкающее на пальце у худосочной манекенщицы, покупал вовсе не Харви, и это открытие почему-то меня нечеловечески радовало. Сразу дышать стало легче, захотелось язвить и плевать ядом. В общем, вернулся вкус к жизни.

– Давно ты начал подменять друзей, когда они сбегают перед свадьбами? – протянула я.

Некоторое время он меня разглядывал с полуулыбкой на губах.

– Мариса, вчера я видел вас с Паскалем перед ресторацией.

– Наблюдал за женихом?

– За тобой.

Учитывая, что в голове у меня вместо воспоминаний зияла большая черная дыра, а Харви сыпал краткими, быстрыми ответами, одновременно и злыми, и вызывающими мурашки, захотелось ощетиниться. Лишать себя удовольствия я, конечно, не стала:

– Ты пытаешься обвинить меня в соблазнении чужого жениха или в похищении? Скорее всего, он захотел остаться с невестой друзьями и сбежал на морском драконе в Гранах!

– Почему на драконе, а не через магический портал? – по-настоящему заинтересовался он.

– Откуда я знаю? – передернула плечами. – Вы, мужчины, всегда выбираете неочевидные способы бросить девушку! Дай пройти!

Заставив Харви подвинуться, я попыталась проскочить рядышком, но он схватил меня за локоть. Прикосновение словно отравило по руке магические разряды. Удивительно, как лохматые кудри не встали дыбом.

– Мариса, стой! – тихо вымолвил Крейв.

– Нам нечего обсуждать.

– Я не о том... – быстро проговорил он, и следом раздалось знакомое шипение.

Пока мы препирались, со всех сторон подтянулись мелкие дракончики. Похоже, крылатая банда задумала обчистить отбившихся от стаи туристов!

Интересно, серые миниатюрные драконы внесены в книгу исчезающих видов?

– Внесены, – согласился он.

– Господи, ты мысли, что ли, читать научился? – Невольно пятясь от опасности, я незаметно уперлась спиной в грудь Харви.

– У тебя появилась забавная привычка говорить вслух. – Он немедленно положил ладони на мои плечи, словно только и ждал удобного случая их потрогать.

– Харви Крейв, твои руки не вписываются в мои плечи! – прямо заявила я, пытаюсь освободиться.

Дергаться, конечно, не стоило. Крылатый бандит, подобранный к нам особенно близко, мгновенно оцетинился.

– Тихо, Мариса! Ты их нервируешь, – на ухо промурлыкал Харви.

Понятия не имею, почему его голос звучал так довольно, будто обнаглевшее стадо драконов не перепутало нас с рисовыми булочками!

– Я тоже нервничаю, – процедила я и предприняла очередную попытку освободиться от его рук.

Взвившись, дракончик расставил крылья, агрессивно зашипел и выпустил из разъявленной зубастой пасти облачко жиденького дыма.

– Он что, сейчас попытался в меня пламенем плюнуть?! – охнула я.

– Вообще он больше похож на курильщика, чем на поджигателя, – исключительно серьезно заметил Харви.

Он всегда шутил с такой величественной миной, что не сразу поймешь, в каком месте нужно смеяться. К слову, я частенько не угадывала и хихикала невпопад. Как дурочка, в общем.

– А чувство юмора у тебя по-прежнему паршивое, – проворчала я и мысленно смирилась, что без магии к храму мы вряд ли выберемся.

– По крайней мере, оно у меня есть, – парировал он.

– Ты себе льстишь.

Я резко обернулась через плечо, чтобы подлец сумел оценить силу презрительного взгляда, но просчиталась абсолютно во всем. Наши губы оказались в нервирующей близости, а еще драконы явно решили, что жертвы собрались отбиваться! Стая как по команде расставила крылья и выпустила в нашу сторону облака сероватого дыма. Воздух затянуло жидким туманом. Стало очевидным, что без магии справиться с мелким ворьем не удастся.

Прочистив горло, я тихо произнесла:

– Харви...

– Да, Мариса? – не сводя взгляда с моих губ, выдохнул он. В голосе послышалась чувственная хрипотца, а пальцы на моих плечах сжались сильнее.

– Ты же не позволишь защитникам животных отобрать у меня магическую лицензию?

– Обещаю, – немедленно согласился он.

– Ты дал слово! Не смей об этом забывать! – Я отвернулась и медленно, стараясь не провоцировать стаю, щелкнула замочком

ридикюля, чтобы запустить в него руку...

– Час моей работы стоит десять шиллингов, – тихо вымолвил Харви мне на ухо.

– Чего?!

– Это со скидкой в девяносто процентов.

– Больше чувства юмора в тебе восхищает только щедрость, – презрительно фыркнула я, нащупывая футляр с магической палочкой.

И план сработал бы, даже несмотря на неприличную цену юриста, подпирающего мою спину, но случился самый страшный кошмар любой колдуньи... Палочка пропала!

Прощайте, повышение и прибавка к жалованью. Меня ждут объяснительные, штраф, муторное восстановление рабочего артефакта и молчаливое порицание начальницы мадам Шербон за то, что не вышла на службу после отпуска...

От паники из живота поднялась горячая волна. Стало ужасно жарко, хотя еще пять минут назад казалось, что запариться больше, чем я уже успела, просто физически невозможно. Очень хотелось верить, что палочка осталась в гостевом доме, но с верой (хотя бы в лучшее) сегодняшним утром явно не заладилось.

Чувствуя себя почти при смерти от расстройства, я осторожно вытащила руку из сумки и застегнула замочек.

– Ты передумала колдовать?

– Решила сэкономить, – соврала я, следя за тем, как несколько мелких тварей начинают осторожно закладывать круги вокруг нас, словно готовые напасть голодные волки. – Харви, у меня есть личный вопрос. Ты в детстве мечтал стать героем?

– Кхм.

– У тебя появилась возможность претворить детские мечты в жизнь. – Я приняла сдержанное покашливание мне на ухо за твердое «конечно!» – План такой: ты их пугаешь, а я сбегаю.

– Мариса, ты решила превратить меня в корм? – наигранно возмутился он, как-то очень интимно проводя ладонями по моим плечам. – Ты, оказывается, стала жестокой.

– Это не жестокость, а практичность. Вас, господин Крейв, дешевле скормить драконам, чем оплатить.

– У меня есть другой план. Просто пойдем вместе. Очень-очень медленно, – предложил он и сразу же приступил к выполнению этого

самого плана, подтолкнув меня вперед. Дракон опешил настолько, что подавился дымом и действительно начал пятиться, а потом и вовсе сковырнулся с дорожки.

Правда, такой неповоротливой баржей мы все равно далеко не ушли. В лесу рассыпался звук громких колокольчиков, и мелкие крылатые разбойники дунули в разные стороны. Мы с Харви оглянулись.

Пристукивая посохом и звеня гроздью колокольчиков, по каменной лестнице спускался плюгавенький храмовый смотритель в традиционно-островных одеждах. Драконы драпали то ли от него, то ли от колокольчиков: энергично прятались в ветвях деревьев, зарослях папоротников, пытались забиться под деревянное покрытие дорожки. А те, кому не удавалось спрятаться, маскировались под камни. Получалось, к слову, отлично.

Как ни странно, при появлении свидетеля наглого разбоя Харви тоже повел себя, как дракон. Нет, он не сбежал, а прекратил вести себя нахально и убрал руки с моих плеч.

Поравнявшись с нами, дедушка остановился и нравоучительно произнес:

– Не кормите с рук диких драконов!

Вид у него был сердитый, словно он прикидывал, как отходить обоим посохом.

– Просим прощения, – не вступая в спор, извинился Харви за то, что едва не оказался кормом для местных крылатых хулиганов. Звезды юриспруденции, защищающие в королевском суде разных негодяев, вообще мастерски умели маскироваться под приличных людей.

Поджав губы, смотритель окинул нас внимательным взглядом, неодобрительно кашлянул и произнес:

– Она цветет и пахнет.

– Кто? – моргнула я.

– Твоя потеря.

– В смысле, как пахнет? – окончательно растерялась я.

– Не очень приятно, – добавил он, ровным счетом ничего не объясняя. Сорвал с грозди маленький круглый колокольчик и протянул Харви: – На удачу.

Не отказываясь, тот забрал сувенир, а старик пошагал по дорожке. Тишину оглашали звенящие колокольчики. Посох постукивал по

деревянному настилу. Я смотрела вслед странному человеку и наконец поняла:

– Господин шаман?!

С выражением бесконечного терпения он обернулся. Отчего-то мигом стало ясно, что шамана отвлекали от крайне важных и серьезных дел, но послать надоеду куда подальше ему не позволяла вера. В прямом смысле этих слов.

– Твоя судьба совсем рядом, – произнес он.

Я невольно отодвинулась от Харви Крейва на шаг. Потом еще на один, для перестраховки. Естественно, маневр заметили абсолютно все, даже мелкие твари в засаде.

– «Рядом» – это в какой стороне?

Не то чтобы я очень хотела узнать точное направление, но выбор, прямо говоря, не радовал. Сзади мужчина, один раз меня уже бросивший, впереди – сам прорицатель, в оставшихся сторонах кусты и папоротники с прожорливыми драконами. В общем, или к бывшему, или на корм. Перспективы весьма печальные.

– Выбери ту, которая тебе больше по душе, – предложил шаман, отказываясь вносить ясность в пророчество.

– То есть вообще без вариантов? – вздохнула я.

Окинув меня выразительно-недовольным взглядом, шаман громко кашлянул, мол, ну и просители пошли, и направился себе дальше. Я двинулась следом. Все-таки лучше не отставать от человека с палкой, раз его так сильно боится местная крылатая банда.

– Мариса... – позвал Харви, нагоняя меня.

– Сохраняй дистанцию, Харви Крейв! – приказала я, покрепче прижимая к груди ридикюль. – Не хочу рисковать!

Из треклятого драконьего леса мы немедленно попали в толпу народа. Пока Харви проталкивался к «не своей невесте», я добралась до подруг, страшно оскорбленных тем, что шаман вышел не из храма и разрушил прекрасный план получить пророчества без очереди. Дождаться, когда до них эта очередь дойдет, не хотелось. Предсказания были озвучены, на карму они ровным счетом никак не повлияли, так что я вернулась к вагончику.

Спускаться по крутой лестнице в сто с лишним ступенек оказалось столь же неприятно, как подниматься по ней. Я старалась не оступиться и пыталась выудить из черной дыры в голове хотя бы

крошечную подсказку, где именно цвела и пахла моя магическая палочка. Тщетно! Служебный артефакт, похоже, был похоронен в той же глубокой могиле, куда я закопала воспоминания о вчерашней ночи.

Завидев меня еще издалека, Броди энергично замахал рукой. На загорелом лице светилась широкая улыбка. Я вдруг поймала себя на мысли, что, вероятно, спускаюсь в пасть к напророченной судьбе, из всех возможных выбрав самое неудачное направление.

– Нашли подруг, госпожа Мариса? – жизнерадостно спросил он, открывая дверь вагончика.

– Угу.

Не стоило быть с ним дружелюбной! Вдруг идея о том, что он стоит в направлении моей судьбы, окажется правдивой.

– Как предсказания?

– Мрачные.

Харриет с Эммой вернулись едва ли не первыми, когда толпа еще не успела хлынуть вниз полноводным потоком. Подруги быстро расселись по скамьям, и вагончик незамедлительно, пока дорога была пуста, тронулся.

– Шаман сказал, что мое желание, связанное с мальчиками, скоро исполнится, – проговорила Харриет и после долгой паузы добавила: – Значит, можно быть спокойной: Дейви и Пэрри все-таки поступят в детский сад к мадам Гантри.

– Ты говорила, что она отказала, – припомнила я.

– Да, поэтому это стало вопросом принципа. – Мать троих детей вскинула бровь.

– Мне тоже пообещали исполнение главного желания, – деловитым тоном объявила Эмма и, поправив пальчиком очки, не без кокетства добавила: – Уверена, я все-таки стану лучшим страховым агентом этого года.

– Хороший провидец, – согласилась Харри.

Мы с гидом Броди печально переглянулись и промолчали. По всей видимости, ему тоже напророчили нечто такое, отчего появляться в пещерном храме второй раз не возникало желания. И лестница в сто с лишним ступеней вовсе ни при чем.

Дальше по плану шло катание на качелях над пропастью. Я почему-то думала, что Броди говорил о пропасти исключительно для красного словца, но ошиблась. Сумасшедшим любителям пощекотать

нервишки действительно предлагалось усесться на качели, похожие на перекладину с двумя веревками, и пронестись над глубоким обрывом. Где-то внизу, по словам зрителей, была натянута магическая сеть, и никакого риска для здоровья, разве что душевного, у полета не было.

– У меня есть страховка на случай падения с обрыва, – объявила Эмма, собираясь опробовать аттракцион. – Но ты, Мэри, на всякий случай достань магическую палочку.

– Не могу, – вынужденно призналась я. – Она... потерялась.

– Магическая палочка?! – в два голоса воскликнули подружки. – Где?!

– Откуда мне знать! Может, оставила в гостевом доме.

– А вдруг ты ее вчера на пальто поменяла? – предположила Харриет, но немедленно прикусила язык, догадываясь, что своими разговорчиками лучше вообще не делает.

Вопрос о катании закрылся сам собой. Мы отправились спускаться с горы на сухопутных драконах. Развлечение отпечаталось в памяти исключительно непрерывной тряской на сиденье, закрепленном на спине бескрылого гиганта, и облаками надоедливой мошкары. Катаясь туда-сюда по наполированной задами лавке, я тихо радовалась, что пропустила завтрак и ланч. Обед тоже не полез. Оставалась надежда на ужин, но пока мысли о еде даже в голове не помещались.

В «Ваенду» мы вернулись в то время, когда солнце добралось до горизонта и устало окуналось в море, рисуя на тихой воде золотую полосу. Едва перешагнули через порог, как бросились втроем искать магическую палочку. В порыве вдохновения Харриет, наплевав на озерного соседа, решила осмотреть веранду...

Неожиданно оттуда донесся испуганный визг. Мы с Эммой, вооружившись кто чем успел – в смысле, я туфлей с высоким каблуком, а она грозным выражением лица и кулаками, – бросились спасать мать троих детей.

– Девочки, смотрите! – вскрикнула Харри, указывая дрожащим пальцем в ванну. – Что это?!

На дне пустой лохани в глубоком магическом сне валялся исчезнувший жених Паскаль. К счастью, он оказался одет. К несчастью, его руки были связаны моим газовым шарфиком.

Глава 3

Неприятные сюрпризы

Поверить не могу, что мы действительно ушли с мальчишника не с пустыми руками, а с женихом! Почему не с какой-нибудь снедью или бутылкой дорогого хмеля? Впрочем, хмеля нам вчера явно было достаточно... Так почему не с пирожными?! На кой черт нам сдалось это чудо?! Ни на первый, ни на второй взгляд он не тянул на мускулистого красавчика, которого хотелось бы похитить, запереть в чулане, а потом завести в доме.

– Божечки мои дорогие! Почему он в нашей ванне? – наверняка пугая дракона, на всю округу заголосила Харриет.

Искренне хотелось надеяться, что обгоревший мужчина, дрыхнувший в пустой ванне, улегся туда обгорать по собственному желанию, предварительно оставив расписку, что не имеет никаких претензий к колдунье, погрузившей его в магический сон, но... Газовый шарфик, перематывающий его запястья, не оставлял места для ложной надежды.

– Тише, Харри! – цыкнула я на подругу.

– Думаете, мы его похитили? – громким шепотом проговорила она. – Но зачем?

– Ради выкупа? – протянула Эмма и тут же выдвинула следующее предположение (еще краше): – Может, он кому-то из нас понравился?

Примолкнув, мы снова посмотрели на похищенного парня. Беспощадное солнце сегодня, по-видимому, светило особенно беспощадно. Выглядела жертва ведьмовского произвола... хорошенько прожаренной.

– Я мать троих детей и шесть лет замужем, – немедленно отказалась от всех притязаний Харри.

– Он не в моем вкусе, – тут же объявила Эмма.

Обе посмотрели на меня.

– То есть вы думаете, я настолько безнадежна, что готова выкрасть чужого мужика и запереть в чулане? – Я огляделась. – Запереть на веранде. Под присмотром дракона.

Сквозь балконные столбики я невольно покосилась на лотосовый пруд. В глубине была видна длинная тень пресноводного дракона. На поверхность прудика изредка вылетали пузырьки, намекавшие, что соседка не издох, а просто притаился на дне и готов в любой момент явить страшную морду.

– Божечки мои дорогие, Мэри! Конечно, мы так не думаем, – принялась отпираться Харри, хотя по голосу было слышно, что сильно сомневается.

– Уверена, он попытался забраться в дом. Мы его скрутили и хотели вызвать стражей, – на ходу придумала я замечательную историю, словно уже репетировала речь перед дознавателем.

– Но заснули и забыли вызвать, – дополнила Эмма.

– Точно! – поддакнула я. – Мы не злодейки. Он сам злодейка!

– Злодей, мужской род, – рефлекторно поправила Харри. – И еще, Мэри. Не грызи ногти, весь лак съешь.

Я вдруг поняла, что действительно от нервов принялась кусать ноготь на большом пальце и ходить туда-сюда по веранде.

– Да что там лак. Я себе сейчас пальцы отгрызу!

– Смотри на вещи позитивно, – бодро предложила Эмма. – Теперь мы точно знаем, что палочка где-то в доме. Ты же его вырубилась с помощью магии.

– Так и есть! – охнула я. – Я долбанула человека магией, связала шарфиком и оставила жариться на солнце. Меня лишат лицензии и затаскают по судам!

– Ты была не одна! – Харри похлопала меня по плечу.

– Вообще-то мы этого не знаем. – Эмма, как всегда, ловко попыталась выйти сухой из воды, но наткнулась на два возмущенных взгляда и быстро оговорилась: – Но в ванну мы его точно укладывали втроем.

– Давайте, что ли, затащим бедненького в комнату? – предложила Харриет. – Пусть лучше проснется на диване, чем в лохани.

– Да, и руки ему надо развязать, – согласилась я и перегнулась через высокий бортик, чтобы распутать пленнику запястья. Завязано было с душой, сложным узлом. Я так не умела, разве что воспользовалась магической палочкой.

– Я что думаю, – вдруг протянула Мими, – пусть он проснется на скамейке в парке. Все равно после магического сна не сразу вспомнит,

что происходило.

– Верно, – согласилась я. – Завтра свадьба. Вряд ли он бросится в участок писать жалобу, ему жениться надо. Мы успеем сбежать.

– Девочки, а если с ним в парке случится что-нибудь плохое? – жалобно встала Харриет.

– Его невесту к шаману возил лучший друг, а он весь день обгорал на солнце в нашей ванне, – напомнила я.

– И что? – не поняла Харри.

– Все самое плохое с ним уже случилось.

Сумерки в Блэкроке мгновенно перерастали в непроницаемый мрак, с которым с трудом справлялись даже магические фонари. Когда мы выудили Паскаля из лохани, стало темно, как в склепе. Натуральная ночь! И только стрелки часов упрямо показывали время ужина.

Понятия не имею, как мы затаскивали жениха в ванну, не иначе как в кураже и мстительном угаре, но вытаскивать тело... в смысле, неподвижного мужика оказалось тяжело. Сначала пытались подпереть его с двух сторон и в вертикальном положении, как будто он шел собственными ногами, выволочь из дома на улицу, но вчетвером мы не поместились в узком дверном проеме веранды. Потолкались, пару раз шмякнули жертву о косяк и, уложив на пол, нехитро вынесли в гостиную за конечности.

Транспортировка Паскаля проходила слаженно и бодро, но недалеко от входной двери случилась неожиданность: он начал приходить в сознание. Обычно заклятье сна, если его не снимали магией, действовало не меньше суток, но тут что-то пошло не по плану. Жених открыл глаза, посмотрел на меня снизу вверх осмысленным взглядом и, не пытаясь вырваться, спросил:

– Куда мы едем?

Мы застыли. Я держала руки, подруги – ноги, и все дружно были готовы уронить мужика на мраморный пол.

– Спи! – выпалила я. – Мы тебе снимся. Завтра женишься, приключения закончатся, и будет сниться только супруга.

Паскаль послушно закрыл глаза и снова провалился в магический сон.

Не успели мы перевести дыхание, как сквозь тонкие стены гостевого дома донесся стук подъехавшего экипажа. Карета

определенно остановилась напротив «Ваенды», и я почувствовала, как меняюсь в лице.

– Прячем жениха! – скомандовала подругам.

В темноте мы дернулись в разные стороны, словно хотели беднягу не припрятать, а четвертовать. Харриет выпустила ногу, потом быстро подняла, снова с грохотом уронила. Не удивлюсь, если завтра Паскаль к алтарю не пойдет, а похромает.

– Ты его покалечишь! – тихо заворчала я.

– Извини, – пропыхтела она. – Я никогда не прятала мужчин.

– Тебя послушать, так мы этим каждый день занимаемся, – прошептала Эмма. – На счет «три» двигаемся в комнату к Мэри.

– Почему в мою? – возмутилась я. – Она самая дальняя!

– Так вот именно!

Стук в дверь застал нас на выходе из гостиной. Мы снова замерли, рассчитывая, что неожиданный гость уберется восвояси.

Время шло, шагов слышно не было. Казалось, подлец ждал, когда мы выроним похищенного человека и выдадим себя с головой. Наконец, когда удерживать Паскаля над полом не мог заставить даже страх оказаться засуженными за жестокое обращение с мужчинами, послышался стук отъезжающего экипажа. Была ли это карета, доставившая визитера, или какая-то другая, оставалось неясным.

– Надо проверить, – прошептала Эмма.

Мы осторожно опустили жениха на пол, и я на цыпочках подобралась к входной двери. Сквозь просветы в бамбуковых ставенках в комнату проникали косые лучи от магического светляка, горящего в стеклянном фонаре под козырьком. Осторожно раздвинув дощечки, я посмотрела наружу и едва не отпрянула от окна.

Появление Харви Крейва, похоже, выяснившего название нашего гостевого дома в туристической лавке, оказалось неприятным сюрпризом. Прислонив к стеклу раскрытый блокнот, он что-то писал на странице. Видимо, черкал очередную записку.

Харви перевел взгляд от листика, встретился со мной глазами и опустил ежедневник.

– Откроешь? – донесся приглушенный стеклянной преградой и деревянной стеной голос.

– Нет.

– Мэри, открой ему. Это выглядит подозрительным! – прошептала из глубины дома Эмма.

Наигранно зевнув, мол, ты разбудил меня, беспардонная скотина, я выскользнула на крыльцо. От сквозняка в доме моментально ожили ветряные трубочки, тишина наполнилась перезвоном. Дверь я поскорее закрыла и одарила бывшего жениха вопросительным взглядом:

– Что ты здесь забыл?

Места он занимал меньше, чем сундук Великий Руперт, но почему-то под козырьком, казалось, было негде развернуться.

– Тебя. Мне нужна помощь профессиональной колдуньи.

– Я в отпуске.

И еще кое-что... У нас на полу дрыхнет ваш жених, а я вчера посеяла магическую палочку. Теперь, по словам шамана, она где-то цветет и дурно пахнет. Даже не знаю, что в этом бедламе паршивее.

– Помнишь, я спрашивал о Паскале? – спросил Харви. – Он исчез.

Некоторое время в тишине мы разглядывали друг друга. Было слышно, как стрекотали цикады, мошкара билась о стеклянные стенки фонаря под козырьком, а в открытом окне Эмма шипела сквозь зубы:

– Харри, ты можешь тащить аккуратнее?!

– Они передвигают дорожный сундук, – соврала я.

Мгновением позже изнутри донесся ужасный грохот. На секунду показалось, будто крыльцо под ногами содрогнулось, но скорее всего, я сама подпрыгнула от неожиданности. В комнатах вспыхнули окна, а фонарь, наоборот, затрещал и погас. Нас окутала сизая темнота.

– Божечки мои дорогие, он точно что-нибудь сломал! – взвыла Харриет, напрочь забыв про конспирацию. – Мими, почему ты его отпустила?!

– Ты сейчас скажешь, что она взяла сундук напрокат, – словно прочел мои мысли лучший юрист северных земель, – но почему мне кажется, что они перетаскивают чье-то тело?

– А знаешь, Харви...

– Что, Мариса? – вежливо уточнил он.

– Будь моим судебным заступником! – выпалила я.

Всегда считала, что если врага превратить в союзника, то можно избавиться от бессонницы и спокойно спать ночами. Зачем нам перетаскивать жениха в парк на собственных закорках? Пусть этим

займется мой юрист, тем более что он атлетически сложен, значит, покрепче нас троих будет. И еще он приехал в экипаже, по-прежнему перегораживающем проезд возле гостевого дома.

Этот «покрепче и с экипажем» выгнул брови. Обе сразу. Наверное, жест демонстрировал крайнее удивление. У Харви Крейва вообще всегда были некоторые проблемы с мимикой. Рожа вечно оставалась непроницаемая.

– Со скидкой в девяносто процентов, – деловитым тоном добавила я.

– И ты со мной поужинаешь, – добавил он, начав торговаться.

– Конечно, нет, – перебила я самым любезным тоном. – Я не ужинаю с бывшими.

– И много у тебя накопилось бывших за два года? – быстро спросил он, не сводя глаз с моего лица.

В одной умной книжке... Ладно – боже! – зачем врать? В одном дамском альманахе со статьей «Есть ли жизнь после расставания?» писали, что мужчины плохо ориентируются во временных промежутках и просто не способны запомнить, сколько лет назад предложили влюбленной дурочке стать обычными друзьями. Ну или друзьями с привилегиями. Насколько уж хватит наглости. Харви Крейв прекрасно помнил, когда именно решил, что предложить мне дружбу вместо брака – отличная идея.

– Ты последний, – ляпнула я.

– Хорошо, я согласен. – Он протянул раскрытую ладонь, предлагая скрепить соглашение. – Договорились, Мариса.

Без колебаний я крепко сжала его пальцы. Ладонь у Харви была теплая и сухая, а пожатие крепкое. Без дурацкого мужского высокомерия и бесящего кокетства, когда вялым, безжизненным жестом стараются подчеркнуть, что боятся сломать даме пальцы.

– И дай мне расписку, – потребовала я.

– За расписку тебе придется со мной поужинать.

– Точно нет.

– Тогда поверить на слово, – предложил он.

– В таком случае прощай, Харви. – Я решительно высвободилась.

– Стой, Мариса! Ты победила. – Он раскрыл блокнот, взял спрятанную между страниц перьевую ручку и вывел несколько быстрых строк. – Поверить не могу, что действительно даю расписку!

– Я думала, что ты любишь писать разные... письма, – подколола я, проигнорировав мрачный взгляд.

Разлинованный лист был без колебаний выдран и передан мне. Подпись у лучшего юриста северных земель была на загляденье неразборчивая и витиеватая. Захочешь – не подделаешь. Зато и ни с какой другой не перепутаешь.

Я открыла входную дверь и под звон ветряных трубочек предложила гостю действовать:

– Забирай.

– Кого? – не понял Харви.

– Лучшего друга. Иначе свадьбу пропустит.

– Что ты имеешь в виду, говоря «забирай»? – вкрадчиво уточнил он, следом за мной перешагивая через порог.

Пока мы договаривались, Эмма с Харриет дотащили спящего жениха до дивана в гостиной и со скромным видом стояли за спинкой этого самого дивана. На мой взгляд, лучше бы оставили человека на полу, но сейчас он приминал лопатками подушки и был бережно накрыт клетчатым пледом. С головой. Ноги остались торчать на виду.

– Дамы, давно не виделись, – поздоровался Харви.

– С сегодняшнего утра, – согласилась Эмма.

– Как ваши дела, господин Крейв? – демонстрируя потрясающую вежливость, спросила Харри.

– Куда как лучше, чем у вашей подруги, – покосившись на меня, заключил он. – И точно лучше, чем у Паскаля.

– Божечки мои дорогие! Тут вы совершенно правы, – совершенно серьезно кивнула Харриет. – У Паскаля сегодня день точно не задался. Хорошо, что он его проспал.

Мими толкнула нашу болтушку локтем, намекая, что той следовало прикусить язык, и они шустро ретировались в спальню.

Некоторое время в молчании мы с Харви смотрели на дверь, из-за которой неслись престранные звуки возни и невнятные обрывочные фразы. Дурак бы догадался, что мои дорогие подружки толкались перед замочной скважиной и спорили, кто будет подглядывать первой, а кому стоять с перевернутым стаканом и напряженно подслушивать. Впрочем, учитывая толщину стен, подслушивать было просто.

Харви приподнял покрывало. Некоторое время с непроницаемым видом он изучал физиономию приятеля. Что-то мне подсказывало, что

лицо неудачливого пленника теперь украшали не только солнечные ожоги.

– Что здесь произошло? – Он вновь закрыл Паскаля пледом. Опять с головой. Не пойму, что за садизм? Люди не умеют дышать пятками!

– Ты спрашиваешь в качестве его друга или моего судебного заступника? – осторожно уточнила я.

– В качестве обоих.

– Оказалось, что Паскаль весь день отсыпался в «Ваенде», – коротко пояснила я.

О ванне и газовом шарфике решительно умолчала. Пусть лицо у Харви выглядело непроницаемым, но оно было непроницаемо как-то по-особенному. Видимо, в преддверии нервного тика.

– Оказалось? – повторил он, словно вдруг обнаружил у себя проблемы со слухом.

– Ну, такое иногда случается после девичников. Некоторые события начисто стираются из памяти, а потом вечером находятся потерянные люди, спящие на веранде под чутким присмотром пресноводного дракона.

Я пожала плечами, всем видом демонстрируя, что ничего странного не произошло. Подумаешь, обнаружили потерянного жениха на веранде. С кем такого не случилось? Нет, понимаю, что ни с кем такого никогда не случилось, просто нам чуточку не повезло вчера угоститься очень мутным хмелем.

– Он не спит, а околдован заклятьем сна, – внес ясность Харви.

В магии он всегда разбирался неплохо. Мерзавец.

– Думаешь, я не заметила? – развела руками. – Уверена, всему есть логическое объяснение.

– Какое?

– Он наверняка хотел нас ограбить, – выдвинула я ту самую версию, которая исключала похищение чужого будущего мужа. – Так что это была самооборона. Никакой причины лишать меня магической лицензии.

В разговоре наступила натужная пауза, длящаяся непозволительно долго. По всей видимости, Харви пытался отыскать приличные слова, но никак не находил.

– Мариса... – Он кашлянул, совершенно точно подавившись каким-то ругательством.

– Что?

– Теперь я понимаю, зачем тебе понадобился судебный заступник.

– И ты дал мне расписку.

– Помню. – Он все-таки стянул с дрыхнувшего друга плед и скомандовал: – Госпожа колдунья, снимите заклятье. Я отвезу Паскаля в гостинный двор.

– Боюсь, что не получится, – расписалась я в полном магическом бессилии. – Своими ногами он до экипажа не дойдет.

– Ты разучилась колдовать? – Харви честно старался быть терпеливым, но в голосе сквозили раздраженные интонации.

– Умения по-прежнему при мне, но не магическая палочка.

– Мариса, ты потеряла рабочий артефакт?! – рыкнул он.

– Боже мой, ты что, на самом деле на меня рявкнул?! – без преувеличений опешила я.

Не то чтобы в прошлом Харви никогда на меня не рычал, но мы вообще-то два года назад расстались. Нельзя отчитывать бывшую девушку только потому, что когда-то она носила статус девушки действующей. Вслух, конечно, ничего подобного я не высказала. Будем честны, не та ситуация.

Я развела руками, всем видом демонстрируя, что все под контролем, хотя дурак догадался бы, что ничего под контролем не было.

– Вчера куда-то палочку убрала, чтобы не потерять, и пока не вспомнила, куда именно.

– В твоих словах есть логика?

– Конечно, просто ты не способен ее проследить.

– Даже не буду комментировать... – выдохнул он едва слышно.

– И не надо, – согласилась я. – Тебе помочь перевалить Паскаля на спину?

Выразительный взгляд говорил лучше любых слов, что Харви думает насчет женской помощи.

Тащить лучшего друга, безвольным кулем висящего на закорках, по всей видимости, оказалось тяжело. И еще непривычно. Лучший юрист северных земель клонился к землям южным, в прямом смысле

этого слова, и багровел лицом. Больше всего меня интересовало, как он планировал преодолевать ступеньки на крыльце.

Эмма с Харриет вышли из укрытия, чтобы проводить обоих гостей, одного без сознания, а второго пока еще в сознании. Так что за спуском мы следили втроем, затаив дыхание. Ничего более захватывающего, чем мой бывший, большой неповоротливой черепахой сползающий со ступенек, в жизни своей не видела! Уверена, он гадал, что лучше: уронить лучшего друга или чувство собственного достоинства.

Однако ни того, ни другого терять не пришлось. Кучер, дожидавшийся возвращения хозяина, бросился на помощь. В карету жениха усадили без передрыг. Даже никто не сорвал поясницу.

– Когда он проснется? – спросил Харви, прежде чем уехать.

– Часа через полтора? – задумалась я.

– Прозвучало неуверенно, – прокомментировал он.

– Или через два... Но скорее всего, через пять.

– И все-таки? – стараясь говорить терпеливо, уточнил Харви.

– К утру, – заявила Харриет и тут же пояснила: – Мы его уронили, когда перекладывали на диван, и он ударился головой. Только ему об этом, господин Крейв, пожалуйста, не говорите. Ни к чему перед венчанием расстраивать человека.

Если бы убийственные взгляды Харви Крейва наносили смертельные раны, мы бы трое издохли под каретой, украшенной гербом дорогого гостиного двора. Однако взглядом мой бывший никого не убивал, поэтому нам грозила смерть от голода. У меня вообще на нервной почве всегда просыпался волчий аппетит и засыпала сила воли. Скромность вместе с нею.

– Слушай, Харви... – Я заглянула в салон, прежде чем кучер закрыл дверцу. – Ты же едешь в центр города? Может, подкинешь нас до улицы с едальными?

– Хорошего вечера, Мариса, – сухо ответил он и укатил по озаренной фонарями улице.

Не прошло и получаса, которые я провела, обследуя дом в поисках родненькой магической палочки, как в дверь снова постучались. Мы напряженно переглянулись, готовые к очередным неприятностям, но на пороге стоял доставщик еды с корзинкой из ресторации «Морской конек».

– Ты знаешь, Мэри, – чуть позже протянула Эмма, с удовольствием втягивая ароматный дымок запеченной рыбы, – кажется, я понимаю, почему ты была в него влюблена.

– Согласна, – кивнула Харриет, не испытывавшая добрых чувств к моему бывшему даже в то время, когда я тайком покупала фату и планировала превратиться в мать семейства. – Эдди никогда не придет в голову заказать еды домой просто из мысли, что мы с детьми хотим поужинать. Он скорее предложит самой сходить на рынок за продуктами и приготовить ужин на всех. Включая его маму.

Вообще было у меня подозрение, что Харви просто пытался оставить нас дома, чтобы завтра – не знаю – не вытаскивать из городского участка. Однако мудрые мысли я оставила при себе и взялась за еду. Бесплатный ужин из хорошей ресторации и в Блэкроке бесплатный ужин. Тем более что я плохо помнила, чем лакомилась вчера в «Морском коньке».

– Но, Мэри! – продолжала вычитывать Харриет. – Не теряй голову и помни, почему вы с Харви расстались. Никто не застрахован от курортной интрижки с бывшим.

– Не обобщайте, пожалуйста, – намекнула Мими, что, в отличие от некоторых (меня), она-то уж давным-давно застраховала себя на кругленькую сумму от странностей в личной жизни.

На следующее утро я проснулась с мыслью, что только извержение вулкана Блэкрок или наводнение остановит меня от похода на пляж. Предвкушая освежающее купание в чистейшем море, собрала повыше спутанные кудри. Не с первого, конечно, раза и не очень аккуратно, но вполне пристойно. Натянула полосатый купальный костюм, тот самый, из-под пальто. Надела провокационное пляжное платье из полотна с вязаными цветами, через просветы которых мелькала обнаженная кожа...

И тут раздался стук в дверь.

Прилично напрягшись, я прислушалась к тишине дома. Никто открывать не торопился. По всей видимости, подруги также замерли в ожидании, кто впустит в дом очередные неприятности, ведь ничего хорошего – ну, кроме вчерашнего ужина – неурочные визиты нам еще не приносили. В голову даже пришла дурацкая, совершенно абсурдная мысль, что в отпуске неожиданный стук во входную дверь можно

причислить к стихийным бедствиям, грозящим моей долгожданной встрече с морем.

Из спален мы с подругами вышли одновременно. Мигом стало ясно, что открывать придется той из нас, кто успела причесаться, одеться и даже подушиться цветочным благовонием – мне.

Я хотела уже проверить, кто там появился с утра пораньше, сквозь ставенки, но с улицы вдруг заблеял Броди:

– Дамы, откройте!

В недоумении мы переглянулись.

– Мы же утром не собирались ехать на экскурсию? – не очень-то уверенно протянула растрепанная Харриет.

– Надо проверить ежедневник. – Эмма широко зевнула, прикрыв рот. Она не надела очки. Взгляд казался недоуменным, а лицо – ужасно растерянным.

– Откройте! – выл под дверью гид.

– Броди, мы доплатили, чтобы ты нас по утрам будил? – с претензией высказала я, открывая дверь, и подавилась словами.

Гид заявился в «Ваенду» не один. Вместе с ним за порогом стояли стражи в черных форменных одеяниях, и, очевидно, они не являлись телохранителями Броди. Я отказывалась верить собственным глазам и чувствовала, как меняюсь в лице. Долгую секунду под звон ветряных палочек изучала неожиданных визитеров.

– Мэри, что происходит? – Подружки выглянули у меня из-за плеча и при виде стражей остолбенели.

– Госпожа Мариса, вас троих хотят арестовать, – с искренним сожалением сообщил Броди.

– За что? – спросила я у стража.

– За похищение, – хмуро ответил он.

Что это получается? Жених очухался и, вместо того чтобы втискиваться в свадебный костюм и мчаться навстречу семейной жизни, бросился в городской участок строчить жалобу? А скотина Харви Крейв, наплевав на наше соглашение, подсказал, на чьей именно веранде женишок хорошенько загорел!

– И кого же мы похитили? – сощурилась Эмма, пытаюсь разглядеть стража.

– Телегу, – последовал ответ.

– А?!

Оказалось, что остановить от похода на пляж меня способно не только стихийное бедствие, но и двое стражей в форме, забравших нас в участок для разбирательства. Впрочем, неожиданный арест в утренний час можно приравнять к стихийному бедствию! Внезапному и разрушительному.

– Божечки мои дорогие, какой смертельный позор! – стонала Харриет, когда нас троих усадили в черную тюремную карету с решеткой на окошке и повезли в городской участок. – Меня, мать троих детей, арестовали за похищение телеги!

– Зато теперь будет что внукам рассказать, – мрачно заметила Эмма, поправив соскользнувшие с носа очки.

Внутри было душно, как в аду. Подозреваю, что заключенных специально возили в невыносимой жаре, чтобы народ приезжал в участок готовенький, плохо соображал и соглашался абсолютно со всеми обвинениями просто из благодарности, что их вытащили из преисподней и дали вдохнуть свежего воздуха.

– Можно подумать, до этого момента мне было нечего рассказать! – надулась она. – На кой черт нам понадобилась телега?

– И почему телега без лошади? – согласилась Эмма, обведя нас задумчивым взглядом. – Мы кого-то впрягли?

– Жениха? – осторожно предположила я.

– Думаешь?! – взвизгнула Харри, но мигом втянула голову в плечи и пробормотала: – Бедный Паскаль.

Вообще-то я думала, что жениха мы действительно украли и довезли на чужой телеге, но озвучивать предположение, находясь в тюремной карете, было неосмотрительно. Но почему телега без лошади?

Через полчаса ответ нашелся. Он обрушился на нас в дознавательской комнате, где, в отличие от тюремной кареты, стоял страшный холод. Видимо, испортились охлаждающие амулеты.

– Это она! – тряс пальцем совершенно незнакомый тип с глазами навывкате, подозреваю, что выкатились они все-таки от возмущения. – Она махнула своей указкой, оживила на телеге крылья и улетела!

Очевидно, под «указкой» подразумевалась магическая палочка. Надежда, что потерянный артефакт был потерян в «Ваенде» или даже утоплен в лотосовом озере, таяла предрассветным дымом. Расширять географию поиска мне решительно не хотелось, но факты говорили

сами за себя. Паскаля мы перевозили заколдованным, а значит, только черт знал, где цвела и подванивала моя ненаглядная палочка.

– «Улетела» – это метафора или прямой смысл? – тихо спросила Эмма, очевидно, пытаясь разобраться в том, что случилось той ночью, когда весь отпуск пошел наперекосяк.

– Ме-та-чего? – проблеял мужичок и заорал на ухо измочаленному стражу, видимо, дежурившему в участке не первые сутки: – Так и запишите, господин страж, они меня еще и оскорбляют!

От крика потерпевшего блюститель порядка вздрогнул, как будто проснулся, и рявкнул:

– Тихо! Сядьте!

Мы с подружками мгновенно заземлили пятые точки на деревянных расшатанных стульях, стоящих по другую сторону старого стола с исцарапанной столешницей.

– Вы тоже сядьте, пострадавший, – приказал страж.

Разворошив неприлично измятые, словно на них спали, рукописные листы, он вытащил нужную страницу и принялся зачитывать нудным голосом:

– Значит, эти три госпожи взяли у вас напрокат на сутки телегу.

– Повозку для катания детей, маленьких гостей нашего острова. Прошу учитывать, что с каждого катания я плачу налоги в королевскую казну.

– Между прочим, мы гости вашего острова. Без нас вы бы не платили никаких налогов, – философски напомнила Эмма.

– Помолчите, подозреваемая, – цыкнул страж, проверил бумаги и добавил: – Госпожа Уилсон. Значит, они взяли на сутки телегу...

– Повозку, – поправил типчик.

– Оживили на телеге поддельные крылья, – проигнорировал страж, – и улетели к звездам. Я ничего не перепутал?

Он посмотрел на мужичка.

– Ничего! – убежденно кивнул он и снова указал в меня пальцем: – Она оживляла. Сутки прошли, а повозка не вернулась.

Вообще от хороших хозяев телеги не сбегают.

– Что? – не поняла я, когда вдруг в комнате дознаний случилась пугающая тишина и все уставились на меня, как на чокнутую. – Я снова говорила вслух?

– Громко, – согласилась Эмма.

– А она, господин страж, – карающий перст пострадавшего устремился в ее сторону, – продала мне страховку! Так и сказала, что если вдруг повозка не прилетит обратно, то я получу деньги!

– Я? – опешила Эмма.

– Пять золотых им отдал!

Похоже, еще чуть-чуть, и нас объявят не только угонщиками, но и мошенниками.

– Дамы, вам есть что сказать? – Страж бросил на нас хмурый взгляд.

Сказать нам было решительно нечего, потому как воспоминания о позапрошлой ночи по-прежнему скрывались во мраке. Даже если история звучала сущей дикостью, оставалось верить на слово абсолютно всем: и честным королевским подданным, и откровенным лжецам.

Мы взяли повозку без лошади и залога, стрясли деньги на страховку, а потом она от нас сбежала? В голову приходила дурацкая мысль, что новоявленная «перелетная птица» умчалась на гнездование. В конце лета вернется с крошечными крылатыми повозочками, и у мужика появится целый обозный караван.

– Господин, предлагаю договориться, – деловым тоном заговорила Эмма и даже положила сцепленные руки на стол. – Мы вернем вам повозку и разойдемся с миром.

– Мэри прекрасно умеет искать потерянные вещи с помощью магии, – чуточку заискивающе улыбнулась Харриет, всегда считавшая, что вежливость и улыбка могут растопить любое сердце.

Они не учли маленькую деталь: чтобы найти повозку с помощью магической палочки, для начала нужно отыскать саму магическую палочку. Мы попали в замкнутый круг.

– Не нужна мне ваша старая повозка, – фыркнул пострадавший и, скрестив руки на груди, откинулся на спинку стула.

– Нет, постойте! – охнула я. – Это не наша, а ваша повозка. Мы ее непременно вернем, раз взяли!

– Не надо ничего возвращать, просто отдайте за нее деньги! – Мужичок озвучил сумму, на которую, пожалуй, можно было бы приобрести большую карету. И даже страж показался по-настоящему впечатленным.

– Вы послушайте его! – фыркнула Эмма. – И страховку решил получить, и денег с нас стясти?

– Мошенник, а с виду приличным мужчиной кажется! – поддержала Харриет. – И не стыдно же!

– Вам должно быть стыдно! – заявил этот приличный только с виду мужчина. – Именно вы подзуживали подругу: оживи крылья да оживи крылья!

– Какой наглый поклеп! – возмутилась Харриет. – Я, между прочим, мать троих детей!

– Прекратите скандалить! – цыкнул страж.

– А вы мне рот не затыкайте, уважаемый! – неожиданно взбеленилась Харри. – Благородную женщину обвиняют в немислимых вещах, а вы молчите и что-то все время записываете! Вы, уважаемый, тоже мошенник, раз защищаете аферистов!

После яростной отповеди последовала напряженная пауза. Страж нехорошо сощурился, на лице дернулся мускул. Мы замерли, а Харриет, осознав, что ее очень не вовремя понесло, съежилась и старательно изображала раскаянье.

– Мадам, вы оскорбляете стража порядка...

– Ой, – испуганно согласилась она.

– На вашем месте, дамочки, я искал бы очень хорошего судебного заступника! – процедил блюститель порядка, забыв уточнить, каким образом можно найти судебного заступника из участка.

Нас определили в душную тюремную камеру с толстыми решетками. «До выяснения обстоятельств по угону телеги», но вообще на трое суток. Никогда прежде я не была так далеко от моря, как в тот момент, когда в застенке экзотического острова за нами с грохотом захлопнули решетку и длинный ключ проскрежетал в замочной скважине. Замок, к слову, почему-то был навесной.

Броди в тюрюге, похоже, держали за своего. Он следил, как нас запирали, заламывал руки и выглядел ужасно расстроенным, словно у него арестовали родных сестер.

Не знаю, конечно, откуда такое сочувствие. Может, за каждого отдыхающего, попавшего в неприятности, его штрафовали. Или он просто планировал заработать на экскурсиях, а тут такой неожиданный поворот. Честное слово, дорогой гид, мы сами в коллективном шоке.

– Дамы, почему же вы не вернули эту несчастную телегу? – расстроено укорил он.

– Броди, ты возле дома видел какую-нибудь телегу? – Эмма покачала головой.

– Нет? – почему-то вопросительно, словно был не уверен, уточнил гид.

– Именно! – щелкнула пальцами она. – Разве неясно, что нам нечего возвращать? Уверена, что мы ее отправили обратно, а она улетела вместе с чайками.

– Куда? – не понял он.

– Откуда мне знать? Я страховой агент, а не орнитолог. Спроси у чаек.

Броди икнул. Подозреваю, когда мы покинем остров, он поднимется на туристическом вагончике в пещерный храм и от души помолится драконьим богам, чтобы «эти три ведьмы» никогда не возвращались в Блэкрот и позволили ему, несчастному гиду, жить счастливо.

– Броди, заканчивай стонать, – вздохнула я, понимая, что выбраться из тюряги с высоко поднятой головой все-таки не получится, без унижений не обойтись. – Ты должен найти судебного заступника.

– Я?! Вообще-то, завтра вам дадут городского защитника... – испугался он и покосился куда-то в сторону выхода. Видимо, захотел дать деру.

Выслушав короткие инструкции, полный решимости гид отправился убеждать звезду юриспруденции Харви Крейва, что ему остро необходимо сбежать со свадьбы лучшего друга, наплевав на стайку хорошеньких подружек невесты, и нестись во весь опор спасать бывшую девушку из застенка. Харриет печальным взглядом проводила Броди, наш единственный шанс выйти на улицу до вечера, и виноватым голосом спросила:

– Думаешь, он придет?

– Если не спросить, то не узнаю, – вздохнула я, заранее предвкушая поток ехидных замечаний.

– Уверена, что он откажет, – покачала головой Эмма, усаживаясь на узкую лавку.

– Это еще почему? – неожиданно даже для себя разозлилась я.

– Он вчера прислал прощальный ужин. Придется вызывать Эдди.

– Только не Эдди! – воскликнула Харриет. – Он и так думает, что Мэри на меня плохо влияет. Не обижайся, Мэри.

Так и знала, что он не простил мне винное пятно на потолке и разбитую вазу! Больше никогда не буду поздравлять его с мужским днем и дарить билеты на матчи по крикету.

На спасение трех попавших в беду дам Харви что-то не очень торопился. Или решил, что подружки невесты интереснее, или захотел дожидаться банкета. Солнце давно стояло в зените и рисовало на каменном полу тени от решетки. Воздух нагревался, вновь становилось душно, как в аду. Неожиданно нам принесли поесть, а еще охранник положил на полочку в камере охлаждающий амулет в виде простой морской гальки.

– Ничего себе сервис! – протянула Эмма.

Страж злобно зыркнул в ее сторону, и в этом многозначительном взгляде словно говорилось, что раздача обедов и амулетов событие из ряда вон выходящее, а не обыденное. Но даже несмотря на недовольство тюремщиков, похлебка показалась не хуже, чем деликатесы из ресторации «Морской конек». Впрочем, диета «ешь меньше» не только помогла обнаружить у меня на теле ключицы и ребра, но и сделала меня совершенно неприхотливой в еде.

Через некоторое время, когда посуду унесли, а мы почувствовали себя практически как дома, прозвучал знакомый спокойный голос:

– Добрый день, дамы.

От неожиданности я даже вздрогнула. За толстыми решетками стоял Харви. Он был одет в черные брюки с острыми стрелками, дорожную белую рубашку с закатанными рукавами и костюмный жилет. Развязанный галстук-бабочка свешивался с шеи. Руки были расслабленно спрятаны в карманы. Никогда бы не подумала, что, сидя в тюремной камере, оценю, насколько привлекательным мог выглядеть судебный заступник, готовый выволить меня из застенка. Клянусь, его юридические умения враз поднимали градус мужской сексуальности.

– Харви, вытащи нас отсюда! – Я соскочила с лавки и схватилась за прутья решетки.

– Красивое платье, – кивнул он.

– А? – Я опустила голову, поглядев на дырчатый наряд из вязаных цветочков, и зачем-то объяснила: – На пляж собиралась.

Он перевел холодный взгляд с того, что не прикрывало платье, на мое лицо. Я ждала, что сейчас польется поток дурацких остроумий в фирменном стиле Харви Крейва, но он спокойным голосом начал перечислять:

– Пятнадцать шиллингов – штраф за оскорбление стража порядка. Где-то за моей спиной пискнула Харриет.

– Пять шиллингов – за тюремную карету, – добавил Харви очередную строку в счете.

– Это же не наемный кеб! – искренне возмутилась я. – Разве мы просили нас забирать в участок?!

– Полтора шиллинга – обед, – продолжил он и добавил, глянув на моих подруг: – За троих.

– Мы же в тюрьме, а не в едальной! Они вообще опупели?!

– Двадцать пять шиллингов – стоимость украденной повозки.

Вообще Харви умудрился сбросить цену почти втрое, но я все равно огрызнулась:

– Он страховку еще получит!

– Шестьдесят шиллингов за вызов судебного заступника в его выходной, – даже бровью не повел этот железный человек с оптимистично загорелой, но непроницаемой физиономией.

– А как же скидка? – пришла я в негодование.

– Это со скидкой, – с непробиваемым видом объявил он.

– Господи боже, Харви! Мы должны заплатить целую казну маленького королевства! И ты – не самая дешевая ее часть!

– Что сказать, дамы? – без особого сожаления протянул он. – Вы отдохнули на широкую ногу.

Самое обидное, что мы даже не помнили гулянку, за которую второй день подряд расплачивались нервами и кровными денежками! Все равно что потратить четырехмесячное жалованье на билеты в оперу и проспять все представление. Притом проспять дома, а не в мягком кресле отдельной ложи под громкую музыку.

– Если мы оплатим штрафы, то нас выпустят? – робко уточнила Харриет, не поднимаясь с лавки.

– Безусловно, – кивнул он.

– Но мы не выплатим, потому что позавчера уже потратили все деньги на экскурсии, – безжалостно напомнила Эмма, прямо сказать,

знающая, как в черный час поддержать надежду на лучшее в коллективе.

– И что нам делать? – обернулась я обратно к Харви.

– Мне в голову пришел вариант, – вдруг объявил он.

– Рассрочка? – оживилась я.

– Полагаю, можно оспорить штрафы. Платить не придется.

– Даже тебе? – в свою очередь уточнила я.

– Только мне.

– Сколько? Шестьдесят шиллингов?

Подружки печально вздохнули, но промолчали.

– Я согласен на свидание, – совершенно спокойно объявил он цену. – Ты можешь предложить мне свидание, Мариса.

Глава 4

Абсолютный хаос

Харви выглядел ужасно серьезным. Никаких сомнений, что пытался в чем-то меня наколоть, но в чем именно – вообще было неясно. Впрочем, за два года я тоже, мягко говоря, поистратила доверчивость и узнала, что пообещать и сделать – две совершенно разные вещи.

– Остальным я тоже должна предложить свидания? – любопытствовала я.

– Достаточно извиниться перед стражем.

– И никаких денег? – робко уточнила Харриет из глубины камеры. Ну, то есть она сидела на лавке в трех шагах от нас и сильно нервничала, прислушиваясь к переговорам.

– Не хочу рисоваться, но у вас лучший судебный заступник северных земель, – усмехнулся он.

И неприлично дорогой судебный заступник. География совершенно не повлияла на его стоимость.

– Значит, свидание? Всего-то? – Я протянула руку через решетки, мол, давай скрепим наше соглашение. – Договорились!

Крейв посмотрел на мою открытую ладонь и потребовал:

– Дашь расписку.

– Харви, давно от тебя начали разбегаться женщины, если ты даже просишь расписку о свидании? – убирая руку, хмыкнула я.

– От меня женщины вообще не бегают. – Он наклонился к решетке, так что наши глаза стали на одном уровне. – Кроме одной неуловимой колдуньи.

Хотелось напомнить, что именно он, этот... спринтер в рубашке из тонкого полотна, сбежал от меня первым, но странно спорить о прошлом, желая выбраться из застенка. Желательно без штрафа и жалоб в королевское агентство магической помощи. Оставалось только пожать плечами:

– У меня нет ручки. Придется тебе поверить на слово.

– И тебе можно доверять?

– Честное колдовское. – Никогда в жизни я не изображала искренность лучше.

Он отошел от решетки и кивнул стражу:

– Теперь можно открыть.

Вот ведь... феноменальная скотина!

Из участка мы уезжали на белой карете с гербом шикарного гостиного двора, в котором проживал Харви. Находиться в замкнутом пространстве с бывшим оказалось таким же шоком, как попасть за решетку.

На окнах экипажа стояли затемненные стекла, не пропускающие солнечные лучи, в потолок был вживлен особый амулет, в жару создающий прохладу, а в холод – тепло, но меня все равно бросало в жар, даже платье к спине прилипало. Я старалась избегать даже случайного прикосновения коленок к коленям Харви, но у него оказались слишком длинные ноги. Так и утыкался!

– Нас совершенно напрасно оклеветали! – нервно заявила Харриет.

– Безусловно, госпожа Руперт, – с невозмутимым видом согласился Харви, хотя абсолютно всем было очевидно, что мы действительно так лихо отметили приезд, что до сих пор разбирались с последствиями. Даже до пляжа ни разу не добрались!

Экипаж остановился напротив «Ваенды». Возле дома, приминая большими колесами неприкосновенный газон, нашего возвращения поджидала *та самая*, угнанная, повозка. Перепутать ее с какой-то другой было попросту невозможно – из расписанных красными цветами бортиков росли огромные оперенные крылья, напоминающие орлиные.

В гробовом молчании, отчасти отдающем истерикой, мы дружно разглядывали это, с позволения сказать, чудо современной магии. Дурак бы догадался, что колдунья, превратившая нормальную повозку в подобие монструозного грифона, была в тяжелом опьянении...

– Думаете, нам следует ее вернуть? – робко проговорила «оклеветанная» Харриет, теребя вязаную сумочку.

– Как ваш судебный заступник, дамы, настоятельно не рекомендую этого делать, – совершенно серьезно отсоветовал Харви.

Кучер раскрыл дверь, и в глубокой задумчивости мы начали выбираться из кареты.

– До свидания, господин Крейв, – попрощалась Харриет и, схватившись за предложенную руку возницы, выбралась наружу.

– Удачи, – бросила Эмма.

– Мариса, подожди, – остановил меня Харви, когда я собралась последовать за подругами. – Буду в семь.

– Зачем? – не поняла я и припомнила: – Свидание. Конечно...

– Прогуляемся по центральному бульвару. Вечерами там красиво, – начал перечислять он. – Выберем ресторацию получше, где подают порции поменьше.

Вообще имелась у Харви раздражающая черта: в одном предложении он умел намекнуть, что перемены в человеке замечены, и тут же дать понять, что их не одобряет.

– А тебе не полагается вернуться на свадьбу? – тут же ошетибилась я.

– Вряд ли кто-то заметил мое отсутствие.

– То есть на этой свадьбе ты не самый лучший друг? – сыронизировала я.

– Очевидно. – Он с ухмылкой развел руками. – Сегодня в семь?

– Встретимся возле «Сказки странствий». – Я выбралась из охлажденного магией салона в дремучую духоту. – До встречи, Харви.

Карета отъехала. Некоторое время мы втроем изучали доказательство очевидного: ведьмам, вооруженным хотя бы одной магической палочкой, нельзя устраивать девичник посреди цивилизованных курортов. Доказательство вызывало, мягко говоря, двоякие чувства.

– Ты действительно собираешься на свидание? – спросила Эмма.

– Я все еще помню, что он меня бросил, прислав записку, – отказалась от любых притязаний на вечер с самым дорогим судебным заступником северных земель, сбежавшим со свадьбы лучшего друга.

– Зато у тебя появился шанс бросить его в ответ, – пожала она плечами.

– В отличие от тебя, Мими, у меня нет страховки от романа с бывшим парнем.

– Хочешь, оформим? – немедленно оживилась та.

– Нет!

– А что с повозочкой-то будем делать? – вздохнула Харриет. – Не топить же ее в озере с драконом.

– Брысь отсюда! – Эмма громко хлопнула в ладоши, как если бы повозка была голубем.

Неожиданно оглобли, упирающиеся в землю, резко выпрямились. Взвизгнув, мы дружно отпрянули на шаг. Телега споро покатила на дорогу, выставив эти самые оглобли, как бодучий бык – рога. Раздался хруст – под колесом взбесившегося транспорта сломалась табличка, запрещающая ходить по свежему газону.

– Божечки мои дорогие, она сейчас весь газон заездит! – испугалась Харри.

Крылья захлопали. Повозка набрала разбег и, обдавав нас потоком воздуха, поднялась над землей. Вскоре монструозный транспорт унесся куда-то за деревья. Готова поспорить, что уже через пару дней в местной газете появится новость о неопознанном летающем объекте, пугающем чаек, священных драконов и мирных королевских подданных.

– Обалдеть, – покачала я головой. – Она правда считает себя птицей.

– Угу, гордый горный орел, – насмешливо согласилась Эмма и с непроницаемым видом пошагала к дому.

После чудесного освобождения из тюрьмы хотелось расслабиться на пляже с белым песочком, в тени навеса из пальмовых листьев. В застенке пришлось провести полдня, а впечатлений хватит до глубокой старости! Я решительно собралась к морю: передела платье, перевязала пучок и надела широкополую шляпу.

Но только отчаянная оптимистка будет надеяться, что если с первого раза до пляжа не получалось дойти, то со второго непременно удастся. Не успела я минут драгоценный газон, как пронзительно-синее небо затянулось дымкой. Без предупредительных капель сверху обрушилась стена дождя. От ее силы, кажется, согнулись полы шляпы. С краев потекли струйки воды.

Мгновенно вымокнув до нитки, я бросилась в сторону дома, заскочила под козырек и хорошенько, от души выругалась. Непечатным словом. И словно убоявшись гнева колдуньи, дождь прекратился. Туча уплыла, засветило солнце. У меня с испорченной шляпы жалко капала вода.

– Поверить не могу...

Иначе как гласом проведения, тонко намекнувшем, что сегодня не стоит идти на пляж, назвать это ливневое недоразумение было невозможно. Похоже, искупаться в море, а не на подступах к нему, мне удастся лишь в случае, если море само придет к «Ваенде».

Не то чтобы я желала острову Блэкрот большого потопа.

Расставив руки, бочком вползла в дом. С одежды текло, сумка с полотенцем промокла насквозь. Как и мое чувство собственного достоинства.

– На улице начался дождик? – Харриет оторвалась от чтения любовного романа.

Дома ей почитать в свое удовольствие не удавалось, разве что на ночь. Она успевала преодолеть четыре строчки, иногда одну, и засыпала мертвецким сном матери троих маленьких детей.

– Угу, – буркнула я, стаскивая с головы шляпу.

– Сильный? Зонтик нужен?

– Теперь только от солнца, – проворчала я и, оставляя на полу мокрые следы, пошлепала в сторону спальни.

Эмма, выходящая из купальни, поправляла на голове полотенце и замерла с поднятыми руками:

– Мэри, ты упала в одежде в море?

– Если бы! – процедила со злостью. – Я еду в магическую лавку! Вы со мной?

Переодевшись третий раз за день, уже без шляпы и пучка, а с распущенными кудрями, я стояла на веранде и хмуро изучала пресноводного дракона. Дракон, в свою очередь, смотрел из воды на меня. Мощные челюсти были крепко сжаты, словно он понимал, что колдунья думала о недобром.

У нас проживал практически домашний дракон с полной пастью зубов, из которых получали, может, не самые законные, но точно самые точные поисковые амулеты, а трогать его со всем этим богатством запрещала книга исчезающих видов. Ну и здравый смысл, конечно. Без магической палочки вряд ли получится выбить клык большому дракону.

Перед мысленным взором появился маленький щербатый воришка из пещерного храма, и невольно у меня вырвался смешок. Кажется, на этом острове не одна я теряла рабочие артефакты.

– Идем? – позвала меня Харриет, выглядывая на веранду из гостиной, но не смея ступить на подсыхающий после короткого ливня деревянный пол. Подняв сноп брызг, дракон немедленно нырнул в озеро.

Закупившись в пахнувшей сандаловым благовонием магической лавке, мы вышли на людную улицу. Солнце красным диском утопало в море и золотило крыши последними затухающими лучами. Улицы Блэкрока накрывали сумерки, жара спадала, и на бульвары высыпал народ. До обещанного свидания с Харви Крейвом оставался час, и я понятия не имела, почему следила за временем.

– Хочу прокатиться на лодке по вечернему морю, – объявила Эмма, увидев на круглой тумбе объявление, что от причала на набережной ровно в восемь вечера отходит корабль «Морской лев».

Он, этот самый кораблик, был нарисован: по виду хлипкое суденышко с несоразмерно огромными парусами. Я на таком не поплыла бы. По крайней мере, без магической палочки в сумочке. Но в первый день Броди нам вручил скидочный купон на экскурсию, и желание покататься почти бесплатно победило. Билеты были куплены.

– Девочки! – вдохновенно позвала Харриет. – Давайте отметим освобождение из-под стражи!

Она стояла на фоне питейной со светящейся надписью над дверной притолокой «Живой эль, крепленое вино». Из открытых окон неслись музыкальное дребезжание и неясные голоса.

Я посмотрела на раскрасневшуюся подругу, как давеча смотрела на дракона, то есть недобро. Мне еще после первого девичника не удалось найти рабочий артефакт, а она предлагает устроить второй?

– Чего у вас с лицами? – не поняла Харри, отчего никто не желает поддержать праздник, и обернулась: – Ой! Божечки мои дорогие, да я же про пирожные! Мы обязаны отметить наше освобождение пироженками! Никакого коньячного хмеля!

Коньячный хмель обнаружился в шоколадных шариках, которыми Харри с Мими щедро угощались в маленькой, но очень уютной кондитерской с кучей народа. Пирожных и десертов на больших тарелках под стеклянными колпаками здесь тоже было предостаточно. В общем, я попала в крошечный ад сладкоежки, строго следящей за фигурой.

Хозяйка, высокая, дородная брюнетка в ярком платье, щедрой рукой подливала нам в кружки черный, как деготь, кофе и с любопытством поглядывала на мелкие вещицы, высыпанные из бумажного пакета.

– Значит, вы колдунья, – обратилась она ко мне и с открытым неодобрением покосилась на мои ключицы. – А я решила, что танцовщица. Может, яблочного пирога с корицей или слоеный торт с заварным кремом?

С прошлой весны у меня действительно появились ключицы. Тонкие косточки красиво разлетались в вырезах платьев и приводили меня в неопиcуемый восторг. С детства своих ключиц не видела! Однако хозяйка кондитерской точно не относилась к поклонникам диеты «ешь меньше» и наверняка считала ее вредной, если не для телесного здоровья, то точно для душевного.

– А можно мне торт с кремом? – попросила Харриет.

– Ты тоже, милочка, колдунья? – улыбнулась хозяйка.

– Нет, у меня другая карьера.

– Какая? – не поняла Эмма.

– Я же мать! – с возмущением напомнила Харри.

– Сколько деток? – ради вежливости спросила хозяйка.

– Трое мальчиков, – не без гордости ответила та.

– Вот как? – Хозяйка отошла к витрине и, щипцами положив на тарелку огромный ломоть шоколадного торта, поставила перед матерью троих детей. – За счет заведения, милочка.

– Спасибо, – обрадовалась та, принимая неожиданное угощение. – Знаете, мои мальчики обожают шоколадные торты.

– Догадываюсь, – по-доброму улыбнулась женщина, едва не погладив нашу подружку по голове. – Да ты кушай, отдыхай. Сейчас мятного чайку принесу. Когда еще съешь торт в тишине и спокойствии?

Справедливо говоря, кондитерская пользовалась большим успехом у приезжих. В маленьком помещении было негде упасть яблоку, у входа змеилась очередь, а гул стоял, как в пчелином улье. В общем, по сравнению с особнячком Рупертов – тем самым, с винным пятном на потолке, – настоящая тихая гавань. И вечер закончился бы мирно, но в густых сумерках мимо окон кондитерской прокатилась тележка зазывалы, со всех сторон озаренная фонариками.

Мужичок, срывая голос, приглашал людей в ателье гравировщика, умеющего делать профессиональные гравировальные снимки. В кузове стояло прямое доказательство умений мастера: живой портрет во весь рост кудрявой разбитной блондинки с ярко-алым пятном вместо рта. Она не двигалась, конечно, но беспрестанно подмигивала, словно страдала от нервного тика.

У Эммы из рук выпала вилка и звонко ударилась о край тарелки. Харриет едва не подавилась кусочком шоколадного торта и промычала с набитым ртом:

– Божечки мои дорогие! Обалдеть!

В общем-то, приличными словами она выразила все, что я была способна описать исключительно бранными ругательствами, но промолчала, потому как меня покинул дар речи.

На безобразной гравюре во весь рост была изображена я. В том платье, в котором щеголяла на девичнике, и пока еще в двух красных туфлях.

– Удачный портрет, – задумчиво протянула Эмма, поправляя очки.

– Думаешь? – с трудом выдавила я.

– Еще бы! – кивнула она. – Тебя на нем родная мама не узнает.

– Но ты узнала.

– Я тебя вижу чаще.

В животе что-то стало по-сиротски холодно. Невольно представилась реакция дорогой матушки на гравюру во весь мой рост чуть выше среднего и с буйными кудрями, которые следовало «непрерывно закалывать, чтобы никто не принял серьезную колдунью за непристойную водевильную танцорку» (фраза пронеслась в голове с нравоучительной маминой интонацией). Еще вспомнилась начальница мадам Шербон, утверждающая, что королевские маги обязаны держать лицо и ни в коем случае не падать им в тарелку...

Как ужаленная я вскочила из-за столика. Тот неустойчиво зашатался, пролился черный кофе, на плиточный пол упала десертная ложка, перепачканная кремом. Соседи справа с опаской оглянулись.

– Надо идти к гравировальщику.

Не споря, Харри подхватила сумочку, поднялась и недоуменно сдвинула брови:

– Мими, а ты, что же, не собираешься?

Она точно не собиралась, но решение коллектива довлекло. С видимым сожалением Эмма посмотрела внутрь ополовиненной кружки и вздохнула чуть слышно:

– Раз надо, значит, надо.

Мы попрощались с гостеприимной хозяйкой, но в дверях меня покинула сила воли. Конечно, я сильная, самодостаточная колдунья, свято верящая в диету «ешь меньше», но день сегодня выдался очень нервный. Хотелось сладкого и на ручки, но лучше просто сладкого. Тортики, в отличие от мужчин, меня никогда не предавали.

Пробормотав под нос, дескать, женщине в истерике позволена секунда слабости, я вернулась к опустевшему столику, все еще заставленному недоеденными десертами. Схватила из плетеной корзинки чистую вилку и отмахнула от недоеденного ломтя шоколадного торта приличный кусок. Удивительно, как в рот поместился, и на платье не осыпалось ни крошечки. Мягкое пралине взорвалось во рту божественной сладостью. Чистое, ничем не разбавленное наслаждение!

– Теперь можно идти! – решительно кивнула я.

Найти гравировальное ателье оказалось несложно – оно находилось недалеко от кондитерской. Да и зазывала так отчаянно вопил, что адрес не расслышал бы только глухой старец.

В большой витрине на черной бархатной подложке стояли портреты в нарядных рамочках. С живых гравюр улыбались подкрашенные водянистыми чернилами счастливые лица, блестели после дождя влажные цветущие азалии, по мангровому лесу летали мелкие дракончики.

– Смотри, Мэри, – указала Эмма на карточку в центре экспозиции.

На снимке я стояла по колено в незнакомом фонтане и с обескураженным видом тарасилась в глазок гравировального аппарата. Мое лицо, отраженное в стекле подсвеченной витрины, тоже выглядело более чем обескураженным. Как и лица подруг.

– Ты купалась в фонтане? – наклонив голову набок, задумчиво протянула Харри.

– Может, она монетки вылавливала? – предположила Эмма. – Честное слово, вид у нее, как у грабительницы со стажем.

– Меня больше интересует, почему две лучшие подруги меня не остановили, – буркнула я и начала спускаться по лестнице из трех

высоких крутых ступенек к двери ателье.

Тесный зал встречал гостей перезвоном ветряных трубочек, гравированными пейзажами на стенах и пустой стойкой, похожей на массивный прилавок. Из соседнего помещения, скрытого от лишних глаз непроницаемой черной занавеской, доносилось чье-то невнятное бормотание.

– Добрый вечер! – громко позвала я хоть кого-нибудь.

Занавеска с резким шорохом отодвинулась. К нам выскочил... выпал гравировальщик. Худой, лысый, гладко выбритый и совершенно незнакомый. Я силилась выудить из сознания хотя бы смутный образ этого человека, в памятную, в смысле, беспмятную ночь сделавшего самый поганый в моей жизни портрет во весь рост, но на месте гравировальщика тоже зияла большая черная дыра.

– Моя муза здесь! – вскричал он и манерно всплеснул руками. – С подругами! Но почему вы без пальто?

То есть платьев ему мало.

– Зачем пальто? – уточнила я.

– Завтра модный дом переезжает обратно в Гранах, а пальто ты еще не вернула! Я же взял его взаймы. Надо вернуть! Иначе о мастере Грое поползут дурные слухи, и никто не попросит делать меня гравюры для каталога. Понимаешь? – Он помахал у меня перед носом перепачканным в чернилах пальцем. – Прощайте, художественные снимки, здравствуйте, портреты на документы!

Откровенно сказать, сделанные этим мастером Гроем снимки, кроме как «художеством» назвать не поворачивался язык. И совершенно непонятно, зачем в жаркую тропическую ночь мне приспичило обрядиться во что-то потеплее сарафана.

– Готова обменять пальто на гравюры, – нашлась я.

– Какие гравюры? – Мастер чуточку попятился, всем своим красноречиво-странным видом давая понять, что со снимками страшной бабы с красным пятном вместо рта произошла какая-то чепуха.

– Те, что вы сняли. – Ради устрашения я сделала к гравировщику шаг. – Включая ту, что сегодня ездит по городу в тележке зазывалы.

– И ведь волшебно работает! – Он хлопнул в ладоши и фальшиво хохотнул. – Сразу видно, что на портрете настоящая фея удачи!

Да, но отчего-то себе самой в бессознательном состоянии фея столько всего наколдовала, что мороз по коже идет и под ногами карьерная лестница рушится!

– Так повозка с утра по городу катается? – Мой голос понизился до шепота. – Я требую снять эту пошлость. Немедленно!

– Муза, ты меня без ножа режешь! Когда ты упала в фонтан желаний, я тебе помог! Ты говорила, что замерзла, и я принес пальто. Говорила, что всегда мечтала стать моделью для осеннего каталога одежды! Специально для этого худела!

– Я?!

Упала в фонтан, худела ради гравюры в модном каталоге? Нет, господи, я больше не хочу ничего знать. Амнезия прекрасна! Просто сделай так, чтобы неожиданные сюрпризы на этом пальто и закончились.

– Ты! – От возмущения лицо мастера пошло красными пятнами. – А теперь хочешь гравюры забрать?

– То есть ты их уже продал? – догадалась я, чувствуя, что в животе все еще по-сиротски холодно.

Он моргнул и, глядя в пол, покаялся:

– Пару часов назад. Этот господин увидел портрет на повозке, пришел и сказал, что хочет забрать снимки. Все разом. А мне аренду завтра платить... Я отдам тебе сорок процентов, муза!

– Шестьдесят! – внезапно потребовала Эмма. – И ни процентом меньше.

– Да мне бумага и слюдяные пластины для гравирата дороже обошлись! – возмутился мастер.

– Тихо, оба! – рявкнула я, заставляя их примолкнуть и вопросительно повернуться ко мне. – Без моего разрешения ты продал портреты какому-то мужику? Вдруг он маньяк?!

– Муза, но ты же колдунья, чего тебе маньяков бояться? – удивился он. – Помашешь палочкой, подвесишь вверх тормашками. И чтобы ты знала, господин выглядел очень приличным!

– Откуда ты знаешь, как выглядят маньяки?! – воскликнула я.

– Он личную карточку оставил! – выпалил мастер.

– У маньяков теперь есть личные карточки? На ней так и написано: «серийный убийца»?

– На ней написано «судебный заступник» и название юридической конторы. – Гравировальщик полез в карман полосатых штанов и извлек измятый прямоугольник из дорогой бумаги.

Некоторое время я разглядывала знакомое имя, написанное каллиграфическим почерком с вензелями. Что сказать? Карьера Харви Крейва, в отличие от моей, действительно шла в гору. За два года с момента нашего расставания бывший дорос до партнера юридической конторы.

На задней стороне своей рукой он подписал название гостиного двора и даже номер арендованного домика.

– Мне тут в голову пришло, – проговорила я тихо. – Пальто мне нравится, и возвращать его не хочется. Мастер, ты же заработал денег на моих гравюрах?

– Ну... – протянул гравировщик, догадываясь, к чему я клоню.

Вообще из нас троих только Эмма умела выворачивать ситуацию в собственную пользу и обычно умудрялась продать какую-нибудь странненькую страховку, но тропический остров заставлял меня звереть и превращал в бандитку.

– Значит, оставлю себе, – заключила я, хотя пальто было маловато, жало в груди и под мышками.

– И уберите снимок с повозки зазывалы! – напомнила Эмма. – Королевским магазинам запрещено сниматься для каталогов.

– Портрет из витрины тоже отдай, – велела я.

– Вы мне совершенно ничего не оставляете! – возмутился мастер, но тут замолк и даже немножко съезжился под гнетом трех нехороших взглядов. – Как скажешь, муза... это... как скажете, госпожа колдунья. А что же с проданными снимками делать?

– Сама разберусь.

– Конечно, ведь в ваших руках магическая палочка... – пробормотал он, не догадываясь, что умудрился отравить госпоже колдунье большую мозоль.

Я собралась к Харви в гостиный двор. Вряд ли он вспомнил студенческую молодость и с папкой снимков под мышкой ждал бывшую любовницу возле туристической лавки. Только не Харви Крейв! Хотя и во время учебы в юридической академии вряд ли он ждал какую-нибудь... первую любовь на ступеньках театра, сжимая в руке букетик чахлых гвоздик. Однажды я опоздала на спектакль на

пять – ладно! – на двадцать пять минут, и он уехал. Вместе с билетами. Возможно, и с букетом. Этот факт история скрыла.

– Мэри, мы должны пойти с тобой! – настаивала Харриет, хотя у нас сторал оплаченный заплыв на парусном суденышке по ночному морю.

Потраченных денег было ужасно жалко. Мы решили разделиться: я пошла отнимать у бывшего компрометирующие снимки, а они – наслаждаться видами ночных огней Блэкрока. Может, не очень честно отправлять любимых подруг на подозрительную экскурсию, но со снимками следовало разобраться. Оставалось надеяться, что на «Морском льве» будет маг или колдунья, страхующие пассажиров от падения за борт.

Я покрепче сжала отобранный у гравировщика снимок и решительно отказалась от помощи:

– Нет-нет, подруги! Езжайте на экскурсию.

– Мариса! – позвала Харри, когда я уже решительным шагом направилась в нужную сторону. – Ни в коем случае не оставайся у него на ночь.

И как я не закатила глаза? Наверное, взрослою.

– Или хотя бы приди под утро, – добавила Эмма.

– Если не появишься к завтраку, мы обратимся в участок! – в спину пригрозила мать троих детей. – Слышишь? Нас там уже знают!

На этой странной ноте я завернула в проулок, хотя он и не вел в нужную сторону. Иногда заставить любимых подруг прекратить нести чушь можно, лишь спрятавшись.

Гостиный двор, в котором проживал лучший судебный заступник северных земель Харви Крейв, выглядел шикарнее, чем на живых иллюстрациях в туристических каталогах «Сказки странствий». За открытыми настежь воротами журчал каскадный фонтан. По воде клубился розовый туман, созданный с помощью магии. Он стекал по мраморным бортам и фонтан напоминал забытую на раскаленном очаге кастрюлю с убегающей кашей.

Харви жил в отдельном домике. Указатель увел меня в глубь территории, в густой тропический парк. В темноте горели уличные фонари с круглыми колпаками, и возле них толкалась мошकारа. Каждая запрещающая табличка, воткнутая в газон, была подсвечена отдельным фонариком. В Блэкроке к газонной травке вообще

относились с большим пиететом. Возможно, потому, что она взращивалась с помощью магии и, в отличие от бесплатных сорняков Гранаха, стоила приличных денег.

В бунгало бывшего жениха горели окна. Как я и предполагала, хозяин был дома. Стоило постучать медным молоточком, как дверь немедленно открыли. Складывалось впечатление, что Харви ожидал моего появления и подглядывал в окошко, прячась за занавеской.

– Мариса Крафт пожаловала лично. – Он привалился широким плечом к косяку, одновременно закрывая и проход, и вид в гостиную.

– Не надо ерничать, Харви. Ты ведь не ждал кого-то другого?

– Ты задержалась, – хмыкнул Харви. – Я уже начал думать, что не появишься.

– Буду считать это синонимом «добро пожаловать».

Без приглашения я вломилась в дом, едва не сметя «гостеприимного» хозяина по пути. Обстановка гостиной была сдержанно-дорогой. Огромное окно выходило на водный резервуар для купания, подсвеченный огоньками и скрытый от посторонних глаз стеной из колючего кустарника. Это вам не деревянная ванна на веранде.

– Выпьешь что-нибудь? – любезно предложил Харви, закрывая дверь.

– Со вчерашнего дня я примкнула к ярым трезвенникам, чего и тебе желаю.

Замок щелкнул, и немедленно погас верхний свет. На стене вспыхнула пара ночных ламп, и разгорелся светильник на низком кофейном столике. В общем, обстановка воцарилась интимная и романтическая. В такой очень хорошо скандалится!

– Харви, отдай мне гравюры, – потребовала я.

– Гравюры? – Он состроил недоуменный вид. – Какие?

Однозначно юрист из него удался лучше, чем актер.

– Вот такие!

Я выставила злосчастный портрет вперед. На изображении у меня был ошарашенно-дурацкий вид. Длинные волосы и задранный подол платья вяло шевелились от невидимого ветра. Вообще подвижные кудри делали меня похожей на мифическую гидру в женском обличье. Просто преступление против эстетики, а не портрет!

– А-а-а, ты об этих гравюрах, – насмешливо протянул он и сложил руки на груди.

На плечах под рубашкой появился красивый мускулистый рельеф. Бьюсь об заклад, последние два года Харви посещал бойцовский клуб и занимался каким-нибудь новомодным боксом.

Имелись у меня две слабости: красивые мужские руки и низкие голоса. От хриловатых нот по спине бежали мурашки, сердце сладко сжималось, а под ложечкой щекотало. В отличие от оперы, я могла их слушать круглые сутки.

Как назло, именно Харви Крейв сочетал все мои предпочтения и слабости. И зад у него тоже был отличный! В желтых портках эта часть тела выглядела шикарно.

– Я знаю, что ты выкупил у гравировщика портреты. Отдай их. Пожалуйста, – добавила через паузу. Как говорит моя матушка, вежливые люди добиваются цели быстрее.

– Ты решила их выкупить? – любезно уточнил он.

Следовало признать, что вежливость действовала со всеми, кроме Харви. Он, похоже, понимал только матерные письма. Так оказался впечатлен тем письмом, что я два года ничего о нем не слышала.

– Мы что, на рынке? – искренне возмутилась я. – Позволь тебе напомнить: ты мой судебный заступник!

– И должен снимки отдать просто так?

Харви нагло ухмылялся и не скрывал, что получал удовольствие. Его можно было понять: какая еще радость у судебного заступника? Только поиздеваться над бывшей. Но этой бывшей хотелось хорошенько вломить по нахальной физиономии портретом, сжатым в руках.

– Просто выставишь мне счет, – отрезала я. – Для чего тебе эти гравюры? Они похожи на произведения искусства?

– Едва ли. – Он с трудом сдержал улыбку. – Но они привели тебя сюда. Даже отправлять записку не пришлось.

– Как понимаю, у туристической лавки ты не дежурил, а ждал, когда я сама приду.

– А ты проверяла? – заинтересовался Харви, будто действительно не знал ответ.

– Нет.

– Надо же. Мы думаем одинаково.

Оставалось картинно закатить глаза. Все-таки я не до конца повзрослела.

– Что ж, коль ты все равно здесь и задолжала мне свидание, давай поужинаем? – предложил Харви. – Располагайся.

Он указал на диван. Я продолжала упрямо стоять, хотя любой здравомыслящий человек давно перестал бы страдать от высоких каблучков и присел на пять минут перед финальным марш-броском до стоянки наемных экипажей.

Харви между тем начал наполнять два высоких хрустальных стакана ярко-желтым соком из какого-то местного фрукта.

– Не понимаю тебя, – покачала я головой. – Мы уже встречались, и оба знаем, что все закончилось печально. Поверь, ничего нового нас точно не ждет.

– То есть ты не хочешь есть? – хмыкнул он.

– Хочу, – согласилась и тут же оговорила: – В смысле, хочу, но не здесь.

– Выйдем в ресторацию?

– Нет! Я заберу все гравюры и просто выйду вон.

– Как хочешь, – невозмутимо кивнул Харви. – Твои портреты станут прекрасным украшением моего рабочего кабинета. Если спросят, кто на них выгравирован, я обязательно скажу, что ты моя клиентка, профессиональная колдунья...

– Знаешь, мне тут в голову пришло, – перебила я, – глупо отказываться от еды, когда все равно еще не ужинала. Скажи?

– Так и есть. – Он выстрелил в меня ироничным взглядом.

Я все-таки плюхнулась на диван. Упала без должной грациозности, словно подломились колени, и – прости господи – чуть зад о твердокаменные подушки не отбила. В жизни не подумала бы, что удобный по виду диван окажется не лучше парковой скамейки!

Магия в дорогом гостинном дворе оказалась на высоте (кто бы сомневался). Наверняка в местные бассейны никогда не переселялись пресноводные драконы, в комнатах не ломались охлаждающие амулеты, и не заявлялись блюстителю порядка, чтобы арестовать постояльцев, неудачно или, наоборот, очень удачно гульнувших накануне ночью... Ну и шкатулка, передающая заказы на кухню, работала как часы.

Боже мой, лучше часов! По крайней мере, моих точно.

Я украдкой проверила время и выяснила, что магия в них напрочь разрядилась. Стрелки замерли на той минуте, когда днем в Блэкроке случился самый короткий в истории тропиков ливень.

– Держи. – Харви протянул толстый конверт из плотной коричневой бумаги и пояснил: – Гравюры.

– Здесь все? – с подозрением сощурилась я.

– Можешь пересчитать, – предложил он.

И пересчитала бы, но понятия не имела, сколько портретных снимков в порыве вдохновения сделал мастер. Осторожно вытащила живые карточки и поняла, что у нашего мастера следует немедленно отобрать гравират, а не приглашать снимать наряды для модных каталогов.

Какая мама? Я сама себя не сразу узнала в перекошенной, сморщенной девице. Радовало только то, что это странное всклокоченное создание выглядело худым. Благослови боже того человека, кто придумал диету «ешь меньше»!

– Ты их разглядывал? – прижимая стопку к груди, я с подозрением покосилась на Харви.

– Нет, – покачал он головой.

– У тебя слишком честный вид!

– В таком случае зачем спрашиваешь? – ухмыльнулся он. – Кстати, на последнем снимке ты особенно мила.

На последней гравюре, размахивая магической палочкой со светящимся острием, я падала в чашу фонтана желаний и поднимала сноп брызг. Лица на нем видно не было, зато рабочий артефакт все еще был при мне.

– Не сочти, будто я над тобой издеваюсь, – начал Харви, и сразу стало ясно, что пока не издевается, но планирует. – Зачем ты залезла в фонтан желаний? Хотела забрать брошенную монету?

– Я не настолько плоха, – отозвалась я, запихивая гравюры обратно в конверт. – Хотела красивых портретов, но что-то пошло не по плану.

Знать бы, что был за план, почему он превратился в полный хаос и куда после этого делась магическая палочка. Может, осталась в фонтане? Мысль не давала мне покоя ни на секунду, даже когда служащие ввезли в домик тележку с едой.

На полированный стол были поставлены тарелки, накрытые серебряными колпаками, и фруктовая этажерка с экзотическими плодами. Название фруктов я не знала и пробовать не планировала.

Еще принесли ведерко с бутылкой сока. В жизни не подумала бы, что Харви отнесется серьезно к моему заявлению о трезвости по гроб жизни. Конечно, может, он не хотел, чтобы в конце вечера бывшая дама сердца снова нырнула в фонтан.

Тишина и молчание, воцарившиеся в комнате после ухода слуг, показались практически осязаемыми. Я быстро скользнула за стол, расправила на коленях салфетку и внимательно присмотрелась к блюдам. Везде, даже в моей тарелке, между листьями зеленого салата, политого острым соусом, лежали разваренная пшеничная крупа и кусочки соленого сыра. Толще намек, что каторжников после освобождения встречают ячменной кашей и соленым сыром, просто не придумать.

– Ты серьезно? – Я бросила на Харви недовольный взгляд.

– Поздравляю с освобождением, – отсалютовал он бокалом.

– Радует одно: что ты тоже будешь жевать кашу, – пробормотала я и как будто небрежно спросила: – Как, к слову, поживает Паскаль?

– Ты хочешь узнать, помнит ли он, как вы его похитили? – сухо уточнил Харви.

– Мы его не похищали!

– Он ничего не помнит. – Он пропустил мимо ушей восклицание. – И искренне верит, что проспал весь день на веранде своего номера. Я посчитал лишним его разубеждать.

Не знала, что амнезия заразна, но... какое счастье!

– Ты опять говоришь вслух, – сухо заметил он.

– Да? Тогда я забыла сказать тебе спасибо.

– Не благодари. Ты мне платишь.

– Со скидкой в девяносто процентов!

Никогда в жизни не подумала бы, что у нас сложатся такие, право слово, высокие отношения! Еще неделю назад мне хотелось только одного: выплеснуть в лицо Харви Крейву стакан воды, а сегодня мы сидели за одним столом, но запустить в него тарелкой не возникало желания. Более того, за весь вечер он не задал ни одного неуместного вопроса и не затронул ни одной скользкой темы.

К концу ужина я поймала себя на том, что почти очарована, как когда-то давно, и вполне серьезно раздумываю, насколько пристойно завести необременительную курортную интрижку с бывшим. И пока фантазии не дошли до неприличного градуса, стоило отчалить в безопасное место, то есть восвояси.

– Я провожу, – предложил Харви, не настаивая на продолжении вечера.

Присутствие бывшего никак не вписывалось в план проверить фонтан и поискать рабочий артефакт.

– Просто попроси дать экипаж, – быстро отказалась я.

– У тебя с собой есть магическая палочка? – уточнил он.

– Нет.

– В таком случае я тебя довезу, – дал он понять, что избавиться от его присутствия не получится.

С другой стороны, мы уже давно расстались. Можно не стесняться и не изображать девицу с хорошими манерами. Одну из тех, что никогда не занырнет в фонтан, не позволит совершенно незнакомому гравировальщику делать странные отиски и точно не забудет целую ночь.

– Раз тебе не лень, то пожалуйста.

Я начала собирать с дивана вещи: маленькую сумочку, большую рамку с гравюрой, объемный бумажный пакет и еще толстый конверт... Как бабка-старьевщица, ей-богу! Осталось запихнуть весь скарб в холщовую сумку из продуктовой лавки и повесить на сгиб локтя. Ручки у этих авосек всегда короткие.

– Попросить принести холщовую сумку? – следя за тем, как я пытаюсь не растерять «приданое», любезно попросил Харви.

– Нет! Я справлюсь! – выпалила почти испуганно.

Как назло, вещи вдруг приобрели подвижность и начали расползаться из рук в разные стороны. Еще и волосы полезли в глаза. Сплошное недоразумение на шпильках, а не девушка!

– Может, все-таки помочь? – сдержанно предложил он и протянул руку, дескать, давай.

– Ну, если ты настаиваешь, конечно... – пробормотала я и сунула ему все, кроме сумочки. Не вижу смысла отговаривать мужчину от посильной помощи.

Дорогому (как понимаю, во всех отношениях) гостю дали белую пролетку, украшенную эмблемой гостиного двора. Мы чинно уселись позади извозчика и покатали по пустеющему бульвару. В поздний час многие заведения потушили вывески и закрыли окна ставнями. Темнота казалась белесой от висящей в воздухе влажной дымки.

– Господин, заверните на минуту к фонтану желаний, – попросила я, начисто проигнорировав вопросительный взгляд Харви. Пусть думает что хочет.

Кучер, конечно, не отказал, но привез нас с какому-то другому фонтану на маленькой площади перед храмом брачных обрядов... Несколько долгих секунд мы разглядывали темную, мрачную махину в три яруса, звонко булькающую водой. В чаши хотелось бросить монетку за упокой умершего, а не с просьбой ниспослать хорошего супруга.

– Что-то мы, по-моему, сильно ошиблись адресом, – пробормотала я и вытащила из конверта самую безобидную гравюру, где не было задранного платья, а длинные кудри не шевелились, как змеи у мифической гидры.

Извозчик быстро сориентировался по картинке и повез нас обратно. Оказалось, что тот самый, нужный, фонтан желаний находился недалеко от ресторации «Морской конек», на входе в большой городской парк.

– Харви, вернись через пять минут! – бросила я, вылезая из коляски.

С непроницаемой физиономией, не задавая вопросов, он спустился на брусчатку и молча указал рукой. Дескать, вперед, госпожа колдунья, раз очень хочется приключений на то место, которое обычно заземляют на стулья, пойду с вами.

– Ладно, постоишь на стреме, – согласилась я и с самым независимым видом пошагала к раскрытым настежь кованым воротам парка. В спину донеслось сдержанное, но выразительное покашливание.

Шли в молчании. Целенаправленно. Стук каблуков, возвращавшийся эхом, отчего-то напоминал цокот копыт. Мы почти добрались до фонтана с гравюр, как он замолк. Водные струи иссякли, шум и бульканье прекратились. На центральной аллее замерцали и затрещали фонари. Неожиданно показалось, что невидимый великан

дунул на огни. Они потухли один за другим, и парк погрузился в сизую темноту. Только мелкие светляки по-прежнему мерцали на дне фонтана, окрашивая воду inferнальным зеленоватым цветом.

– Мариса, парк закрывают, – небрежно заметил Харви.

– Мы успеем.

Тишину взбудоражил душераздирающий скрип. Кованые створки ворот дернулись и начали медленно закрываться.

– Нам стоит вернуться, – вымолвил он, не проявляя ровным счетом никакого беспокойства.

– Думаешь, мы здесь одни остались после закрытия? Уверена, в парке никто против воли не ночует и выходит через запасную калитку, – источая позитив, отмахнулась я. – В крайнем случае, вылезем через прутья.

– Надеюсь, ты шутишь.

– Зря надеешься.

Ворота закрылись и отрезали нас от пролетки. Извозчик всполошился, но Харви помахал рукой, давая понять, что через минуту мы выйдем наружу.

– Я слышал, что народ в здешних беседках вылавливают и отправляют в участок.

– Какое счастье, что ты лучший судебный заступник северных земель, – довольно улыбнулась я. – Скажи?

– В таком случае позволь все-таки поинтересоваться, что за странная тяга к местам былой славы? Особенно на ночь глядя.

– Ты спрашиваешь в качестве моего судебного заступника или подельника?

– В качестве обоих.

– Сюда меня привело желание сохранить служебное место, – туманно пояснила я и наклонилась к воде, стараясь разглядеть, что помимо многочисленных монеток лежало на дне мраморной чаши.

Туристы в Блэкроке не скардничали и деньги швыряли горстями. На россыпи пятакон лежала красная туфля, очень знакомая, купленная мной специально для отпуска, и – та-дам! – волшебная палочка!

– Ах ты моя родненькая! – Я навалилась на бортик и окунула руку в ледяную воду.

– Мариса, ты действительно решила вернуть брошенную монету? – озадачился Харви.

– За кого ты меня принимаешь?

Безжалостно намочив платье, я сумела дотянуться до магической палочки лишь кончиками пальцев, но схватить ее никак не удавалось. Для удобства я еще подвинулась и вдруг ощутила, что на животе бодро въезжаю в фонтан. Еще чуть-чуть – и нырну буйно-кудрявой головушкой в воду!

– Харви, лови меня!

Он оказался стремительным и проворно схватился за то, что выпирало. Носом я практически касалась несвежей воды, волосы уже плавали по поверхности, платье было намочено, а мужские руки хозяйски покоились на моей пятой точке. Вокруг все замерло. Мы в том числе.

Казалось, он только и ждал удобного случая, чтобы проверить, насколько это выдающееся прежде место похудело и потеряло грандиозность. Поверьте, весьма и весьма сильно.

– Почему ты не взялся за талию? – тихо спросила я.

– Привычка, – отозвался он, судя по голосу, совершенно не смущенный тем, что его ладони ощупали неприкосновенное. – Может, лучше я помогу тебе вытащить... что ты там вытаскиваешь?

– Магическую палочку, – сухо произнесла я, кое-как возвращая вертикальное положение.

– Разве ты не убрала палочку, чтобы случайно не потерять? – несколько удивился он.

– Ну, в ту ночь я убрала ее в фонтан, – небрежно ответила я, отжимая вымоченный подол платья.

Зад горел, не иначе как от стыда, словно на него на секунду поставили два раскаленных утюга. Смотреть в сторону Харви, тем более пересекаться с ним взглядом, было ужас как неловко. Не то чтобы его руки никогда не лежали там, куда случайно попали сейчас, но с этого времени прошло два года. Он стал совсем чужим, а приличные леди, знаете ли, не позволяют всяким странным мужикам хватать себя за мягкие места.

Не размениваясь на лишние комментарии, но прожигая меня выразительным взглядом, он закатал рукав и решительно сунул руку в фонтан. Я с любопытством следила, как он тянется к палочке, все сильнее макая рубашку в воду.

– Тебя надо поддержать? – спросила я, когда палочка очередной раз ускользнула из его пальцев.

Видимо, что-то в моем голосе намекало, за какую именно часть тела его предлагалось держать (скорее подержаться). Мрачный взгляд Харви говорил лучше любых слов, что он думает о «поддержать». Ну и о «подержаться» тоже. Зато в его пальцах мгновенно появилась такая невероятная ловкость, что палочка с поразительной легкостью оказалась выуженной на поверхность.

– Возьмите, госпожа колдунья.

На раскрытых ладонях, словно рыцарь, дарующий бесценный подарок королеве, Харви протянул мне спасенный артефакт.

И это была чья-то чужая палочка.

Я, конечно, ее забрала. Зря, что ли, одежду мочили и доставали? В руках повертела, на тусклый свет проверила.

Этой палочкой можно было кого-нибудь стукнуть по пальцам, потыкать в карту Блэкрока на стене туристической лавки «Сказка странствий» вместо указки, порыхлить землю в цветочных горшках возле гостевого дома «Ваенда». Просто помахать для устрашения, как рапирой, или нехитро заткнуть ею круглую дырочку в стене, чтобы не создавать сквозняка. Короче, очень полезная в хозяйстве, но совершенно бесполезная в колдовстве вещь. Магические палочки пробуждались исключительно в руках хозяина.

– Что? – напрягся Харви, по всей видимости, начиная понимать, что напрасно намочил рукав рубашки.

– Ничего, – покачала я головой.

В жизни бы не подумала, как греет душу осознание, что не я одна лихо расслабилась на острове Блэкрок и теперь грозила заработать конский штраф величиной с месячное жалованье. Ну и – фигурально выражаясь – «упасть лицом в тарелку» перед начальством.

– Ты странная. – Он не сводил с меня глаз. – Какие-то проблемы с палочкой?

– Нет-нет, все в полном порядке... Ну, кроме того, что палочка чужая, – призналась, стараясь смотреть куда угодно, например в темноту за деревьями, а не на Харви, расправляющего рукав.

Собственно, рукав он расправлять перестал и тихо спросил:

– В смысле?

– А в этой фразе много смыслов? – Я состроила удивленный вид. – Кто-то другой спрятал в фонтане магическую палочку, а я в нем спрятала только туфлю.

Харви кашлянул, упер руки в бока и посмотрел на меня как-то очень нехорошо, из-под бровей.

– Так...

– Нет-нет, ты не должен доставать мою туфлю, – уверила я.

– Благодарю.

– Хотя, конечно, мог бы.

Не то чтобы я планировала натягивать мокрую обувь на ногу... Но вдруг она высохнет и не испортится, каблук не рассохнет, кожа не съезжится? Жалко. Пара-то совсем новая, и трех раз не надела!

– Мариса, ты не помнишь, куда убрала палочку?

– Смутно.

– В какой степени смутно?

– По какой шкале мерить? – вежливо уточнила я.

– Да по любой!

– По любой шкале: полная амнезия. Но я, как видишь, в процессе поиска. Сегодня пытаюсь найти с помощью логики, завтра использую магию.

– Логика, говоришь? – У Харви вырвался смешок.

– Смотрю, тебе весело? – поддержала я и панибратски похлопала его по плечу. – Что ж, господин судебный заступник, смех продлевает жизнь. Сон, в общем, тоже, поэтому, может, пойдём? Предлагаю срезать путь и не искать запасной выход.

Я махнула рукой на сомкнутые створки парковых ворот.

– Другими словами, про ворота ты говорила серьезно, – резюмировал он.

– Посмотри, какие там просветы между прутьев! – воскликнула я. – Гигант пролезет.

Харви растер лицо ладонями и явил миру, в смысле, нам с темным парком, настораживающую улыбку. Даже жутковатую, учитывая, что физиономия его была озарена снизу светом огоньков, пробивающих тусклые лучи сквозь толщу воды в фонтане.

– Черт возьми... Как можно было забыть, что рядом с тобой обязательно начинается полный бардак.

– Ох, Харви, не драматизируй, – поморщилась я. – Так и скажи, что боишься застрять в воротах. Поверь мне, если чуток сдуешь самомнение и втянешь пузо, то превосходно войдешь!

– Мы идем искать запасной выход.

Он обхватил мое запястье холодными пальцами и направился в темноту аллеи. Не успели мы пройти и пяти шагов, как из сизого сумрака, пахнувшего душной ночью и теплой влажностью, выступил размазанный огонек.

– Эй, кто там?! – крикнул в тишине исключительно серьезный голос, а вслед ему спящий парк взбудоражил резкий, громкий свисток.

Уверена, что от этого невозможного звука все призраки, если они жили в цветущих кустах азалий, упокоились с остановкой сердца.

– С другой стороны, можно и срезать путь, – рассудил Харви и как ни в чем не бывало повел меня в прямо противоположную сторону. К воротам.

Что мне в нем всегда нравилось – это гибкость принципов. Конечно, вылезать через ворота недостойно серьезного судебного заступника, но если очень нужно, то самолюбие можно усыпить.

– Скажи, Харви, мы же не планируем ночью ехать в участок и сдавать магический артефакт? – спросила я, когда мы проходили мимо фонтана.

– Не хотелось бы, – отозвался он.

– И мне, – пробормотала я и словно случайно уронила чужую палочку обратно в воду.

– Ты ее выбросила? – возмутился он.

– Поправка! Сделала хорошо колдунье, разыскивающей свой рабочий инструмент.

– В участке нашли бы саму колдунью.

– Какая жестокость! – фыркнула я. – Если тебе не жалко какую-то незнакомую колдунью, то подумай о той, что знаешь.

– О тебе? – хмыкнул он.

– А что, у тебя много других знакомых колдуний?

– Честно говоря, мне страшно отвечать на этот вопрос. – В голосе Крейва слышалась улыбка. – Давай я скажу, что ты единственная известная мне колдунья в Блэкроке?

– Для профессионального юриста ты что-то неловко соврал, – насмешливо отозвалась. – Я еще не успела соскучиться по стражам,

чтобы перед сном ехать к ним в участок. Предпочитаю заканчивать день без приключений.

Тишину снова рассек яростный свисток. Было очевидно, что без приключений закончить этот длинный нервный день не получится. На полных парусах к нам несея смотритель с фонарем в руке.

Харви помог мне проскользнуть между прутьев. Пришлось, так сказать, сгруппироваться, чтобы пролезть со всеми выдающимися частями и женскими округлостями. Кое-как протиснувшись, я оказалась на другой стороне.

Неожиданно створка качнулась. Харви мгновенно сориентировался и по-простецки дернул ее на себя. Ворота поддались неохотно, с протяжным, неприятным скрипом. Он вышел через щель, не потеряв ни капли достоинства. Даже обидно! Я надеялась понаблюдать, как бывший застрянет между прутьев и начнет отбиваться от смотрителя.

По пустым бульварам до «Ваенды» мы доехали очень скоро. Эмма с Харриет все еще не вернулись с морской прогулки, и окна в доме были темны. Харви учтиво помог мне вылезти из коляски. От движения возле дорожки вспыхнули фонарики. Загорелся ночник под козырьком, и к нему моментально со всех крыльев бросилась мошкара.

– До завтра, Мариса, – попрощался Крейв.

– До завтра? – не поняла я.

– Предлагаю прогуляться по ботаническому саду.

– Стой-стой, Харви! – перебила я. – Мы сегодня, конечно, весело провели время...

– Не весело, – покачал он головой. – Полный хаос!

– Вот именно! Давай прогуляемся по ботаническому саду отдельно. В смысле, я утром, ты вечером. Не понимаю, для чего нам делать вид, что мы давние приятели.

– Находишь это странным? – с усмешкой вопросом на вопрос ответил он.

– Я нахожу это неуместным.

– Мне интересно, как ты жила последние годы, – признался он. – Изменилась ли? Впрочем, уже вижу, что изменилась ты мало.

– Чувствую, что это не комплимент, – фыркнула я, складывая руки на груди.

– Ты потрясающе выглядишь. Так же хорошо, как и раньше.

– Еще один спорный комплимент, – не удержалась я. – Ты тоже, к слову, выглядишь неплохо. Сразу видно, что в жизни у тебя сложилось все, как хотелось. Надеюсь, теперь ты счастлив и доволен?

– Вот с этого момента давай поподробнее. – Он наклонился, заставляя меня отодвинуться и упереться лопатками во входную дверь. – Не хотел спрашивать, но раз мы тут мило откровенничаем... Может, скажешь, Мариса, почему ты решила разорвать отношения?

– Мне совершенно не понравились ни твое последнее письмо, ни тон, с которым ты его написал.

Я и не думала отводить глаза, хотя он смотрел пристально, пронзительно... прямо в печень, простите мой блэкрокский. Честное слово, Харви Крейв с этим своим предложением стать лучшими подружками – ой! – друзьями до сих пор сидел у меня где-то в печенке.

– И чем оно тебя оскорбило, что ты меня изысканно послала? – В его голосе появилась вкрадчивость.

То есть «изыском» он иронично назвал ядреные выражения, в которых я его действительно отправляла в длинное пешее путешествие. В конце того пламенного послания предложила ему утопиться в чванливости, если лужи в северных землях для этой цели мелковаты.

– Харви, мы долго были в отношениях. Наверняка ты знал, что я ждала предложения руки и сердца.

– Тогда, Мариса, что тебе помешало его принять? – приблизившись настолько, что практически касался губами моих губ, очень тихо, словно бы с неясной угрозой спросил он.

Глава 5

АКТИВНЫЙ ОТДЫХ

Иногда такое случается: внезапно кажется, что человек заговорил на неведомом языке, вроде знакомом, но совершенно непонятном. Словно он произносил не слова вовсе, а неразборчивую бессмыслицу, дурацкий набор звуков, стоящих в хаотичном порядке. И будто узнаешь речь, но все равно нужен переводчик.

– Подожди, Харви.

Не покупаясь на эти мужские уловки с разговором губы в губы, долгими гляделками глаза в глаза и прочей чушью, способной не только соблазнить, но и заставить потерять нить разговора, я отодвинула его на полшага.

– Ну-ка, объясни, что ты имеешь в виду?

И тут за спиной волшебным образом открылась дверь.

– Мэри, почему не заходишь? – прозвучал голос Харри, умеющей выбрать момент, чтобы ворваться и испортить интимную обстановку.

Я энергично начала терять равновесие и столь же энергично завалилась в провал. Подозреваю, что подмяла бы под себя мать троих детей и день, начавшийся в участке стражей, мы закончили бы в лекарской палате неотложной помощи. Однако Харви очередной раз удачно оказался под рукой, в смысле, под руками. Стараясь устоять на ногах и не сломать каблуки, я вцепилась в его рубашку.

С реакцией у судебного заступника было отменно! Он, конечно, подался вперед, но ловко оперся рукой о косяк. Пусть конструкция получилась шаткая и была готова развалиться в любую секунду, но мы с честью удержали вертикальное положение. Не опрокинули на каменный пол ни одной многодетной матери!

– Божечки мои дорогие! – пролепетала та, даже не догадываясь, какой опасности нас всех подвергла.

– Добрый вечер, – нашел в себе силы на вежливость Харви.

Одним гибким движением он выпрямился, заставив меня припасть к широкой мужской груди. Я наконец поняла, что способна стоять без подпорки, отпустила порядком потрепанную рубашку и выпрямилась.

– Ох, господин судебный заступник, может, зайдете на чай? – гостеприимно предложила Харри.

– У нас нет чая, – немедленно напомнила я и протараторила, не давая никому вставить ни слова: – Кофе тоже нет. Да и Харви уже пора. Спокойной ночи, Харви.

– С ума сойти, Мариса, – хмыкнул он. – Твое гостеприимство не знает границ.

– Нет, границы оно как раз знает, – с елейной улыбкой парировала я. – Извозчик тебя точно заждался.

– Всего доброго, госпожа Руперт, – сдался он и действительно направился к пролетке этакой энергичной походкой, засунув одну руку в карман.

– Даже обидно, что он твой бывший, – тихим шепотом, то есть так, что услышат соседи по улице, вымолвила Харриет.

– Уверена, он польщен.

С независимым видом я вошла в дом и от страха едва не завизжала. У стены стояла знакомая фигура фанерной бабы в полный рост, отобранная у зазывалы. Она беспрерывно подмигивала, как в нервном тике, и вблизи выглядела еще ужаснее, чем издалека. Особенно чудовищным у гравированного двойника был алый пухлый рот.

– Как она здесь оказалась? – выдохнула я.

– Ну... Когда Мими спустилась с корабля, то пребывала в дурном настроении и очень хотела с кем-нибудь поскандалить. Повозка зазывалы стояла на набережной.

– Она отобрала портрет?

– И еще продала ему страховку от нападения неадекватных страховых агентов.

У подруг действительно случилась самая дрянная в истории культурного отдыха экскурсия. Сначала все шло нормально, даже хорошо: кораблик плыл возле разукрашенного огнями берега. Потом, повинуясь приказу капитана, суденышко куда-то завернуло и провалилось в кромешную темноту! Вместо огней в ослепших окнах появились отражения обескураженных лиц пассажиров. И ничего больше.

Тут-то между делом выяснилось, что «Морской лев» плыл по утреннему маршруту. Экскурсия была рассчитана на любителей

экзотики. Их специально отвозили в ту часть острова, где на скалистых выступах гнездовались драконы, росли густые тропические леса и переплетались загадочные в своей дикости мангровые заросли. Там не было пляжей, потому как под водой прятались какие-то страшно ценные кораллы и плавать возле них строжайше запрещали книга об исчезающих растениях вкупе с истеричными защитниками магической природы. Освещения, соответственно, тоже не имелось.

После часа катания в потемках настроение у Эммы сделалось взрывоопасное. В таком она обычно спорила о политике, ругала королевские указы и в продуктовых лавках подлавливала торговцев на мелком мухлеже. И надо же ей было увидеть повозку зазывалы!

– Сейчас Мими закрылась в своей комнате и что-то пишет, – закончила Харриет. – Думаешь, она того...

– Чего?

– Взялась составлять мемуары?

– Все было настолько паршиво?! – охнула я.

– Ну, мне очень понравились рассказы Броди о том, что мы не можем увидеть на берегу, но потом меня укачало, и я провела остаток пути на палубе, – поделилась она. – А тебе удалось забрать гравюры?

– Че-е-ерт!

Босая я бросилась на улицу, ударила мизинец о порожек и, зашипев от боли, на одной ноге выпрыгнула на ступеньки. Пролетка уже уехала. Пакет с побрякушками для изготовления поискового амулета, конверт с гравюрами, портрет в рамке и даже моя сумочка с деньгами остались у Харви. Что сказать? Я хотела красивый отпуск: солнце, пляж, мятный коктейль из запотелого стакана с трубочкой, а не вот это все!

Однако кое-что удавалось делать в отпуске преотлично – спать. После суетливых, насыщенных дней мой сон больше всего напоминал летаргический. Хоть в барабан возле кровати бей! И словно не было никогда страшной бессонницы, мучительницы городских жителей, заставляющей до утра ворочаться, сбивая простыни в колтун, переворачивать нагретые подушки, отбрасывать и натягивать одеяло, закрывать и открывать окно. В Блэкроке я вторую ночь подряд выходила из купальни и падала лицом на заправленную постель, лениво думая, что надо бы снять с головы полотенце, иначе утром

волосы будут стоять дыбом. Сознание угасало где-то на подлете к матрасу.

Утром я проснулась от солнечного света, льющегося в окно. Стянула с головы полотенце и ужаснулась от собственного отражения в зеркале. Волосы действительно стояли дыбом. Хорошо, что пучок мне удавалось делать практически с закрытыми глазами.

Я шустро привела себя в порядок, очередной раз надела купальный костюм, в котором все время мокла, но почему-то не в морской воде, побросала в сумку пляжные принадлежности и сбежала из тихого, сонного дома. Ничто не могло остановить меня от встречи с бескрайним морем, пенной волной и лежаком под пальмовым навесом... Ничто, кроме синего флага с вышитой фигуркой морского дракона.

– Госпожа, а сегодня пляж закрыт, – развел руками загорелый до черноты смотритель. – Ночью приплыли морские драконы, находиться возле воды небезопасно.

– А когда они планируют уплыть? – с тоской поглядывая на белый песок, спокойное море и абсолютно пустые лежаки, безнадежно спросила я.

– Так один бог ведает, – отозвался мужчина.

– Думаете, если я схожу в храм и поговорю с ним, то он согласится отогнать драконов к другому острову?

– С кем? – моргнул он.

– С ним, – указала пальцем вверх.

Одновременно мы подняли головы. В синем небе с белыми пушистыми облаками, размахивая большими крыльями, гордо летела повозка.

– Вы это тоже видите, госпожа?!

Мужичок не верил своим глазам, а чтобы поверить, приложил ко лбу загрубелую ладонь. Спрятавшись от солнца, он таращился на нашего горного орла или орлицу, уж не знаю, кем себя вообразила повозка.

– Что же такое за монстр, прости господи?!

– Неопознанный летающий объект, – тяжело вздохнула я и побрела обратно в «Ваенду».

Повозка вновь обнаружилась посреди нашего газона. Во время приземления она смяла траву, снесла предупреждающую табличку и

перевернула пару горшков с растениями по краю дорожки.

Неожиданно мне в голову пришла логичная мысль, что у нас под окнами стояла целая ничейная ферма перьев, наполненных моей собственной, чистой и совершенно бесплатной магией. Общипывай и изготавливай тележку амулетов – никто слова не скажет и лицензии не лишит. Я за это оперение уже отсидела полдня в кутузке! Не нужно никаких зубов драконов, чужих магов, за деньги заряжающих амулеты. Настоящие столичные колдуньи вполне способны создать годный продукт даже из заколдованного птичьего пуха.

С решительным видом я двинулась к повозке, но только протянула руку, чтобы погладить мягкое крыло, как в «гордом горном орле» проснулась не только гордость, но горское упрямство. Тележка дернулась и отъехала, не давая ни прикоснуться к крыльям, ни просто заглянуть за расписной бортик, чтобы проверить кузов.

– Цып-цып, курица, – пробормотала я, все-таки заглядывая внутрь.

Что сказать? Островные чайки телегу явно полюбили и приняли за общественное гнездо. На дне валялось скомканное платье, в котором я щеголяла в ночь девичника и потом не нашла. Трогать тряпку побрезговала, пускай остается чайкам. Еще между разошедших досок застрял мужской галстук-бабочка.

Находки намекали, что мы дружно в этом кузове ездили... летали.

Пока монструозная телега не шевелилась, я выдрала пук жестких перьев. Неожиданно оглобли встопорщились вверх, словно большая башка у бодучего быка, задумавшего поднять на длинные рога невезучего пастуха. Думаю, что от нападения меня спасала исключительно малая маневренность врага.

– Расколдую, скотина деревянная! – опешила, прямо-таки сказать, я.

Нелепая, конечно, угроза. Колдовать мне было нечем, аж сердце щемило. И ведь вечно брюзжала, что магическая палочка надоела хуже пареной репы, а как незаменимая – в прямом смысле слова – помощница колдуньи исчезла, так стало казаться, будто рук лишилась.

– Думаю, тебе надо попробовать ласку, – раздался откуда-то из дверей голос Харви.

Я резко повернулась на пятках и, едва не потеряв равновесие, схватилась за бортик в цветочек. Бортик и цветочки поехали, лишая

меня опоры. Только стоящий на ступеньках гость не дал мне от души выругаться крепкими выражениями из арсенала профессиональных магов, хранимых специально для нерадивых практикантов.

– Доброе утро. – Мой бывший отсалютовал чашкой, которую Харриет, между прочим, привезла из дома.

Выглядел нежданный гость свежее, чем я, успевшая прогуляться туда-сюда до пляжа. В очередной провальной попытке искупаться имелся только один плюс: утренние прогулки натошак очень полезны для сердечного здоровья.

– Как море? – спросил Харви.

– Море атаковано драконами, – коротко и очень сухо поделилась я страшной трагедией в жизни неудачливой ныряльщицы.

– Поэтому ты выместила раздражение на заколдованной повозке?

– Что ты здесь забыл с утра пораньше? – настырно проигнорировала я подколку, хотя хотелось ответить в духе моего письма двухлетней давности.

– Это не я забыл, – отозвался он, – а ты вчера забыла все свои вещи. Я оказался настолько любезен, что не заставил тебя разыскивать меня по всему курорту.

– А был такой соблазн? – Я изогнула брови.

– Нет, – прямолинейно ответил он и с видом утомленного аристократа прихлебнул что-то из чашки. – Идешь завтракать?

Думаю, он пил все-таки кофе, а не двадцатилетний бренди. Впрочем, кто знает, чем за последние два года привык заправлять утренний кофе лучший судебный заступник северных земель. Может, там, в северных землях, где снег ложился в то время, когда в Гранахе только-только доставали осеннее пальто, было принято до завтрака принимать глоточек горячительного ради профилактики простуд и дурного настроения. Не то чтобы на острове Блэкрот хотелось согреться, скорее, наоборот, похрустеть кусочками льда. Желательно из замороженного мангового сока.

– У нас в доме появилась не только вода, но и еда? – удивилась я.

– Я привез с собой.

– Так плохо идут дела, что подрабатываешь доставщиком?

– Рассчитываю на чаевые, госпожа колдунья, – ухмыльнулся он.

– Не рассчитывай. У меня нет мелких монет.

И хотя у меня не было ни одного предположения, что именно он привез, но в воображении мгновенно нарисовались всевозможные вкусы: булочки, джемы, цукаты в карамели и... Что там мне еще запрещают есть боги похудания? Короче, все, что вызывало обильное слюноотделение и не являлось очищенными огурцами или салатом из огурцов без соли, политых постным маслом и посыпанных кунжутными семечками.

К слову, в альманахе «О здоровой и вкусной пище» настоятельно рекомендовалось добавлять кунжут, вечно застревающий в зубах, «для пикантного вкуса». Но ни в коем случае не верьте этой ужасной книге, написанной садистами! Рецепты в ней, может, давались исключительно здоровые, но точно невкусные. Просто после двух лет диеты «ешь меньше» я стала безнадежно непритязательна в еде.

Непритязательная, мрачная и по-прежнему далекая от моря, я зашагала по неприкосновенной травке к мужчине, который предложил мне остаться друзьями, а вчера заявил, будто его неправильно поняли. Не знаю, что можно не понять в прямой, как шпала, фразе: «Надеюсь, что в будущем мы сможем дружить семьями». Буду откровенна, только расстояние от Гранаха до северных земель, промозглая осень и писчая бумага, стерпевшая поток бранных ругательств, два года назад спасли звезду юриспруденции от удушения фатой несостоявшейся невесты.

Я поднялась по ступенькам.

– Слушай, Харви, не пойму: тебе больше нравится завтракать в нашем гостевом доме, чем в твоём гостинице? Если ты ещё не понял, то у нас охлаждающие амулеты барахлят.

– Зато компания получше. – Он толкнул дверь, чтобы галантно пропустить меня в дом, и на свободу вырвался мелодичный перезвон ветряных трубочек.

– Профессиональные юристы всегда так красиво льстят. Вам действительно хочется верить. – Сладко улыбнувшись, я перешагнула через порог.

Фанерная ведьма с шевелящимися волосами по-прежнему жутковато подмигивала всем входящим. Я быстро перевернула это пугало от воров лицом к стене.

– Я его уже видел. – Почему-то Харви решил, будто кто-то здесь не хочет, чтобы именно он полюбовался неудачным снимком.

– Меня больше беспокоит, что её вижу я.

– К слову, отличный портрет. Тебя на нем очень сложно узнать.

– Но ты-то узнал.

– У меня хорошая память на лица, – козырнул он. – Как поживает твоя матушка?

– По-прежнему страдает плохой памятью на лица и имена. Совершенно тебя не помнит, – соврала я и объявила подружкам: – Видели? Повозка вернулась.

– Она прилетела сразу после твоего ухода, – отозвалась Харриет. – Мы ее хотели привязать, но она начала бодаться. Такая свободолюбивая, как мой пес Броди! Он тоже очень не любит ходить на поводке.

Судя по количеству тарелок, расставленных на столе, гость приехал не с одной корзинкой для пикника. Подруги уже спокойно попивали кофе, закусывая гренками с цитрусовым конфитюром, и не испытывали никакого стеснения. В фарфоровом салатнике с золотой эмблемой гостиного двора пускал сок салат из мелко порезанных огурцов с кунжутным семенем. Сама не понимаю, почему я почувствовала себя ужасно обманутой.

– Как море? – полюбопытствовала Харриет, намазывая конфитюр на хлебец.

– Не знаю, – проворчала я, проходя мимо, в купальню.

– Снова не добралась до него?

– Не пустили, – буркнула себе под нос, ровным счетом ничего не объясняя.

– Мне кажется, что тебе стоит расслабиться и просто получать удовольствие от отдыха.

Поверить не могу, что она сказала вслух столь кощунственную вещь! Добраться до пляжа и искупаться в море без плещущихся рядом драконов являлось делом принципа.

Когда я вернулась к столу, троица спокойно допивала кофе и вела оживленную беседу. Дорогих подруг совершенно не конфузило, что гость принес еду с собой. И даже то, что еще два дня назад они считали появление Харви Крейва на острове дурным знаком, их тоже не смущало.

Я почти уверилась, что обе оказались недалеко от истины. Бывший женишок действительно приносил несчастья! Если отпуск продолжится, как начался, то мне грозит вернуться в Гранах почти

разоренной, зато с округлыми формами. Вчера я уже предала диету «ешь меньше» и слопала божественный кусочек шоколадного торта...

Сейчас мне тоже было очень вкусно. Салат из огуречных кружочков буквально таял во рту.

– Что? – не поняла я, когда все примолкли.

– Ты ешь сладкое? – Эмма изогнула брови и поправила сползшие очки.

И тут стояло ясно, что огуречные кругляшки оказались такими вкусными потому, что они были круглым пончиком с дырочкой посередке, политым зеленой чуть подтаявшей помадкой.

– Перепутала, – ответила я, чувствуя ничуть не меньшее недоумение, чем остальные. Совсем забыла, насколько коварны пончики! Они всегда умели притворяться безобидными огурцами.

– Как? – Взгляд Эммы стал как у кровожадного крокодила, собирающегося проглотить жертву с костями. Очки воинственно сверкнули.

– У них цвет одинаковый. – Я повертела надкусанный пончик в руках. – Зеленый.

Вообще Мими до сих пор не могла простить, что когда-то я предприняла попытку завербовать их с Харри в адепты диеты «ешь меньше». Сейчас-то меня заметно попустило, помог кулинарный кошмар домохозяйек «О вкусной и здоровой пище». Я поняла, что никто не имел права обрекать любимых подруг на вкусную и здоровую пищу, если они прекрасно уживались с отражением в зеркале. И их не бросал потенциальный муж.

– Так что скажете, дамы? Как вам идея посетить дендрарий? – Несостоявшийся супруг благородно отвлек внимание на себя. Хоть какая-то от него польза в хозяйстве!

Подруги повернули к нему головы, а я положила в рот остатки пончика и даже успела с тоской обозреть те, что лежали в общем блюде.

– Слышала, дендрарий Блэкрока называют райским садом, – сумничала Эмма, от корки до корки проштудировавшая путеводитель по Блэкроку еще до отъезда на остров.

– Оттуда открывается превосходный вид на морскую бухту, – продолжил соблазнять на поездку Харви.

– Мы поедем с большим удовольствием, господин судебный заступник, – улыбнулась Харриет и подлила гостю из кофейника густой черный кофе.

В ее кроткой улыбке буквально читалось, что она поедет в любую часть Блэкрока, главное, чтобы доставили в карете с охлаждающим амулетом, а не в открытом туристическом вагончике «Сказки странствий». И заплатили за входные билеты, если очень сильно повезет.

– Езжайте втроем, – отказалась я от сомнительного развлечения любоваться цветочками под палящим солнцем. – У меня планы.

– Какие?

– Рабочие.

Вообще я хотела сделать поисковый амулет, найти магическую палочку, расколдовать несчастную повозку и, может быть, еще кому-нибудь на радостях причинить добро. Но по мелочи. Я уже не в том возрасте и положении, чтобы колдовать по-крупному бесплатно...

– Не знала, что ты нашла магическую палочку, – протянула Эмма.

– Пока нет, но я... в процессе.

Харви не позволил повиснуть неловкой паузе и охотно рассказал:

– К слову, в бухте недалеко от дендрария первоклассный пляж. И к нему никогда не приплывают морские драконы. Их распугивают с помощью магии.

Я понимала, к чему он клонил. Вернее, к чему он меня склонял, причем весьма успешно. Прихлебнула кофе, помедлила, чтобы не потерять лицо, а потом протянула:

– Дела ведь и подождать могут. Уверена, что в дендрарии красиво. И в бухту можно заглянуть.

– Несомненно, – согласился Харви, пряча улыбку за краем кофейной чашки...

Через полтора часа я могла с уверенностью заявить, что хорошее место непроизносимым словом «дендрарий» не назовут! Где они нашли райский сад? Он являлся отделением ада на земле. Жарким, солнечным, жужжащим и людным, куда в наказание отправляли колдуний, умудрившихся наклюкаться и посеять самое дорогое – магическую палочку.

Невозможность раскрыть над головой заклятье охлаждающего купола не позволяла наслаждаться экзотическими растениями. С

жарой меня примирил разве что стаканчик с осколками колотого мангового льда. Жаль, одновременно хрустеть льдом и обмахивать лицо костяным веером никак не удавалось.

Мы прогуливались по ухоженным аккуратным дорожкам, стараясь не пересекаться возле цветущих кустов с ботаниками-любителями и граверами-самоучками. Первые ходили уткнувшись в каталоги, купленные на входе, как это делала Эмма. Они усаживались в зарослях и пытались выковырять из земли мелкий росточек. В общем, занимались прополкой. Вторые были не только странными, но и внезапными. Как городские голуби! Когда они прицеливались глазком ручного гравирата, то обязательно оттопыривали поперек прохода какую-нибудь часть тела, чаще филейную. Иногда эти два вида сталкивались на дорожках, хотя места в ботаническом саду было немало.

Харви был отправлен к тележке с холодным мятным чаем в бутылочках, торчащих из горы магического, а потому не тающего льда. Эмма утыкалась носом в разворот каталога, Харриет тарацилась вокруг, восхищаясь подстриженными в виде животных кустами, а я оглядывалась через плечо, зачем-то проверяя своего бывшего.

– Божечки мои дорогие, смотрите, кустик подстрижен под дракона! – воскликнула Харри, заставляя меня обернуться. Очень вовремя, ведь я почти свернула шею.

– Уверена, моим мальчикам здесь понравилось бы! – затараторила она. – Они так сильно любят драконов. Вернусь в Гранах, обязательно их свожу в ботанический сад и в зоопарк. И в питомник редких магических тварей.

В этот миг Эмма, на ходу изучающая каталог растений, споткнулась о кривоватую, волосатую конечность гравера-любителя, выставленную из куста с пупырчатыми листьями. Она ругнулась сквозь зубы и едва не потеряла очки. Гравер-любитель в желтых шортах до колен, с кожаным кофром поперек узкой груди и гравиратором в руках явил себя из зарослей. Смотрел он недобро.

– Мадам, вам не мешало бы извиниться! – Для человека не самого выдающегося телосложения он обладал весьма громким, низковатым голосом.

Проигнорировать такой чудесный басок Эмма, конечно, не смогла бы. Она поправила очки и окинула мужчину цепким взглядом

страхового агента, неожиданно обнаруживавшего клиента в том месте, где клиенты обычно не водились. Заложив каталог указательным пальцем, чтобы не потерять страницу, она чуть приподняла подбородок и проговорила с располагающей интонацией:

– Господин, ваша нога пострадала? Может быть, выпал гравират?

– А если бы пострадала?! – возмутился он, не осознавая, что встал на опасный путь, обычно приводящий к ежемесячным выплатам ненужной страховки в течение пяти лет.

– Не задумывались, что вам следует страховать и то, и другое?

– Что?

– Застраховать и ногу, и гравировальный аппарат, – терпеливо пояснила Эмма Уилсон, сумевшая продать страховку даже моей начальнице мадам Шербон, а та известная на всю контору скареда.

– Зачем еще?

– Поверьте моему опыту, они могут оказаться сломанными в самый неожиданный для вас момент, – спокойно пояснила Эмма.

И тут вернулся Харви с напитками. Он нес четыре запотелые бутылочки и выглядел громилой, а не благородным судебным заступником...

Потенциальный клиент мгновенно оценил обстановку и от греха подальше сбежал обратно в экзотические цветущие заросли. Думаю, там, в тени ветвей, он три раза осенил себя божественным знаком и поблагодарил всех святых, что избежал побоев. Бедняга же не подозревал, что единственной опасностью были страховые взносы, которые ему пришлось бы выплачивать пять долгих лет.

– А жаль, – вздохнула Эмма и снова уткнулась носом в изображения цветочков.

– Что я пропустил? – с удивлением наблюдая за побегом гравировальщика-любителя, спросила Харви.

– У Эммы сорвалась охота, – забирая предложенный напиток, усмехнулась я и с удовольствием отхлебнула прохладную жидкость. – Чай сладкий?

– Ты раньше пила с медом, – пояснил он и любезно предложил: – Купить другой?

– Не надо.

И все-таки следовало отказаться от сладкого напитка, но близость Харви Крейва действовала на меня расслабляюще. Рядом с ним

хотелось изменить диете «ешь меньше», хотя я прекрасно понимала, что по возвращении в Гранах, когда жаркие дни на острове Блэкротк растают тропической влажной дымкой, придется перейти на диету «хочешь есть – пей воду».

Незаметно мы добрались до главного аттракциона дендрария, зеленого лабиринта из аккуратно подстриженных ровными стенами цветущих кустарников. В центре росло многовековое дерево со сложным названием, под которым можно было загадать желание, а еще в зеленых коридорах были установлены охлаждающие амулеты, о чем имелась крупная вывеска на входе. Как понимаете, после прогулки в духоте народ от развлечения не отказывался, шел с большой охотой.

– Лабиринт в ботаническом саду считается одним из самых сложных на острове, – заметил Харви, когда мы всем девичником проявили большой интерес к карте, нарисованной на деревянном щите.

Странно, как он не попятился, заработав три недовольных взгляда.

– У нас высшее магическое образование, – не без надменности напомнила я.

– Божечки мои дорогие, да нас с первого курса учили ориентироваться в пространстве... в смысле, на местности, – поддакнула Харри. – Мы даже по лесам лазили... блуждали... ходили...

– Другими словами, колдуньи никогда не страдают топографическим кретинизмом, – резюмировала Эмма.

– Однажды Мариса пыталась найти дамскую комнату, а попала за кулисы... – начал было Харви.

– Никогда! – перебила я. – Не страдают кретинизмом.

– Топографическим, – зачем-то уточнила Мими, словно любимым другом – сколько душевненьке угодно.

– Хорошо. – Он поднял руки, делая вид, будто сдается. – Я понял. Так что, леди, желаете поблуждать, в смысле, побродить?

– Мы хотим освежиться, – поправила Эмма и указала свернутым в трубочку каталогом в сторону оплетенной лианами арки, украшающей вход в лабиринт. – Добро пожаловать в прохладу!

Подруги поздоровались со зрителем, презрели любезно протянутые карты, напечатанные на сероватых листах тонкой

папиросной бумаги, и смело пошагали в зеленый коридор. Без магической палочки я отвагой, прямо сказать, не обладала, поэтому от схемы не отказалась, прихватила экземплярчик, игнорируя насмешливый взгляд Харви. Три, если быть точнее. Не потому что боялась один потерять, а по штучке каждой девушке с высшим магическим образованием, на учениях плутовавшей в лесу возле академии. Однако делиться оказалось не с кем – за поворотом подруг не нашлось. Я с недоумением огляделась и позвала их по имени.

– Мы здесь! – прокричала Харри из-за зеленой стены.

– Как вы там оказались? – справедливо удивилась я.

– Повернули.

Логично. Мы с Харви тоже повернули, и теперь наш квартет был разделен кустами на два дуэта.

– Помашите шляпкой, – предложила я. – Карту передам.

Неожиданно над кустами высунулся пяток соломенных шляпок с разноцветными лентами и подлетел один мужской картуз. Много же здесь было тех, кто решил, будто подробная схема аттракциона-бродилки придумана для слабаков! Становилось очевидным, что народ в лабиринте, желавший свежести, теперь желал просто выбраться на волю. Охлаждающие амулеты работали так исправно, что на листьях кустов лежала влажная роса, а по коже бежали мурашки.

– Мэри! – Теперь голос Харриет прозвучал очень близко. – Мы уже добыли карту. Встретимся возле дерева!

– Харви, мы должны поторопиться. – Я оглянулась и обнаружила, что его окружили три энергичные институтки в разноцветных платьях. Все дружно очаровательно улыбались, и от сияния оптимизма напололам с кокетством я едва не ослепла. Приблизившись к цветастой «клумбе», громко покашляла, мол, минутку внимания, господи-цветочки.

– Идем? – когда бывший жених наконец соизволил повернуть голову, кивнула я.

– Ой, а пойдете вместе, а то мы совсем-совсем заблудились, – жалобно защебетала та, что стояла к Крейву поближе.

– Безнадежно, – согласилась ее подруга.

– Полностью, – поддакнула еще одна.

– До ужаса! – добавила последняя.

– Нет, – коротко отказалась я таскать за собой девиц.

– Мы даже карту не взяли! – округлила глаза первая.

– О, это не проблема! – Я сунула ей в руки помятый папиросный лист со схемой лабиринта, а потом и еще один: – Возьмите запасной. Знаете, карты лабиринтов – гениальное изобретение. Они помогают ориентироваться в пространстве.

– У нас карта есть, – закатив глаза, манерно протянула она. – Даже две.

– Да? Тогда верните, нам самим пригодится. – Не смущаясь, я выдрала листы обратно и цыкнула Харви: – Живо!

– Как скажешь, – безропотно согласился он. – Удачи, дамы.

Я не должна была испытывать никаких чувств по отношению к бывшему жениху, но все равно злилась. Нет бы помочь разобраться с картой, а он с институтками заигрывал!

Некоторое время мы петляли по лабиринту в гробовом молчании. Люди куда-то исчезли, словно мы остались одни в путанице зеленых коридоров. Харви безропотно следовал за мной, хотя мы оба давно осознали, что я безнадежно заплутала и понятия не имела, как выбраться к центру. Более того, мы пару раз прошагали возле одного и того же куста. Не хотелось признаваться, но мне запомнились отломанные веточки. Я чувствовала себя топографическим кретином, неспособным справиться с картой без магической палочки, и с каждой минутой раздражалась все больше.

– Помочь? – предложил Харви, когда мы третий раз минули знакомый куст и снова оказались в тупике.

– Сама справлюсь. – Я упрямо уставилась в карту, начиная подозревать, что в чертеж закралась фатальная ошибка, заставившая нас кружить по одному и тому же маршруту.

Он заглянул через плечо:

– Ты перепутала верх и низ.

Видимо, чтобы не быть голословным, Харви протянул длинные руки и, прижавшись грудью к моей спине, перевернул лист бумаги. Конечно, разобраться в карте это совершенно не помогло, но сердце споткнуться заставило.

– Отодвинься, – буркнула я, поведя плечами. – Очень жарко.

– У тебя руки ледяные, – заметил он.

– Конечно, тут отличные охлаждающие амулеты!

– Так тебе жарко или холодно? – хмыкнул он над ухом, не собираясь отстраняться.

Неожиданно показалось, что зеленые стены сомкнулись, заграживая нас от внешнего мира. Ослабевшие руки опустились, из пальцев выпали злосчастные смятые листы. Нахлынуло почти забытое ощущение, раньше всегда возникавшее рядом с Харви Крейвом: я чувствовала себя очень легкой, хрупкой и женственной. Не хотелось, чтобы он отходил даже на полшага, но и не хотелось, чтобы продолжал беззастенчиво прижиматься к моим лопаткам, ласкать дыханием шею, словно покрывая невесомыми поцелуями. Они, эти осторожные касания губами по чуть влажной коже, конечно, просто мне чудились.

– Остановись, Харви, – тихо проговорила я.

– Почему? – выдохнул он. – Ты мне нравишься, Мариса, и нравилась всегда.

– Тогда зачем ты меня бросил? – перебила я поток признаний в лучших традициях профессиональных соблазнителей.

Поток, безусловно, прервался. Объятия тоже. Харви сжал мои плечи и заставил обернуться.

– Объяснись.

– Я?! – возмущенно воскликнула.

– Почему ты ведешь себя так, словно именно я был инициатором разрыва? Не каждый день предлагаешь любимой женщине пожениться, а в ответ получаешь поток отборной брани, – обвинительно, словно судья на слушании, проговорил он.

– Харви, я начинаю думать, что ты не такой уж хороший юрист, потому что за два года явно подзабыл факты! Понятия не имею, на ком ты собирався жениться, но мне ты предложил остаться друзьями! Полагаешь, я должна была прийти в восторг?

– Какими еще друзьями? – поморщился он.

– Очевидно, лучшими! – рыкнула я. – Даже написал, что хотел бы дружить семьями. Семьями, черт тебя дери!

И он промолчал. Некоторое время мы смотрели глаза в глаза. Харви выглядел по-настоящему обескураженным! Мне-то казалось, что судебного заступника с его опытом было невозможно ничем удивить и тем более обескуражить. Официально заявляю, что теперь в своей жизни я видела почти все, что может увидеть незамужняя девушка.

– Мариса, ты шутишь?

– Если ты не заметил, то я раздражена и отвечаю вопросом на вопрос. Разве похоже, чтобы я шутила?

– Проклятие... – пробормотал он, прикрыв на секунду глаза.

– В смысле, ты недоволен, что я не острою?

– Да нет.

– Так да или нет? Ты уж, пожалуйста, определись!

– Помолчи секунду. Я пытаюсь осознать реальность.

– Теперь ты затыкаешь мне рот! – огрызнулась я.

Не знаю, как обычно принимали реальность нормальные люди, но Харви Крейв для начала растер лицо ладонями и помаячил в узком тупике туда-сюда, от одной колючей зеленой преграды к другой. Хорошо, пространства для метаний было немного, иначе утомился бы.

В лабиринте не скупилась на прохладную свежесть, амулеты работали превосходно, сразу видно, что для их создания нанимали отличных магов. В лицо Харви пахло струей ледяного пара. Я немедленно сложила руки на груди, чтобы сохранить остатки тепла, а он вздрогнул. Видимо, впустил в прочищенное сознание реальность.

– Признаю, это было глупо, – наконец резюмировал он.

– Пытаться меня заткнуть?

– Делать предложение так, как его сделал я.

– Отчего же, прекрасно сработало. Ты был краток, но доходчив.

– Мариса, два года назад я заказал у каллиграфа приглашения на нашу свадьбу и прислал тебе четыре разных варианта с просьбой выбрать. Был уверен, что ты поймешь, к чему я клоню.

Перед мысленным взором появилась аккуратная брюнетка с узкими губами, покрытыми толстым слоем карминовой краски. Отдавая конверт с вензелем новой юридической конторы Харви, она улыбалась. По-змеиному. «Господин Крейв просил передать лично в руки», – тогда сказала эта девица и предложила подождать ответ. Повезло, что я отправила змеюку восвояси, прежде чем вскрыла послание. Иначе она скатилась бы кубарем с лестницы, а меня еще два года назад лишили бы лицензии за нападение на законопослушную королевскую подданную и даже некому было бы бедную колдунью защитить в суде.

– Ты в своем уме, Харви Крейв? – выпалила я. – Кто вообще предлагает пожениться, передав через постороннего человека

свадебные приглашения? Она взяла и перепутала конверты!

– Похоже, мне следует отправить в отставку своего секретаря, – как будто даже нервно произнес он.

– Похоже, тебе следует изменить манеру делать предложения, а то до конца жизни останешься холостым, – не придумала ничего получше я.

Мысль о том, что именно мы потеряли из-за чужой оплошности, казалась большой, остроугольной и не помещалась в голове. Последние два года я так отчаянно ненавидела вспоминать бывшего жениха, что старалась не произносить его имя ни вслух, ни мысленно. Практически перестала приезжать к матушке на выходные, лишь бы не выслушивать бесконечные причитания о разрыве «с таким видным мужчиной, что раньше все соседки дохли от зависти, а теперь подымают от злорадства». Я ответила, что наплевать, отчего они все отправятся на тот свет, главное результат, а мама почему-то обиделась. Она не разговаривала со мной почти три месяца, пока не испортились обогревающие дом амулеты. Пожалуй, та осень была самой тихой и пустой в моей жизни.

Громкий голос Харриет ворвался в наш уединенный уголок внезапно. На краткое мгновение почудилось, будто у меня случилась слуховая галлюцинация, но нет – голос неизбежно приближался.

– Друзья, кучнее, не отставайте! – тоном всеобщей матери вещала она, словно собирала Дэйви, Пэрри и Тэрри в шеренгу. – Идемте! Не теряйте шляпку Эммы из виду. Если верить карте, мы почти добрались до дерева!

Определенно, нас учили ориентироваться на местности и читать карты в одном учебном заведении...

В проходе появились мои лучшие подруги, а следом прибилась еще десяток посиневших от холода, трясущихся людей, мечтающих выбраться обратно в жару. Некоторое время мы все дружно молчали.

– Ой, Мэри, а что вы здесь делаете? – спросила Харриет и кивнула: – Здравствуйте, господин Крейв.

Можно подумать, мы давно не виделись.

– Мы... кхм... придумываем план, как найти выход, – сочинила я на ходу, чувствуя себя, прямо сказать, по-дурацки.

– И как успехи? – Эмма глянула на нас над стеклышками запотелых от влажности очков, спущенных на самый кончик острого

носа.

– Неплохие. – Я толкнула Харви локтем под бок: – Скажи?

– Безусловно, – послушно подтвердил он. – Мы уже знаем, в какой стороне главные ворота.

Это он напрасно сболтнул, потому как на лицах измученных любителей бродилок вспыхнула жалобная надежда выбраться на свободу из зеленого колючего ада. Подозреваю, что лабиринт на острове Блэкрок будет приходить им в страшных кошмарах.

– Мэри у нас профессиональная колдунья, – пояснила кому-то Харриет. – Только она сейчас не при палочке, но точно очень хорошо ориентируется в кустах... в смысле, в картах. У нее высшее магическое образование. Представляете?

То есть, проблуждав по лабиринту добрые полчаса в большой компании друзей по несчастью и посинев губами, мать троих детей решила скрыть тот факт, что тоже училась в академии. Мудро.

Народ уважительно зашептался и теперь разглядывал кудрявую девицу в открытом платье если не с пиететом, то точно с любопытством.

– Идемте, господа, – предложил Харви, бесцеремонно схватил меня за запястье и куда-то решительно повел. Люди отхлынули, а потом бросились за нами, стараясь не отступать ни на шаг.

– Харви, все пропало! – забормотала я ему в спину.

– Что пропало? – оглянулся он.

– Абсолютно все! Мы карту забыли, – процедила я едва слышно. – Все три! Давай вернемся и хоть одну возьмем.

– Забудь. Карта еще никому не помогла. Надо ориентироваться по сторонам света.

– Да? – растерянно выдохнула я, вообще-то без компаса не понимая, в какую из этих сторон мы движемся.

Нет, нас, безусловно, учили, что север можно опознать по мху под деревом, но до дерева-то мы пока не добрались, и дай бог добраться к ночи. Иначе придется ориентироваться по звездам, а у меня с астрономией еще хуже, чем с артефакторикой.

Харви энергично шагал по зеленым коридорам, словно торопился поскорее выбраться и, не откладывая дело в долгий ящик, отправить в отставку секретаря. Складывалось впечатление, что он лично

проектировал лабиринт, знал дорогу наизусть и был способен найти выход с закрытыми глазами.

– Господин проводник, пощадите! Давайте помедленнее! – застонал кто-то из свиты.

– Божечки мои дорогие, шевелитесь, уважаемые! – подначила Харри. – Идем и согреваемся! Посмотрите на себя в зеркало, у всех губы от холода посинели.

К счастью, в лабиринте не было зеркал, а потому абсолютно всем оставалось верить ей на слово.

– У меня губы посинели от сердца! Сейчас остановится от натуги, – прокрякал бедолага.

К счастью, никаких трагедий не случилось. Через десять минут всем коллективом, не потеряв по дороге ни одного человека, мы вышли из главных ворот лабиринта, ужасно удивив процессией зрителя. Он едва не принял нас за заблудившуюся экскурсионную группу, пытающуюся найти парк драконов.

В жизни не подумала бы, как сильно обрадуюсь духоте!

– Мог бы и сказать, что знаешь правильный маршрут, – проворчала я, бросив на Харви недовольный взгляд.

– Не посмел лишить тебя удовольствия заблудиться.

Харви действительно отвез нас в бухту, на пляж с белым мелким песком и питейной с крышей из выжженных пальмовых ветвей, и решил удалиться под предлогом важных дел. Я поблагодарила его за прогулку, а в ответ услышала:

– Мариса, завтра... если нет других планов, то поужинаем вместе?

– В смысле, все вместе? – кивнула я на подружек. Эмма с Харриет стояли в сторонке, обмахивали лица костяными веерами и строили безразличный вид.

– Если хочешь взять подруг...

– Нет! Они прекрасно проведут время без меня.

Харви с трудом подавил улыбку.

– Завтра заеду в шесть. И еще кое-что.

– Что?

– Оставь волосы распущенными. – Он пропустил спутанный кудрявый локон, выбившийся из пучка, между пальцами, улыбнулся и спешно отбыл по этим своим важным делам, только под колесами экипажа поднималась горячая дорожная пыль.

Неужели торопился отправить Алисию в отставку? Не хотелось признаваться, но его желание избавиться от змееподобной девицы, подпортившей мне не одну пинту крови, прибавило ему не только очков, но очередной раз увеличило градус сексуальности.

– Я что подумала, Мэри... Отпуск скоро закончится, зачем тебе терять время и искать мускулистого красавчика, если он по утрам приносит в наш дом завтраки? – задала риторический вопрос Харриет, а я поймала себя на том, что продолжаю пялиться на дорогу, по которой уехал Харви, хотя даже пыль давно осела. – Ведь никто не застрахован от горячей курортной интрижки с бывшим.

Эмма многозначительно покашляла.

– Божечки мои дорогие! Никто, кроме Мими, – добавила она.

Бухта действительно была чудесной: песок мелкий, море бирюзово-голубое, чистейшее. Ни одного дракона в радиусе мили! Прелесть, а не место... Плавать, правда, все равно запретили. Из-за какого-то планктона, принесенного к пляжу теплым течением. Он светился в темноте особенным розоватым цветом и был занесен в проклятушую книгу исчезающих редких видов следующим пунктом после драконов. Отсутствие купания щедро восполнили мятные коктейли, а еще я заснула на солнце, пока подружки ходили за очередной порцией освежающих напитков...

Глава 6

Красота, стоящая жертв

Пока я заканчивала мастерить поисковый амулет для магической палочки, сам собой, без всякого колдовства, проявился дневной загар... И в шесть часов вечера я превратилась в красно-белую зебру.

Тело пересекали поперечные полосы, словно рядом с лежаком, на котором я расслабленно задремала, стоял кто-то, активно отбрасывающий тень. Скорее всего, столбы проигнорированного навеса. Зато на том месте, где поутру у меня еще было ухоженное лицо с опрятно выбеленными веснушками, вспыхнул красный сигнальный фонарь с носом, обветренными губами и очень несчастными голубыми глазами. Верхние веки тоже сгорели, а я почему-то всегда их считала невосприимчивыми к солнцу. Какое ужасное заблуждение!

Амулет не доделала. Силы воли не хватило, ведь очень сложно думать о том, в какую сторону мотать оплетку камня и приделывать магические перья, когда тело словно запекают на вертеле над открытым огнем. Чувствуя себя по-настоящему больной, я вышла к подругам, так сказать, поделиться бедой и озарить фонарем, в смысле, физиономией, зал.

Впечатлены оказались все. По-моему, даже диван.

– Тебе нужно сделать какую-нибудь маску, – со знанием дела посоветовала Эмма, словно каждый божий день сгорала на солнце и лечила ожоги. – Помидорную?

На мой взгляд, накладывать томатную маску на переспелый помидор, в который превратилось мое лицо, было как минимум кощунственным по отношению ко всем помидорам на острове Блэкрок. Ну и к моему лицу, само собой.

– Божечки мои дорогие, она тебе наговорит, Мэри! – проохала Харриет и зачем-то осторожно потрогала свой аккуратно позолоченный солнцем носик. – Когда у меня мальчики обгорели, я прикладывала им огурчики и мазала алоэ.

Только соком алоэ, в отличие от зонтов, шалей и посуды, она почему-то не запаслась. Огурцы у нас имелись исключительно в виде салата, но, честное слово, я не настолько отчаялась, чтобы

накладывать на физиономию пустившую сок кашицу с постным маслом и кунжутом.

– Может, тебя солью посыпать? – предложила очередную нелепую идею Эмма. – Я слышала, что если ожоги присыпать солью, то они пройдут.

– Боюсь, на меня солонки не хватит, – огрызнулась я, упала на диван, но чуть не застонала от боли.

– Мэри, мне тебя так жалко! – всплеснула руками Харриет. – Вы с Харви только-только выяснили недоразумение, а тут такая нелепость.

Нелепость с загаром – как бы странно ни звучало – бесила сильнее абсурдного недоразумения с расставанием. Я не понимала, как относиться к этой свалившейся на голову правде о перепутанных секретарем конвертах, ведь, если хорошо подумать, расставание с Харви Крейвом дало лично мне немало.

Я похудела на два размера, о чем мечтала со студенчества, но никогда не находила достаточно силы воли и выдержки. Честно призналась себе и миру, что ненавижу оперу и драматические постановки, люблю театр теней и на выходных спать до обеда, как все нормальные ленивцы, а не нестись бешеной лошастью на утреннюю пробежку, потому что так делал будущий муж. Откровенно говоря, я вообще терпеть не могла бегать. Зато любила ходить на высоких каблуках, плавно покачивая похудевшими бедрами. Для равновесия. Жаль, на службе шпильки были категорически противопоказаны.

– С другой стороны, ты можешь не переживать за свидание. Ты встречаешься с бывшим, а он уже видел тебя абсолютно разной.

Харриет продолжила вести успокоительные беседы, словно не догадываясь, что мне требовалась не моральная поддержка, а банка какого-нибудь охлаждающего снадобья. Да хоть бы ведро со льдом!

– Да-да, – совершенно серьезно согласилась Эмма. – Абсолютно, безнадежно разной. Сегодня синей от холода, завтра покрасневшей от солнца.

Если не знать, что таким странным образом она проявляла участие, можно легко решить, будто издевалась! Днем на пляже, когда между покупкой мятных безалкогольных коктейлей и сном я рассказала о нелепой ошибке секретаря, Эмма немедленно предложила приколдовать змеюке хвост с рогами. Мол, наверняка в суде все

проникнутся величиной моей личной трагедии и вряд ли отнимут магическую лицензию.

– Кстати, а у нас есть купоны на посещение клуба красоты, – вдруг выдала она трезвую мысль. – Уверена, там точно найдется баночка с пастой из алоэ...

Клуб красоты располагался в гостинном дворе, где проживал Харви. Пока мы шли к отдельно стоящему зданию, я чувствовала себя шпионом в глубоком вражеском тылу и нервно оглядывалась по сторонам. Если бы рядом кто-нибудь заговорил низким голосом, похожим на голос моего бывшего, наверное, я бы прыгнула в кусты и заставила туда же нырнуть подруг, лишь бы не сталкиваться с Крейвом нос к носу. Не в ту страшную минуту, когда я походила на индейку средней прожарки.

Встретили нас как родных, даже лучше. Девушка, похожая одновременно и на эльфа, и на нежную фею с розовыми волосами, указала на диванчики и попросила принести холодного мангового чая.

– Какое счастье, что на улице уже темно! – щебетала фея, поглядывая на меня с опаской, словно на поднятое три дня назад мертвые бабушки. – Никто не увидел вас в измученном образе.

Это взгляд у меня был измученный, а образ – просто огонь. Кожа горела страшно.

– Но, поверьте, нет ничего, что бы не исправлялось хорошей косметической пастой с увлажняющим эффектом! Всего через пару часов вы превратитесь в настоящих богинь!

– Кстати, коль вы заговорили о богинях... – стараясь не прижиматься спиной к дивану и вообще ни к чему не прижиматься, начала я. – Мы можем использовать купоны на программу «Стань богиней»?

– «Стань богиней»? – Она окинула меня задумчивым взглядом, особо остановившись на лице, и с сожалением покачала головой: – Я не была бы настолько амбициозна...

Ну, то есть поздно прикладывать к роже алоэ, когда кожа уже слезает лоскутами.

– Нам тоже не стоит питать амбиций? – без особых церемоний уточнила Эмма.

– А у вас, леди, имеются весьма неплохие шансы, – «обнадежила» она, погасила милую эльфийскую улыбку и так громко хлопнула в

ладоши, что на столике истерично заморгала лампа, а Харриет едва не подавилась мармеладкой. И пока она шустро пережевывала, в приемную друг за дружкой вышли девушки в розовых форменных одеждах.

Нас увели, как под конвоем, сначала переодеваться в тонкие тряпочки, заменившие исподнее, и в халаты, а потом – преобразаться. Кого-то в богинь, а кого-то в не питающего амбиций нормального человека, способного пережить ночь и не самовоспламениться.

– Как же ты, милочка, неосторожно? – охала надо мной среднего возраста колдунья. – Ничего-ничего, ты пришла по адресу!

Не знаю уж, что там с адресом, но пахнувшая травами паста мутно-болотного цвета, осторожными касаниями намазанная мне на лицо, действительно притушила жар. Физиономия перестала гореть. После этого меня проводили в зал с каменными глубокими ваннами, подозрительно напоминающими саркофаги без крышек. Резервуары были наполнены угольно-черной жижой.

– Уникальная вулканическая пыль, растворенная в чудодейственном эликсире, – пояснила знахарка, предлагая мне утопиться... в смысле, улечься в эту жижу.

Пахла уникальная животворящая грязь из вулкана Блэкрок, как самая обычная глинистая жижа с дороги в столичных предместьях. Запашок буквально навеивал мрачное воспоминание о том дождливом дне, когда у меня открылись глаза на прозу жизни и пришло осознание, что добрые дела нормальную колдунью до хорошего не доводят.

Надрываясь, я помогла с помощью магии вытащить застрывший служебный экипаж, провалилась в наполненную жижой канаву и провалялась неделю с простудой. И еще заплатила штраф за испорченный ведьмовской колпак, когда вернулась на службу.

– Ложись, – улыбнулась знахарка.

Я послушно полезла в ванну, успокаивая себя мыслью, что вряд ли в ней топталось больше ног, чем по глинистой дороге в предместьях Гранаха.

– Полчаса – и кожа будет нежнее, чем у младенца! – Она вытащила из чехла на поясе магическую палочку.

В отличие от магии обычной, для косметической и лекарской требовалась особенная палочка, сохраняющая изгибы и неровности той ветки, из которой была изготовлена. Без знахарского диплома

лицензию на использование такой палочки получить было попросту невозможно.

От светящегося острия артефакта по каше, сковывающей мое тело, пробежали искры. Началось бурление, на поверхности надувались пузыри и лопались, отправляя в разные стороны угольно-черные брызги. В общем, как будто меня усадили в котелок и начали варить.

– Постарайся не заснуть, милочка, – улыбнулась колдунья, оставляя меня один на один с кипящей ванной грязи.

Ну конечно же... не заснуть. Я бы с радостью, но зачем было произносить вслух проклятие, призывающее коматозный сон? Кажется, фея грязевых масок еще не вышла за дверь, а голова у меня уже запрокинулась на валик из полотенца, а веки сами собой закрылись.

От дремы я очнулась резко, вдруг почувствовав себя отлично отдохнувшей. С глубоким вздохом села, расправила плечи и вдруг услышала, как рядом кто-то поперхнулся воздухом. В соседней ванне засело нечто с зеленой рожей, утонувшее в черной грязи по самый кадык, тонко намекающий, что это «нечто» мужского пола.

– Мать моя женщина! – охнула я, почувствовав, что едва лицевые мускулы ожили, как подсохшая маска начала крошиться и отваливаться кусками, точно штукатурка от потолка.

Сосед ответил непечатным словом и зачем-то вскочил на ноги, словно собрался выбраться на свободу и кинуться куда глаза глядят. Бурлящая вязкая жижа тяжело выплеснулась, потекла густыми струйками по облицованной мрамором стенке резервуара.

– Тебе что не ложится, болезный?! – буркнула я, стараясь сильно не шевелить губами, чтобы не портить косметический эффект от травяной пасты. – Утони обратно!

Он снова вернул телеса в объятия вязкой жижи и недовольно буркнул:

– Ты что здесь делаешь?

– А на что похоже?

Расслаблялись мы в единодушном напряжении, хмуро разглядывая мозаичные рисунки из мелких разноцветных плиток на противоположной стене. Атмосфера с каждой секундой тишины, разбавленной бульканьем в каменном корыте, становилась тяжелее.

– Почему мне кажется, что мы уже где-то встречались? – проговорил зеленомордый и ответил: – Точно! В ночном кошмаре.

– Подожди, ты себя еще в зеркале не видел. Глянешь и до конца жизни начнешь сам себе сниться, – огрызнулась я, несмотря на угрозу заработать пару некрасивых морщинок.

И тут в дверях появилась знакомая невеста в розовом халате до пола. Вернее, уже счастливая супруга нашего похищенного жениха, чей галстук-бабочка до сих пор покоился на дне повозки. Уверена, надеть его еще раз он вряд ли захочет, даже если получит назад.

– Паскаль, детка, ты уже закончил? Массажист ждет...

Паскаль – это зеленая рожа? «Божечки мои дорогие!» – как сказала бы Харриет Руперт.

Точно шпион, попавший на болота в глубокий вражеский тыл, я опустилась в грязь до подбородка, постаралась не двигаться и слиться с интерьером. Вдруг к Паскалю уже вернулась память? Тогда он меня узнает – хотя сейчас меня не то что мама, даже Эмма не узнает – и решит вызвать стражей. Придется позвать Харви, случится неловкость, ведь обиженная жертва колдовского произвола его лучший друг, а я сегодня достаточно настрадалась.

Окончательно сродниться с содержимым каменного корыта мне не позволила знахарка. Она появилась мягкой поступью и с доброй улыбкой крестной феи испоганила всю маскировку:

– Милочка, уже пора вылезать из ванны.

– Так ты здесь не один, что ли? – воскликнула молодая супруга и посмотрела на меня таким взглядом, словно из нас двоих с Паскалем именно я поднималась в ванне в полный рост.

– Не только ваш супруг засыпает на солнце, но дамскую залу с мужской путает только он, – улыбнулась знахарка и с таким нервирующим звуком расправила непроницаемую занавеску, отделяя меня от молодоженов, что, уверена, сморщилась не только я. Из-за полога донеслось недовольное бормотание:

– Говорил же тебе, что на двери баба нарисована, а ты: плохое воображение, ничего не понимаешь в искусстве графики, – передразнил Паскаль жену.

– Зато ты не появился на репетиции свадьбы и не поехал на благословение к шаману! – огрызнулась та.

– Главное, что появился на свадьбе. Не находишь?

– Сгоревший, как сволочь! – горячо забормотала она с громкостью шепчущей Харриет. – Кто способен целый день спать под палящим солнцем?

– А что такого? Подумаешь, отдохнул на веранде перед семейной жизнью. Радуйся, что твой муж не страдает бессонницей!

Больше я ничего не услышала – вышла в банную.

Пахнущие лотосом с розой эликсиры, а главное, заклятья восстановления потушили адский пожар, кожу больше не жгло, краснота погасла. Как ни хвалила знахарка волшебные свойства вулканической пыли, как ни советовала приобрести пару баночек, чтобы дома, так сказать, обожествляться, ничего действеннее косметической магии для скорого излечения человечество еще не придумало.

Эмма с Харриет ждали на диванчиках, попивали чай и выглядели изрядно расслабленными. У обеих разругались щеки и блестели глаза. У Мими еще блестели очки. Чувствуется, обожествились они по полной программе, а осознание, что по купону программа еще и ничего не стоила, дарило чувство неконтролируемого, беспробудного, бесконечного счастья. Зато мне вернуть облик обычной девушки обошлось в ощутимую сумму. В общем, все богини как богини, а я так... больше не поджаренная индейка.

– Нам делали шоколадные обертывания, – мечтательно вздохнула Харриет. – А тебе?

– Чуть не утопили в грязи, – буркнула я и, присев на диванчик, заговорщическим тоном проговорила: – Мы встретились с Паскалем.

– Где?!

– Там же, в грязи.

Девчонки подались вперед. Эмма оглянулась через плечо, проверила остальных посетительниц клуба, рассеянных по креслам и диванам. На нас никто не обращал внимания. Дамы средних лет громогласно обсуждали статью о том, что над островом якобы видели летающую повозку.

– Он тебя узнал? – тихо проговорила она.

– Меня даже ты не узнала бы, – фыркнула я.

– Он вспомнил, что мы его похитили?

– Мы его не похищали! – в два голоса рявкнули мы с Харриет, и дамы на соседних диванчиках примолкли, окатив нас недовольными

взглядами. – Простите...

Эмма понизила голос:

– Ладно, просто мне любопытно, какого черта мы его похитили.

– Мы ему просто позволили прокатиться в крылатой повозке и выспаться на нашей веранде! – шепотом зашпорила я.

– Да! – кивнула Харри. – В ванне! Свободных кроватей же нет. Правда, Мэри?

– Верно! – решительно поддакнула я.

– Хорошо, но должна же быть причина, почему мы согласились его подбросить до нашей ванны? – рассудила Мими.

Причина наверняка имелась, и даже уверена, что в ту ночь она казалась нам необычайно весомой, но выяснять ее сейчас не возникало желания. Разобраться бы с тем бардаком, о котором мы уже знали.

Тут-то в зале появился предмет горячего обсуждения с супругой на локте. Лицо Паскаля выглядело гораздо лучше, чем после рокового дня, проведенного под солнцем, но все равно паршиво. Животворящая вулканическая пыль чуда не сотворила. С надменным видом новоявленный молодожен прошагал мимо, скользнув по нам непроницаемым взглядом. Можно было расслабиться, но тут громом среди ясного неба проговорила невеста:

– А я вас знаю!

Я только-только взяла чашечку с манговым чаем. Рука дрогнула, водянистый желтоватый напиток выплеснулся на блюде.

Оставалось вести себя как шпион на допросе: загадочно улыбаться и молчать, чтобы по голосу во мне не опознали страшилку из соседней ванны с грязью. Да и вообще не опознали.

– Вы подруга Харви! – дружелюбно продолжила она. – Не помните меня? Мы виделись в храме. Очень-очень жаль, что Харви уехал.

– Он же в Блэкроке, – пробубнила себе под нос, то есть довольно громко, Харриет.

– Неужели? – удивилась благоверная Паскаля. – Харви был занят так сильно, что даже на свадьбу приехал всего за день, и его вызвали по делам практически в самом начале торжества. Правда, дорогой?

Правда-правда. Сейчас вы лицезрите его дела в полном составе.

– Угу, – протянул «дорогой», разглядывая нас с настороженным подозрением. Видимо, тоже пытался понять, отчего наши сияющие

после косметических притирок лица казались ему знакомыми.

– Интересно, как ему удалось изменить планы? – протянула она.

Вопрос повис в воздухе. Обсуждать бывшего жениха казалось неуместным и неловким, хотя мысль, отчего он решил отодвинуть дела и остаться на острове, привела меня в больший трепет, чем угроза оказаться узанной украденным – ой! – доставленным к ванне женихом.

Молодожены наконец ушли. Мы выдохнули.

Господи, благослови мага, который придумал сонные заклятья, память стирающие.

– Аминь! – согласилась Эмма.

– В смысле? – не поняла я.

– Ты опять говорила вслух, – вздохнула Харри.

На следующее утро наступил ее звездный час: на тропическом острове Блэкрот напрочь испортилась погода! Стало холоднее, чем в Гранахе в день нашего отъезда, а теплым – уж поверьте – столичное лето называл бы только законченный оптимист, не выезжавший дальше городских предместий и пансионатов возле озера Сарайи. Желание выкупаться в море исчезло. Из Большого Руперта были торжественно извлечены все припасенные теплые вещи: шальки и плащ, шарфик в полоску и фетровая шляпка с узкими полями.

Я надела облегающие штаны, блузу с длинными рукавами и то самое коричневое пальто, отжатое (простите мой блэкротский) у гравировальщика. У Эммы пальто не было. Ей пришлось надеть клетчатый плед... в смысле, завернуться в него, как в кокон, и идти на поклон к предусмотрительной, но источающей злорадство матери троих детей. Пока они перебирали вещи в гигантском сундуке, я успела закончить поисковый амулет.

В вещах Харриет высокая, худая подруга выглядела отощавшей приютской сиротой. Брюки, подвязанные на талии ремешком, болтались и едва доставали до лодыжек. Вязаный джемпер на пуговицах, правда, был нормальным в длине, но висел, как на вешалке.

– Я вас почти ненавижу, – резюмировала Эмма, сощурившись на мое более чем приличное пальто.

Честное слово, я ни разу так удачно не падала в фонтан. Пожалуй, когда все страшные гравюры были собраны и спрятаны на дне

дорожного сундука, следовало признать, что суэта стоила неплохой теплой вещи.

Вместе мы вышли за порог. Остров накрыло одеяло из серых низких облаков, изменчивых, стремительных, скрывающих глубокую небесную лазурь и солнце. Гулял холодный ветер, словно прилетевший в Блэкрок из северных земель. Сильные порывы приносили соленый запах моря. Казалось, что ночь смешала яркие краски с беспросветно-черным колером, и остров потемнел.

– Приступим? – предложила я подругам и размяла плечи.

Поисковый амулет в моем исполнении напоминал волан для игры с ракетками. Кривой, с разновеликими перьями в хвосте. Зато он должен был хорошо летать. У меня вообще все хорошо летало, даже то, что обычно ездило по земле и катало детишек (я о повозке).

– Ты никогда не умела делать приличные амулеты, – без жалости оценила Эмма плод моих двухдневных потуг. – Он выглядит неопрятным.

– Мне палочку искать, а не на продажу выставлять, – отозвалась я.

Знаете, некоторые девушки обладают уникальными способностями к рукоделию. В их руках разноцветные лоскуты превращаются в милых детских кукол, а мотки разноцветной пряжи вырастают в симпатичные жилетки. Я к таким не отношусь.

– Ой, девочки, божечки мои дорогие, нашли из-за чего ссориться! Разве же главная красота? – всплеснула руками Харри. – Главное, чтобы магия исправно работала!

Я подбросила амулет. Не потрудившись зависнуть над землей хотя бы из вежливости, он описал в воздухе правильную дугу и рухнул на примятый газон. Из травы высунулись перья. Одно вылетело, второе оказалось сломанным, третье горделиво топорщилось вверх.

– Что-то не пробудился... – чувствуя себя, прямо сказать, подурачки, пробормотала я и спустилась со ступенек, затаптывать газон и забирать единственную надежду отыскать магическую палочку.

– Мэри, мы давно окончили академию, – завела любимую шарманку Мими, – уже можно сказать и не стесняться. Шесть лет прошло, никто тебя не осудит... Ты ведь заплатила за экзамен по артефакторике?

– Нет.

– Просто признай этот факт, и мы навсегда закроем тему.

– Да какая разница? – фыркнула я, поднимая помятый амулет. – Справедливо говоря, все амулеты у нас делают мастера, а лично мне артефакторика только один раз за шесть лет и пригодилась.

– Когда? – оживилась Харри.

– Да прямо сейчас!

Злосчастный амулет снова был подброшен в воздух. Теперь повыше, чтобы уж подольше падал. Он действительно камнем полетел вниз и вдруг на высоте моего плеча наконец-то завис. Магия в нем пробудилась.

– Ожил, девочки! – Харриет захлопала в ладоши. – Гляньте-гляньте! Он правда сейчас будет искать! Честное слово, мои мальчики пришли бы в восторг! Мэри, ты потом нам сделаешь такой же? Пусть лучше они бегают по парку за воланом, чем за белками, иначе нас зритель в следующий раз выгонит...

Обычно поисковые амулеты тихонечко скользили в воздухе и позволяли неспешно следовать к цели. Мы приготовились к долгому походу по бульварам и паркам города, а если поиск затянется, договорились взять летающие метлы. Но пока Харри тараторила, у моего поисковика случилось магическое затмение! Он сорвался с места и принялся беспорядочно метаться по двору. Туда-сюда, влево-вправо, вверх-вниз. Следить за мельканием было невозможно – голова начинала кружиться, а глаза слезиться. Полный хаос!

Волан врезался в куст и вылетел, сорвав с веток листья. Пропахал борозду в истерзанном газоне, перевернул табличку, по-прежнему безропотно и безнадежно запрещающую нам ступать на траву. Вмазался в дерево, выбив щепы, отскочил и понесся прямо на нас, заставляя с визгом брызнуть в разные стороны. Стекло разлетелось, окно ощерилось острыми осколками. На секунду амулет застрял между бамбуковых реек подвесной ставенки, но ловушка задержала его ненадолго. Волан ринулся дальше, в дом. Раздался звон разбитого стекла. Все стихло.

– Божечки мои дорогие... – прошептала Харриет, выражая коллективный «восторг» от погрома, и добавила: – Вашу ж мать.

– Зато теперь не придется таскаться по центру города, – с индифферентным видом заметила Эмма и поправила на носу очки.

Стоило признать, это был полный поисковый провал.

– Я не платила за экзамен, – резко проговорила я после ошарашенной паузы. – У меня денег не было, а родители дать отказались. Просто на экзамене порыдала перед профессором. Довольна теперь?

– Так и знала! – с торжеством в голосе воскликнула она.

В итоге амулет разбил два окна, сорвал занавеску и, пробив каменной вершиной глиняную стенку, застрял в большом горшке, стоящем в углу веранды, за деревянной лоханью. Пока я со вздохом пыталась вытащить истрепанный волан из ловушки, за спиной заплескалась вода. На поверхность пруда, взбудоражив лотосы, вынырнул клыкастый сосед и принялся с подозрением наблюдать, какого черта перед его носом топчутся.

Растение в горшке росло ветвистое и чем-то напоминало помидорный куст с алыми бутонами. От приближения тепла венчики сами собой раскрылись. В лицо пахнуло сладковатым запахом тлена, я даже отпрянула. Мигом стало ясно, отчего горшок перенесли из гостиной на воздух и задвинули в самый дальний угол веранды. От зловонного аромата дом спасало лишь то, что двери на веранду были закрыты на тот случай, если соседка решит переползти из прудика в пустую ванну и обсохнуть на солнышке...

Внезапно перед мысленным взором промелькнуло смутное воспоминание об этом самом горшке, наполненном сухой землей, в которой давным-давно ничего не росло.

– Да быть не может...

Я недоверчиво присмотрелась к кустику. Веточки тянулись в разные стороны от прямого тонкого ствола. Лакированного, полированного, с печатью королевской магической лавки.

– Черт возьми, палочка нашлась!

От крика, огласившего всю округу, дракон ушел под воду. Не иначе как потерял сознание. Подружки вывалились на веранду. Вернее, выскочила только Эмма, а Харриет предпочла высунуться из дверей только на верхнюю половину.

– Моя палочка пустила корни! – указала я пальцем в странное растение. – Проклятие, я ее искала по всему городу, а она цвела и пахла на нашей веранде!

– Да она не пахнет, а смердит. – Сморщившись, Эмма зажала нос.

– Зачем ты ее посадила? – спросила Харриет.

– Откуда я знаю? Может, не хотела уронить в пруд, – предположила я. – И знаете что?

– А? – уточнила она.

– Мне говорили, что палочка сделана из золотой ели! Сказали, что за такую палочку не грех заплатить! – возмущалась я, осознавая, как меня чудовищно накололи в королевской магической лавке, когда в прошлом году во время работы обуглилась старая палочка. – Не пойму, где ель?! Что из нее выросло?! И почему оно так ужасно пахнет?

Палочку я вытягивала, как репку, утвердив ногу на краю тяжелого горшка. Вытащить с первого раза не удалось, только листья с цветами ободрала. Наконец она вылезла, обнаружив не тонкие несмелые корешки, а натуральные корни, длинные и сильные, как у неприхотливого одуванчика. Благородные растения, знаете ли, не цепляются за почву так, словно знают, что через неделю будут безжалостно выкорчеваны. Мне продали палочку из какого-то подзаборного куста без роду и племени, а денег взяли как за аристократическую ель, выращенную в королевском питомнике.

Да обалдеть!

С разлапистым кустом в руках, в гробовом молчании я мрачно пересекла гостиную и закрылась на крошечной кухне. Ветки и корни отпиливала ножом для хлеба. Почти вместе с пальцами. Кое-где пришлось подчистить, кое-где подрезать. В итоге у меня в руках была кривоватая палка-копалка с потемневшим острием. Купленная – черт возьми! – в рассрочку.

Я потрясла раскуроченный артефакт, чтобы он пробудился. Надежда издыхала в корчах, но острие затеплилось серебристым огоньком. Разгоралась магия неохотно и наконец вспыхнула ярким светом. А потом в разные стороны с треском посыпались искры, словно палочка взбрыкнула и пыталась доказать, что она гордое неопознанное дерево, а не какой-то там паршивый артефакт.

– Сожгу, – сквозь зубы пригрозила я, глядя на плюющий в разные стороны кончик бывшей соратницы.

Соратница, словно бы понимая человеческую речь, истерить прекратила, выплонула остатки искр и загорелась ровным, ясным светом.

– Пробудилась? – заглянув в кухню, шепотом спросила Харриет, как если бы мы находились в лекарской палате, где больному под

летаргическим сном отрубали лишние ноги и руки.

– Сейчас проверим.

С мрачным видом я решительно пошла к окну.

– Божечки-божечки, а может, не надо? – заволновалась подруга, следуя за мной по пятам. – Оставь уж как есть. Сейчас Броди позовем, он стекольщика пригласит...

Под действием заклятья осколки подлетели с пола, завертелись в воздухе и по очереди встали мозаичными кусочками в разбитое стекло. По трещинам пробежала искра, и неровные полосы окрасились черным цветом, словно очерченные чернильным пером. Вышел вполне себе симпатичный витраж. Неожиданно, конечно, но что еще ждать от магической палочки, возомнившей себя кустом?

– Ну... – Я отошла на шаг, обозревая творение рук своих. – Могло быть и хуже.

До вечера палочка три раза пыталась выпустить несмелые ростки, безжалостно срезанные ножом, и еще разок зацвела красным цветком, перепортив в доме воздух так, что пришлось проветривать комнаты. Потом она смирилась с участием рабочего артефакта и перестала дурить.

Стрелки часов, благополучно заряженных возвращенной магической палочкой, неумолимо склонились к шести вечера. Медленно и неохотно от острова отступал холод. В серой дымной шапке, накрывающей тропический остров, появлялись прорехи, и через них виднелись лоскуты голубого неба.

Подруги уехали за сувенирами на торговую улочку, а я без спешки и особенного старания начала собираться на свидание с Харви. Всего-то за два часа до самого свидания. Открытое вечернее платье небесно-голубого цвета, то самое, купленное для мотивации диеты «ешь меньше», из дорожного сундука я вытащила исключительно потому, что представился хороший случай его выгулять. Зря, что ли, упаковывала? Как и туфли на умопомрачительной шпильке.

Руки дрожали от раздражения, а не от волнения. Кто вообще будет нервничать перед банальным ужином с бывшим? Точно не я! Подумаешь, только чудом не вошла лбом в косяк, когда торопилась открыть входную дверь.

Под черепичным козырьком стояли вернувшиеся из города Эмма с Харриет, нагруженные бумажными пакетами из торговых лавок.

– А, это вы... – Даже тугоухий услышал бы в моем голосе разочарование.

– Ты замерзнешь, – категорично объявила Мими, входя в дом.

– Красота требует жертв.

– Может, шальку накинешь? – сердобольно предложила Харри и вынесла из комнаты черный платок с бахромой и алыми цветами, похожими на те, что еще поутру украшали мою магическую палочку.

– Лучше мерзнуть.

– Божечки мои дорогие, да посмотри, какая она тепленькая!

Пока мы спорили в лучших традициях умудренной опытом матери и безмозглой дочери, желающей отморозить себе филей в тонком платье, на деревянных ступеньках прозвучали шаги. Я открыла, прежде чем Харви постучался.

Он был причесан волос к волоску, гладко выбрит и одет с иголочки: в дорогой костюм-тройку и белую рубашку с небрежно расстегнутой верхней пуговицей. При виде моего откровенного платья в его глазах вспыхнул огонек.

– Харви! – дружелюбно улыбнулась я, пусть не думает, что кто-то здесь нервничает.

– Мариса, – кивнул он, не сводя с меня пронзительного взгляда. – Ты выглядишь потрясающе.

– Позволь прояснить.

– Давай. – С трудом подавив улыбку, он спрятал руку в карман брюк с отутюженными острыми стрелками.

– Я не ждала тебя под дверью, мы просто под дверью разговаривали.

– Конечно.

– Добрый вечер, господин Крейв! – Харриет без церемоний сдвинула меня в дверном проеме, заставив прижаться к стене. – Позвольте на минуточку задержать Мэри.

Я была категорически против и не хотела задерживаться в нашем женском дурдоме, но дверь уже хлопнула буквально перед носом терпеливого гостя.

– Мариса Крафт, послушай доброго совета женщины с опытом и тремя детьми! – горячо зашептала Харри. – Не смей оставаться у него на ночь! У вас только первое свидание.

– Вообще-то она собиралась за него замуж, – справедливо заметила Эмма, следившая за цирком... собственно, как за цирком, то есть с долей иронии, любопытства и попеременного желания то закатить глаза, то закопать голову в песочный манеж.

– Божечки мои дорогие! Это было давно! – фыркнула Харриет, не беспокоясь о том, что стены в доме были чуть толще фанерного листа.

– Харри! – перебила я, страшно жалея, что не запаслась лакричными пастилками, способными заставить лучшую подругу надолго замолчать.

– Чего?

– Я ухожу.

Сад утопал в глубоких сумерках, готовых перерасти в беспросветную темноту. Под козырьком загорелся фонарик. Из дома доносились звуки неясной возни. Харви протянул руку, чтобы помочь мне спуститься со ступенек, а я отчаянно старалась игнорировать тот факт, что подруги дрались за место рядом с окном.

Неожиданно раздался грохот, ругательство, и мы оба обернулись. Эмма с Харриет содрали с отремонтированного заплатами окна реечные ставенки, а теперь по-дурацки улыбались, осознавая, что даже из Рупертов-младших вышли бы шпионы разумнее.

– Ты все слышал? – спросила я у Харви, вкладывая в его раскрытую ладонь холодные пальцы, и осторожно спустилась вниз.

– Да, – не стал он юлить.

– В таком случае давай договоримся.

Он выгнул бровь, изображая вежливый интерес.

– Никаких поцелуев и всяких там тисканий. Это будет самое непорочное свидание в нашей жизни!

– Мариса... – На его лице расцвела ленивая улыбка. – Я просто хотел провести время в приятной компании красивой девушки, но мне импонирует направление твоих мыслей.

Это надо уметь так ловко вывернуть слова, что даже мне показалось, будто я сделала ему непристойное предложение!

– Оно не нравится мне, – проворчала себе под нос.

Экипаж ехал мягко, неторопливо. За окном мелькали огни и улицы.

– Куда мы собрались? – спросила я о планах.

– В театр Блэкрока два дня назад привезли королевскую оперу. В северных землях еще не было гастролей. Говорят, что постановка неплохая.

Стоило догадаться, что страстный поклонник оперы попытается затащить меня в театральную ложу. И не для того, чтобы задорно потискать в темноте зрительного зала. Никакого физического наслаждения, исключительно душевное. Культурное и благочинное! Наверняка и билеты достал на балкон над самой сценой, где артисты легко заметят, как леди прикрывает веером зевающий рот.

Черт, я забыла веер!

Ну что же, Харви... Мы знакомы много лет, у нас за спиной прошлое: глупое расставание, сожженная в камине фата и побег от паркового зрителя. Уверена, ты сумеешь пережить страшную правду!

– Я ненавижу оперу.

В салоне повисло молчание. Мы смотрели друг на друга через темноту, раскрашенную уличными огнями. Он едва заметно улыбался. Взгляд был прикован к моему лицу.

– С каких пор? – В тихом голосе звучало любопытство и никакой иронии.

– Всегда ненавидела, – призналась я, осторожно расправляя юбку.

С интересом ждала ответа, но он просто резюмировал:

– Похоже, у нас появилось три часа свободного времени. Чем займемся?

Наверное, билеты были дорогие, как все у Харви Крейва. Теперь они пропадут. И я понятия не имела, почему эта мысль оказалась настолько приятной.

– А просто поесть мы не можем? Без зрелищ. Я голодная.

Он едва слышно усмехнулся.

– Что? – спросила с вызовом, ожидая какую-нибудь несуразную шутку в его стиле или саркастичное замечание тоже в его стиле.

– И я голодный.

Дать указания кучеру было недолго. И вот карета уже выезжала за пределы оживленного курортного города. Позади остались известные гостиные дворы, простые гостевые дома, шумная торговая улица, словно очнувшаяся с наступлением вечера. Мы минули богатые виллы, стоящие на побережье в отдалении от людных поселков, и начали

подниматься на гору Блэкрок. Темнота обступала, и единственным источником света служил тусклый фонарь на крыше кареты.

Ресторация, куда меня привез Харви, гнездилась на горном уступе и нависала над краем обрыва. Высокими стрельчатыми окнами она смотрела на долину, походившую на клоч черного неба с рассыпанными по нему огнями-звездами.

– Любимая ресторация его величества, – пояснил Крейв. – Здесь подают лучший на побережье острый суп с морепродуктами. Или морепродукты ты тоже всегда ненавидела?

До разрыва мы часто встречались в маленькой едальной, где повар феноменально готовил острый суп с мидиями, крошечными помидорами, кокосовым молоком и листьями лимонграсса. И при одной мысли об этом кушанье я была готова изменить диете «ешь меньше».

– Нет.

– Отлично, потому что мне пришлось воспользоваться положением и заказать столик через королевскую канцелярию.

– Ты был в Гранахе? – удивилась я. – Когда вернулся?

– Два часа назад. – Он словно бы задумался. – Может, полтора.

Сердце вдруг екнуло, и я чуть сильнее сжала протянутую руку Харви, когда выходила из кареты.

Черт тебя подери, Мариса Крафт! Осторожнее! В прошлый раз все так и начиналось. Сначала обалдевшее сердце екало, замирало, спотыкалось и вообще вело себя, как у припадочной. А в один прекрасный день ты вдруг неловко моргнула и поняла, что по уши влюблена в сексапильного судебного заступника.

Короче, больше не моргать!

Если в «Морском коньке» при взгляде на цены я покрылась мурашками, то в любимой ресторации его величества пугать гостей не посмели. Стоимость блюд оставалась тайной, которую, вишенкой на торте, открывали только в окончательном счете. Но, как выяснилось чуть позже, готовили в ресторации божественно. Особенно мне понравилось, что размер порций не противоречил диете «ешь меньше».

Харви, по всей видимости, придерживался принципа «больше – лучше». Казалось, он не заказывал блюда вежливому подавальщику, а просто перечитывал меню и остановился, только чтобы узнать, какое

вино ему посоветуют к стейку из акулы. Я следила за ним и думала, что надо бы спрятаться под стол, когда у него от переедания сорвет с пояса пуговицу и она со свистом полетит по воздуху.

– Что-то еще? – улыбнулся подавальщик, когда перечисление закончилось. – Десерт для дамы?

– Профитроли? – Харви поднял взгляд от меню. – Или их ты тоже ненавидишь?

Господи, как же его, оказывается, задела правда об опере!

– Профитроли я по-прежнему люблю, – сдерживать ехидную улыбку удавалось с трудом, – но теперь предпочитаю любить на расстоянии.

– Я заметил, – сдержанно согласился он, закрывая папку.

В обеденной зале, утопленной в полумрак, действительно не было ни одного свободного места. На круглом столике горела старомодная лампа не с магическим амулетом, а с толстой свечой. Неровный свет преломлялся в гранях хрустальных бокалов, рисовал на белой скатерти живые изменчивые тени. За окном открывался волшебный вид на город с высоты птичьего полета.

Вообще по правилам приличий нужно было поддерживать светскую беседу за столом, но я весь день провозилась с магической палочкой, а Харви... тоже занимался какими-то судебнo-заступническими делами.

Заговорили мы, лишь утолив голод. В унисон.

– Хотел поговорить...

– Разговор есть!

Изящным жестом Харви качнул бокалом:

– Ты первая.

– Я решила подать в суд на королевскую магическую мастерскую! – твердо заявила я.

Лучший судебный заступник северных земель подавился вином и поспешно вытер рот салфеткой.

– Ты это серьезно?

– Абсолютно! Сегодня я обнаружила, куда убрала магическую палочку.

– Куда? – Харви выглядел искренне заинтересованным, но глаза ехидно блестели. Уверена, мысленно он уже придумал десяток дурацких, нескладных шуток.

– В цветочный горшок.

– Наверное, спрашивать, почему ты не убрала ее в сумочку или дорожный сундук, – лишнее?

– Верно, – согласилась я, сама задаваясь этим логичным вопросом. – Так вот, в горшке она пустила корни и превратилась в цветущий куст.

Харви снова подавился вином и больше не пытался сдерживать издевательский смех, хотя бы из сочувствия к расстроенной колдунье.

– Проблема в том, что я покупала палочку из золотой ели.

– И?

– Господи, Харви, ты в школе не учил ботанику? Не знаешь, чем листовые деревья отличаются от хвойных? Елки не цветут. Никогда, ни при каких обстоятельствах вообще! – с искренним возмущением объяснила я. – Если бы я хотела рабочий артефакт из недосирени, то не стала бы платить втридорога! Взяла рассрочку, но посмотри, что в итоге...

Я сердито залезла в клатч из лакированной кожи, купленный специально под размер злосчастной магической палочки «чуть длиннее среднего размера, чтобы удобнее лежала в руке».

– Мариса, ты не оставила палочку дома? – как будто чуточку напрягся Харви.

– А ты боишься меня с магической палочкой в руках? – по-настоящему заинтересовалась я.

– Нет, я опасаясь момента, когда ты решаешь, что пора колдовать. Раньше это заканчивалось плачевно.

– Харви... – Я поняла, что два раза моргнула от возмущения. – Не знаю, мне нужно обидеться или пропустить мимо ушей?

– Да брось, Мариса. Кто обижается на правду?

– Где ты здесь нашел правду?! Я превосходно колдую! Даже лучше, чем раньше. Чтобы ты знал, после отпуска мне обещали повышение до старшего мага отдела!

– У тебя сменилось руководство? – спросил он, одной фразой намекнув, что рассчитывать на повышение я могу лишь при смене начальства, еще не знающего обо всех талантах чрезвычайно талантливой ведьмы.

– Вот теперь я не просто обижена, а натурально оскорблена, Харви Крейв! Ты хочешь доказательств? – презрительно фыркнула я. –

Урони бокал.

– Не стоит.

– Ладно, я сама его уроню, – перебила я.

От легкого касания бокал упал на пол и рассыпался осколками. В тихом обеденном зале на громкий звон не оглянулся разве что живой портрет его величества, со стены торжественно взирающий на посетителей ресторации. К нашему столику бросился подавальщик, но я уже держала в руках магическую палочку.

Острие вспыхнуло, осколки поднялись над полом, вынуждая работника притормозить. Завертелось в воздухе стеклянное крошево, сливаясь в единую форму. И вот уже в проходе висел полностью восстановленный бокал. Квадратной формы.

С непроницаемым видом Харви взял его в руки, пристроил на стол и кивнул оторопевшему подавальщику:

– Включите, пожалуйста, в счет.

– Понимаешь, почему я хочу подать на них в суд? – тихо спросила я. – Их палочка вообще перестала слушаться.

– Мариса, она у тебя пустила корни и зацвела, – тихо напомнил Харви, наклоняясь к столу. – Прими совет своего очень неплохого судебного заступника: просто купи новую магическую палочку.

Фыркнув, я отвернулась к окну. Сосредоточилась на отражении собственного лица в ореоле светлых кудрей. Невольно взгляд переместился дальше, к размытому, чуточку искаженному профилю Харви. Он пристально рассматривал меня.

– О чем ты хотел поговорить? – спросила я.

– Вряд ли ты сейчас захочешь слушать, – хмыкнул он, разжигая во мне любопытство.

Я была на крючке и почти забыла о том, что меня практически назвали посредственной колдуньей, но он принялся рассказывать об экскурсии в селение аборигенов. Готова отдать руку на отсечение, заговаривал зубы.

Пока Харви расплачивался, я вышла на балкон. Тусклые стеклянные фонари, стоящие на широких каменных перилах, не справлялись с темнотой. Света практически не было, ничто не отвлекало от вида ночного города внизу. Разве что на высоте хозяйничал холодный ветер и заставлял зябко ежиться.

Шагов Крейва я не услышала, но на обнаженные плечи лег теплый пиджак, пахнувший терпким благовонием. Я вздрогнула от неожиданности и быстро обернулась. Харви, оставшись в жилете, засунул руки в карманы брюк. Пока я смотрела в ночную темноту долины, он смотрел на меня.

– Умру от любопытства, если ты не скажешь, о чем хотел поговорить.

Он выдержал паузу, прежде чем обрушить:

– Попробуем начать заново?

В ответ я моргнула.

Вот проклятие! Решила ведь не моргать!

Глава 7

Цветы жизни

На высоте горы Блэкрот гулял холодный ветер. Дымные облака, летящие по черному небу, казалось, носились на расстоянии вытянутой руки. По всем правилам физики и здравого смысла я должна была замерзнуть, но вдруг почувствовала, что начинаю гореть. Вспыхнули щеки, уши и где-то в груди, в районе сердца.

– Ты говоришь о курортном романе? – Голос сел.

– Кхм...

Харви сжал мои накрытые пиджаком плечи, нагнулся, чтобы сравнять рост, и заглянул в глаза.

– Послушай, Мариса. Понимаю, что я несколько опоздал с вопросом, но в Гранахе... у тебя кто-то есть?

– Не в этом дело.

– Что значит: не в этом дело? А в чем же?

– Все должно происходить естественно, понимаешь? Ты отсуживаешь у королевской мастерской кругленькую сумму, а я вновь начинаю превращать твою жизнь в хаос.

Он помолчал, видимо, мысленно оценивая объем хлопот, и проговорил:

– Пожалуй, просто подарю тебе новую магическую палочку.

Время было не позднее, но на обратной дороге меня сморил сон. Глаза я открыла лишь в тот момент, когда движение прекратилось. Осознать сразу, где нахожусь, не удалось. Было тепло и пахло терпким мужским ароматом. Я уютно прижималась к Харви, а он по-хозяйски поглаживал меня теплой ладонью по обнаженной спине, беззастенчиво забравшись рукой под пиджак.

– Что ты делаешь? – Я подняла голову, чтобы посмотреть ему в лицо.

– Позволяю себе вольности.

К его губам я потянулась первой, напрочь забыв, что сама предложила целомудренное свидание без приятных глупостей. Секундой позже, укрытые темнотой, забыв про внешний мир, мы самозабвенно целовались. Вначале осторожно, пробуя, вспоминая

очертания рта, вкрадчивые движения языка, а потом разом забыли про растерянность. Целоваться с Харви было лучше, чем мне помнилось.

Не прерываясь ни на мгновение, я устроилась у него на коленях. Пиджак соскользнул на пол. Тонкие лямки откровенного платья сами собой скатывались с плеч. Харви запутал пальцы в моих кудрях, заставил запрокинуть голову. Горячий приоткрытый рот прижался к моему подбородку, соскользнул по горлу, опустился ниже – к ключице, дотронулся до плеча. В груди совсем не осталось воздуха, и, словно со стороны, я услышала собственный чувственный стон.

Бывший возлюбленный делал меня абсолютно безумной.

– Я вдруг подумала, что погорячилась... – задыхаясь и принимая поцелуи, хрипло зашептала я. – К черту естественность!

– Согласен, – пробормотал он, нежно проводя губами по горячей чувствительной коже. – Просто пропусти прелюдию, Мэри, и начинай превращать мою жизнь в хаос. Мне этого чертовски не хватало.

Понятия не имею, как мы нашли силы оторваться друг от друга и выйти из кареты. Правда, через минуту я уже прижималась спиной к входной двери и целовала мужчину, в которого влюбилась один раз и грозилась влюбиться заново. Сговорившись встретиться утром, мы еще разок со вкусом попрощались.

Уверена, что в гробовой тишине, царившей в гостевом доме, наши шепотки, смешки и возня были прекрасно слышны, но подружки даже бровью не повели, когда я вошла в дом. Они спокойно читали, сидя на широком диване и поставив между собой коробку с шоколадом.

В углублении на огненных камнях играли и скользили легкие язычки пламени. На потолке танцевали изысканные тени. И пусть магический огонь загорался без поленьев, воздух все равно приятно пах камином.

– Как прошло свидание? – спросила Эмма, подняв взгляд от книги.

– Божечки мои дорогие, Мими, – хмыкнула Харриет, сунув за щеку шоколадный шарик. – Сама не видишь, что свидание прошло отлично?

На следующее утро погода на острове Блэкрок вновь продемонстрировала изменчивый нрав. От ненастья не осталось следа. В окно светило солнце, в комнатах стремительно нагревался воздух, и я пробудила охлаждающие амулеты. Теперь по-человечески, в смысле,

по-колдовски: красиво взмахнув чуточку изуродованной магической палочкой.

К слову, у артефакта обнаружилась удивительная способность: щепки, отхваченные кухонным ножом в приступе раздражения, за ночь заросли. Палочка покрылась древесными заплатками, и я с беспокойством ждала, не начнет ли она обрастать корой.

Наконец раздался долгожданный стук. Я бросилась открывать. Едва не сбила на подлете к порогу Харриет, задела плечом фанерную бабу, та уткнулась физиономией в стену. С чарующей улыбкой открыла дверь и сладко пропела:

– Привет...

На пороге стоял взопревший Броди и обмахивал лицо утренней газетой. Низкие чувственные ноты в моем голосе заставили его застыть, как примороженного. На худой шее дернулся кадык, взгляд замер на вырезе сарафана. Самодельное опахало остановилось на полдороге к физиономии.

На смятом газетном листе была напечатана нечеткая гравюра нашей разнесчастной повозки. Облепленная чайками, она беспрестанно махала огромными крыльями и, выставив оглобли, куда-то целенаправленно летела.

– Доброе утречко, госпожа Мариса, – осторожным шепотом отозвался гид.

– Что это у тебя? – Я выдрала газету из его пальцев и посмотрела колонку с названием «Неопознанный летающий объект опознан!» – Разносишь туристам почту?

– А? – Он наконец тряхнул головой, словно пытаюсь вернуть ясность мыслям. – У вас сегодня экскурсия.

Я хмуро проследила за его рукой, указующей в сторону туристического вагончика с извозчиком и лошадкой на дороге возле «Ваенды».

– Какая еще экскурсия? – вынырнула из-за моего плеча Харриет.

– В высокогорный храм, – охотно подсказал Броди.

Он без запинки, демонстрируя прекрасную дикцию, произнес название древнего дворцового комплекса, которое в путеводителе я сумела прочесть только с третьего раза, пропустив половину согласных.

– Уже все оплачено! – добавил он. – Обед и ужин тоже включены.

Подруги собрались за пять минут.

Туристический вагончик увез их карабкаться по горам и ловить новые впечатления на старых развалинах, а напротив дома вновь остановился экипаж. Теперь-то из салона выбрался тот, кого я ждала, в уже знакомых лимонных штанах.

Тогда-то меня только посещали смутные подозрения, но сейчас скажу с полной уверенностью: желтые портки – дурной знак. Примите добрый совет: если заметите на улице, прячьтесь!

Привалившись плечом к дверному косяку, я наблюдала за Харви. Он приближался уверенной поступью. Откинул упавшую на лоб прядь волос, вкрадчиво улыбнулся. Сердце заходило в груди сумасшедшим стуком. Кажется, мы с этим глупым сердцем были опять готовы влюбиться в бывшего жениха. В этот раз уже не моргая.

Харви поднялся по ступенькам и остановился в полушаге:

– Доброе утро.

Наплевав на приличия, я поднялась на цыпочки и прижалась губами к его губам. Сориентировался он мгновенно, даже не стал изображать, будто удивлен горячим приемом. Сжал большими ладонями мою талию и уверенно подтолкнул внутрь дома, стараясь скрыться от чужих глаз.

Едва дверь захлопнулась, а ветряные трубочки последний раз истерично звякнули, язык Харви скользнул в мой приоткрытый рот. Единственным свидетелем нашего страстного приветствия оказалась фанерная баба, прости господи, но она все равно подмигивала в стену и никого не смущала...

– Дорогая!

Какого, простите, черта?! С трудом возвращаясь в реальность, мы с Харви замерли и обменялись недоуменными взглядами, искренне изумленные такой прозаичной вещью, как лишний мужской голос в доме.

– Ты здесь, Харриет? – громко позвали мать троих детей. – Мальчики, шустрее переходите, пока мама не слышит!

Мальчики?! Мы с Харви отпрянули друг от друга, скорее всего, со стороны напоминая ужасно неуклюжих школьников. Вытирая горячие влажные губы тыльной стороной запястья, я обернулась и не поверила собственным глазам! На стене зияла большая овальная дыра порталного перехода. По краям клубился дым, а внутри, словно в

конце длинного-длинного тоннеля с искривленными стеклянными стенами, виднелась семейная гостиная дом Рупертов. Откуда-то издалека, видимо, из-за прикрытой двери в холл, доносился приглушенный собачий лай.

Перед дырой шеренгой стояли трое мальчишек, одетых в одинаковые синие шорты и тельняшки. Дэйви, Тэрри, Пэрри. Старший, худенький и курносый, держал под мышкой большую книгу. Близнецы со спущенными гольфами (у одного левый, у другого правый) прижимали к груди по полосатому мячу. Отец семейства втаскивал в наш гостевой дом огромный дорожный сундук. Багаж, конечно, был меньше Великого Руперта, но тоже обладал грандиозными размерами и по праву заслуживал звания Руперта Большого.

– О, Мариса, доброе утро! – бодрячком поздоровался отец семейства и грохнул сундук на мраморный пол. – Господин Крейв, необычайно рад вас видеть. Простите, не предлагаю руку, очень тороплюсь.

– Эдди, что происходит? – чувствуя себя самой глупой и непонятливой в комнате, спросила я.

– А где Харриет? – спросил он, ловко расправившись с вещами. Когда Эдварду надо было, он вообще становился ловким и легким на подъем.

– Уехала на экскурсию.

– Мариса, у меня тут случились большие проблемы. Мама сказала, что очень устала, и вчера днем нас кинула... в смысле, покинула.

– Что с ней случилось? – опешила я, практически проводив свекровь Харриет в последний путь.

– Вернулась домой.

Другими словами, поминки отменялись. Перед мысленным взором проплыло воспоминание о том, как мы стояли на вокзале Гранаха, готовые переместиться в тропический рай. Харриет с нежной улыбкой махала рукой детям и мужу.

– Божечки мои дорогие, – вздохнула она, – поверить не могу, что эта скотина наконец узнает, что именно я делаю с тремя детьми, пока он целый день протирает штаны в своей конторе.

– Разве его мама не приехала? – удивилась я.

– Приехала. – Медовая улыбка Харриет стала слаще. – Привезла с собой ящик свежего шпината и сказала, что будет приучать детей к здоровой пище. В жизни бы не подумала, что можно одним выстрелом убить двух зайцев...

Судя по всему, дети приучаться к здоровой пище не пожелали, и зайцы с дикими криками в панике разбежались по кустам.

– Я воспользовался служебным положением и взял в конторе займы порталный амулет. В общем, это не очень законно, если кто-нибудь узнает, то меня непременно выпрут со службы, но что не сделаешь ради семьи. Правда?

– А? – только и смогла выдать я.

– Я честно не хотел беспокоить Харриет, – быстро говорил Эдди, – но у меня случилась срочная служебная поездка, а найти няню не удастся. Харриет написала, что скучает и мечтает, чтобы ее цветочки оказались в Блэкроке. Говорила, что в морском воздухе они расцветут в полную силу. Она в принципе много писала о клумбах... И что знает абсолютно бесплатный способ доставить детей обратно.

Упомянув абсолютно бесплатный способ, он же не имеет в виду Великого Руперта, подпирающего стену в спальне хозяйки?!

– Эдди, ты о каком письме говоришь?

– Которое Харриет прислала, – пояснил он и вытащил из кармана пиджака сложенный вчетверо конверт. – Честное слово, она так трогательно написала, что матушка прослезилась и сказала, раз уж Харриет так переживает без мальчиков, то чего бы мальчиков не подкинуть... в смысле, не переместить на остров. Ведь проживание уже оплачено.

Я держала смятый конверт с эмблемой почты Блэкрока и печатью магической пересылки. На нем кривыми строчками, в которых все же угадывалась нетвердая рука Харриет, был написан обратный адрес и трогательное «моим любимым от мамы и супруги».

– Эдди, постой! – крикнула я, вдруг осознавая, что он уходит, а дети действительно остаются. – Ты с ума сошел?! А если бы в доме никого не было?

– О, я бы подождал, но, видишь, повезло. – Он отсалютовал рукой: – Мальчики, слушайте Мэри! До свидания, господин Крейв.

С тихим шипением портал съезжился, скрывая Эдварда Руперта, в прошлом году на службе выигравшего премию «самый ответственный

служащий года». На светлой аккуратной стене остался овал, повторяющий контуры захлопнутой пространственной дыры.

– Что это было? – Я в растерянности посмотрела на записку в своих руках, потом на мальчиков и дорожный сундук.

– Вам по почте прислали трех парней, – прокомментировал Харви.

– Я заметила.

Пятилетнего Дэйва определить было несложно по росту, а четырехлетние близнецы Парис и Таэр казались неотличимы. Может, им подкрасить пару прядей в разные цвета, чтобы не путаться?

Какое счастье, что пса не подсунули.

– Ты говоришь вслух, – предупредил Харви.

От подобного потрясения и вслух, и с воображаемым другом начнешь разговаривать.

– И снова, – добавил он.

– Мэри, а где мама? – тоненьким голоском спросил Дэйви.

– Хороший вопрос, приятель... – согласно кивнула я. – Где же ваша мать, когда она так сильно нужна?

Неожиданно на меня навалилось осознание, что Харриет с Эммой действительно вернутся только поздним вечером. В доме трое детей, я понятия не имею, что с ними делать, и нам всем непременно надо дожить до возвращения их матушки. Иначе вилы!

– Харви, у тебя же нет сегодня других планов? – тихо спросила я.

Он сохранял невозмутимость, но новые, незнакомые интонации в низком голосе, промышавшем исключительно короткое «кхм», наталкивали на мысль, что лучший судебный заступник северных земель был на низком старте.

– Ты не посмеешь меня оставить! – охнула я.

– Нет, конечно. – Он натянуто улыбнулся и хлопнул в ладоши: – Ну, парни! Может, успели проголодаться с дороги?

Пэрри почему-то зарыдал, громко, отчаянно, словно ему не предлагали поесть, а за что-то наказали. Или Тэрри? Я никогда не умела их отличать...

– Почему он плачет? – опешил Харви.

– Ты у меня спрашиваешь? – в отчаянии воскликнула я. – Спроси у ребенка!

– Он не хочет есть, – авторитетно заявил Дэйв.

– Нет! Я хочу в туалет! – прорыдал младший брат.

Дети освоились в доме через полчаса. И начался хаос. Через сорок минут я поняла, почему Харриет Руперт три раза заваливала экзамен по правилам использования магических палочек в мирное время и все еще не восстановила лицензию на колдовство. Откуда у нее возьмется мирное время? Она круглосуточно находилась в эпицентре военных действий!

Эдвард выдал мне детей с большой книжкой о драконах, двумя полосатыми мячами и дорожным сундуком, но напрочь забыл приложить к ним учебник, где подробно описывались инструкции на разные катастрофические случаи в разнообразной жизни маленьких мальчиков.

Я больше не убирала магическую палочку. Она всегда была под рукой и с перепуга перестала изображать подзаборный куст, а начала с честью выполнять приказы. Без капризов сращивала окна, спускала с деревьев крылатых змеев из утренней газеты, распутывала намертво связанные шнуры, поднимала к потолку бьющиеся предметы...

Через пару часов Харви позорно дезертировал за обедом в ресторацию. Я чистила в кухне фрукты, чтобы на минуту собрать отряд Рупертов за столом, пересчитать по головам и насладиться секундами тишины, пока они будут жевать. Ведь их мать, право слово, всегда молчит, когда жует! Волшебное время. В общем, я задумала хитрость, но вдруг осознала, что в доме и без вкусняшек стало очень-очень тихо.

Подозрительно тихо, леденяще кровь!

Бросив к чертовой матери фрукты и схватив магическую палочку, я выскочила в пустой зал. Мячи, книжки, три вазы, две кружки – все хрупкие предметы и предметы, их бьющие, плавно дрейфовали под потолком, где их могли бы достать только шваброй. Дверь на веранду была настежь открыта. Несмотря на то что на ручке лежало запирающее заклятье.

Похоже, у кого-то из мальчишек постепенно просыпались магические способности, и чадо, само того не осознавая, проделывало разные неожиданные фокусы. Неожиданные, конечно, для бедной Марисы, никогда не присматривавшей одновременно за тремя детьми, да и за одним тоже не присматривавшей, а не для родителей этих детей.

– Ребята! – Я едва не перелетела через высокий порог, когда вывалилась на веранду.

Они стояли ровной шеренгой. Одной рукой Дэйви держал швабру с длинным черенком, о существовании которой я не догадывалась, второй рукой прикрывал глаза одному из близнецов. Тот, в свою очередь, накрывал ладошкой глаза следующему. На обоих не было по одной правой туфле.

Вот потеряли бы разные, то получилась одна пара на двоих и могли обувать по очереди. Точно от матери меньше бы прилетело!

– Что делаете? – тихо спросила я.

Мальчишки развернулись затылками к перилам и уставились на меня одинаковыми ясными глазами. Очень честными, как у отца.

– Он появился? – шепотом уточнил Дэйви.

– Кто?

– Дракон.

Я проверила прудик. На поверхности воды между кувшинками, в смысле благородными лотосами, плавали потерянные ботинки. Дракон, похоже, распластался по дну и от греха подальше притворился трупом.

– В книжке написано, что водные драконы умеют стирать людям память. Мы решили проверить, а он не вылез. Хотели приманить ботинками. Папа на рыбалке всегда так делает.

– Бросает в пруд ботинки?

– Корм, а потом ловит рыбу, – фыркнул Дэйв.

– А швабра зачем?

– Вместо удочки.

– И для защиты, – добавил один из близнецов.

– Но он не появился, – покачал головой второй. – Мэри, достанешь нам ботинки? А то мама будет ругаться.

– Только если вы больше не будете выходить на веранду.

Мальчишки были разочарованы условием, но согласились. За извлечением обуви из лotosового пруда они следили, просто высунувшись из двери. Я взмахнула магической палочкой, прочла заклятье.

Едва ботинки, оставляя за собой хвост из золотистых искр, поднялись в воздух, как пруд взбурлил. Дракон подскочил, поймал добычу и слопал, даже не поморщившись. В воздухе сверкнула

вспышка, мгновенно поглощенная ослепительным солнечным светом. Я даже не успела оценить ее размер и яркость.

– Мэри, он тебе стер память! – взвизгнул Дэйв, а один из близнецов, не скажу, кто именно, зарыдал.

Впрочем, вскоре было не важно, кто заплакал первым, они оба рыдали навзрыд, словно оплакивали сожранную обувку. На этой оптимистичной ноте вернулся дезертир.

С холщовыми сумками, полными снеди, он вошел в дом и с порога жизнерадостно заявил:

– Парни, я купил мясо в лепешках, мясо в тесте, стейк...

– Я не ем мясо! – Маленький серьезный Дэйв с большой длинной шваброй, которую не выпустил из рук даже в комнате, не дождался, когда дядя закончит перечисление сытных яств.

– У тех, кто не ест мясо, не растут мышцы, – нравоучительным тоном профессионального атлета отчитал Харви. – Ты хочешь сильные руки?

– Я не люблю мясо! – еще раз настырно повторил мальчик.

– А я не люблю овсяную кашу! – поддержал брата зареванный Пэрри.

– И зеленую кашу! – добавил Тэрри, или наоборот, отличить близнецов по-прежнему не удавалось. Под зеленой кашей, по всей видимости, подразумевался тот самый свежий шпинат.

И знаете? Если Руперты-старшие хотели, чтобы их дети ели шпинат или хотя бы мясо в пшеничной лепешке, то им следовало самим за ними следить! Мы накормили мальчишек тем, на что они согласились: сэндвичами с ореховой пастой и шоколадными пирожными. В общем, няньки из нас с Харви вышли паршивые, зато все остались довольны.

Безнадежно промокшие ботинки сушились на солнце, мячики все еще дрейфовали под потолком. Дракон решительно вычислял удачное время для переезда от маленьких рыболовов, а мы с Харви на кухне очень по-семейному мыли посуду. Я мылила тарелки, он вытирал полотенцем и недоумевал в лучших традициях бездетного мужчины:

– Почему старший у Рупертов не ест мясо?

– Его зовут Дэйв.

– Он вегетарианец?

– Харви... – Я закатила глаза. – Дэйву пять лет. Он просто не ест мясо. Никаких причин. Он даже не знает, что значит слово «вегетарианец».

Через кухонное оконце над раковиной было видно, что, пока мы кормили ботинками дракона, во дворе, сбив горшки и смяв газонную траву, очередной раз приземлилась крылатая повозка. Мальчишки уже успели сбежать на улицу, обнаружили тот самый знаменитый «опознанный летающий объект», живая гравюра которого была напечатана в газете (превращена в бумажного змея, сожжена), а теперь с большим энтузиазмом забирались в кузов. Швабру прихватить они не забыли.

– Проклятие! Они сейчас улетят! – охнула я.

– Кто? – не понял Харви и выглянул в окно. – Черт!

Мы выскочили из дома как раз в тот момент, как паршивая птица-похитительница выставила оглобли и начала набирать разбег. Мальчишки безмолвными шпионами вцепились в бортики. Глаза горели от восторга и предвкушения славного приключения.

– Стой! – заорала я, кубарем скатившись со ступенек.

– Мариса, где палочка?! – рявкнул Харви, в три прыжка подскакивая к повозке и хватаясь за бортик. – Ради всех святых, расколдуй телегу!

– Повиси пока на крыле! – ничего лучше не придумала я, бросаясь обратно в дом.

– Ты издеваешься?! – донеслось с улицы.

– Ты сильный, ты сможешь! – завопила в ответ.

Когда с магической палочкой на изготовку я вылетела обратно во двор, то обнаружила, что Харви действительно хватается за мощное крыло. Будь у повозки ноги с копытами, а не колеса, давно бы лягнула.

Не придумав ничего получше, я взмахнула палочкой, и свободолюбивая телега уперлась оглоблями в невидимую стену, разбег закончился. Харви слетел на траву, мальчишки попадали в кузове. Второе заклятье застопорило крылья в полуразмахе, но жизнь у них не отняло.

Что сказать в свое оправдание?

В подпитии я всегда очень качественно, на совесть вредительствовала... так что плохо понимала, что именно – простите – *нафаячила* с повозкой. Проще ее было отпустить, чем расколдовать.

Притаившись, мальчишки тихонечко высовывали из кузова головы. Близнецы одинаково сморщились, готовые пустить жалобную слезу.

– Не рыдать! – скомандовала я и присела возле Харви, валявшегося на газоне и раскинувшего руки. – Ты в порядке?

Во взлохмаченных волосах у него застряли перья, карман на рубашке отдрался, пуговицы отлетели, и в прорехах виднелся подтянутый загорелый торс. Злосчастные лимонные штаны перемазались в траве. Харви Крейв с честью выстоял в битве с монструозным крылатым существом!

Я ласково вытащила из его шевелюры перышко.

– Мэри, забудь обо мне, – пробормотал он, не открывая глаз. – Просто походи и приколдуй детей к дивану.

К слову, пуговицы и карман мне тоже пришлось приделывать к рубашке с помощью магии. Колдовала я лучше, чем шила.

Братья Руперт чувствовали себя очень виноватыми, пока целых десять минут сидели, прилепленные к диванным подушкам. Когда высшим позволением (моим) и взмахом магической палочки им вернули свободу, то на синих шортах остался рисунок от обивки.

До вчера они еще раз шесть были отправлены в диванный застенок. В конечном итоге шли туда сами, садились и с жалобными минами ждали, когда им даруют помилование. В восемь часов они уснули в комнате Харриет, а мы без сил плюхнулись на диван.

Харви прикрыл глаза ладонью, я в молчании таращилась на испорченную стену. Убрать след от магического портала было не под силу ни одной колдунье, даже с дорогой магической палочкой, взятой в рассрочку.

– Мне кажется, детей называют «цветами жизни» только те, кто всю жизнь любит на чужие клумбы со стороны, – произнесла я.

– Я хотел, чтобы у нас были дети. – Как всегда Харви Крейв обрушивал слова, не задумываясь, что пронзал ими насквозь. – Девочки. Синеглазые, светловолосые и кудрявые.

Взгляд из-под ладони, темный и многозначительный, тоже пронзал.

– Почему девочки? – Говорить удавалось с трудом.

– Они сговорчивее и не пытаются сбежать на крылатой телеге.

– Господи, Харви, кажется, ты чего-то не знаешь о женщинах, – улыбнулась я. – В будущем тебя ждет много неожиданных сюрпризов.

На улице зацокали копыта, загремел подъехавший туристический вагончик. Подруги вернулись с экскурсии. Было слышно, как они обсуждают раскоряченную повозку, застывшую под действием магии. Изображать неподвижное изваяние крылатой телеге оставалось недолго. Наколдованная стена уже успела растаять, так что тратить силы на оживление транспорта не хотелось. Пусть сама улетает.

Мы поднялись, чтобы встретить соседок. Тут же оба наступили на острые кубики, незнамо каким образом оказавшиеся на полу, а не дорожном сундуке. Ей-богу, наступить на деревянный кубик голой пяткой – это как пройти обряд посвящения в настоящую семью! В общем, к двери добрались прихрамывая, тихо ругаясь сквозь зубы и чувствуя себя почти реальными родителями.

Эмма с Харриет постарались скрыть удивление при виде судебного заступника, задержавшегося в доме до ночи, но даже в коротком приветствии сквозило любопытство.

– Мариса, я подожду тебя во дворе, – предложил он, попрощался с девушками и вышел.

Разразиться вопросами они не успели.

– Харриет, у меня есть две новости, – серьезно проговорила я, не зная, как еще подготовить мать троих детей к сюрпризу, спящему в спальне. – С какой начать?

– Божечки мои дорогие, Мэри, ты меня пугаешь! Начинай с плохой, потом подсластишь пиллюлю, – неуверенно ответила она.

– В ночь девичника ты отправила Эдди письмо.

Измятый конверт был передан несколько оторопевшей подруге. В гробовой тишине она недоверчиво проверила адрес, покрутила в руках. Вытащила и быстро пробежала глазами. Строчки шли вкривь и вкось, пестрели кляксы, а еще в паре слов красными чернилами были исправлены описки. Матушка Эдварда долгое время служила в женской гимназии преподавателем чистописания и славилась строгим нравом. Удивительно, что у нее вырос именно Эдди.

– Я точно была не в своем уме, когда просила прислать сюда детей, – проговорила Харриет, покачав головой.

– Наверное, подразумевалось, что обратно они поедут в дорожном сундуке, – хмыкнула Эмма, без зазрения совести прочитавшая письмо,

заглядывая подруге над плечом.

– А какая хорошая новость? – пряча записку в конверт, спросила Харри.

– Пес Броди все-таки остался в Гранахе.

Она начала меняться в лице.

– Хочешь сказать...

– Эдвард стащил в конторе порталный амулет и сказал, что отправится в отставку, если кто-нибудь узнает. Или вообще в тюрьму за воровство, – «пошла» я издалека, буквально из Гранаха. – Он перенес мальчиков с вещами и игрушками через портал в стене.

– Божечки, мои дети здесь?! – воскликнула Харри.

– В полном составе.

Она сорвалась с места и, размахивая сумочкой, бросилась в спальню. Эмма осторожно поправила сползшие на нос очки и уточнила:

– Подари мне надежду. Скажи, что ты пошутила.

– Нет.

– Эдди в своем уме?

– Риторический вопрос. – Я развела руками. – Стена напрочь испорчена. У Броди случится остановка сердца. Придется его откачивать и платить штраф.

Всегда считала, что Эдвард Руперт, сын прославленного изобретателя и преподавательницы, немножко не в себе, но Харриет была непреклонна, влюблена и глубоко беременна первым ребенком. Последнее обстоятельство, собственно, и оказалось самой важной причиной, почему через три месяца после окончания академии она произнесла брачные клятвы.

Из комнаты счастливая мать троих мальчиков появилась с очень странной улыбкой на устах, такая просветленная и спокойная, что становилось не по себе. Глаза были совсем шальными.

– Они и впрямь здесь. Все трое, но без пса, – мягким голосом оповестила она, словно до конца не веря. – Мэри, ты смотрела за ними целый день? Вместе с господином Крейвом?

– Ну...

– Спасибо. – Она похлопала меня по руке. – У меня самая лучшая подруга. В отличие от мужа и его мамы. Кстати, отец моих детей не упоминал, что случилось с нашей мамой и ее ящиком шпината?

Я кашлянула в кулак и слегка присочинила:

– Шпинат кончился, и она вернулась домой.

– Чудесно.

– Харри...

Легким жестом она заставила «самую лучшую подругу» заткнуться и с улыбкой указала на дверь веранды:

– Знаете, девочки, мне надо выйти на минуточку на свежий воздух.

– Ты точно в порядке? – осторожно переспросила я, наблюдая, как она деревянной походкой продвигается по залу, но ответа не дождалась.

Харриет случайно наступила на кубик, что-то едва слышно пробормотала под нос и отпихнула игрушку под диван. Потом вышла на темную веранду, плотно закрыла дверь.

– Она же не собирается топиться? – забеспокоилась Эмма. – Там мелко и дракон.

Неожиданно округу огласил вопль, брошенный в безразличное к людским проблемам звездное небо: «Эдвард Руперт! Поганец! Гоблин вислоухий!»

– Да нет, – вздохнула я. – С ней все в порядке.

Поорав еще с минуту и высказав все, что приходило в голову, об «отце года» – а в голову Харри приходило разное и не все приличное, – с самым безмятежным видом она вернулась в дом и спросила:

– В Блэкроке можно получить разрешительную грамоту на детей?

Прихватив с собой шаль, я вышла на крыльцо. Харви стоял, опершись о высокие перила. Над головой мерцал фонарь, о стеклянные стенки бился настойчивый, глупый мотылек.

– Передай своей подруге, что завтра мы получим все разрешительные грамоты, – проговорил он тоном судебного заступника и добавил: – Полагаю, губернатор Блэкрока ее тоже услышал.

Я кашлянула, не зная, что сказать.

– Мариса, прогуляемся до моря? – предложил он.

– Только возьму магическую палочку.

– Считаешь, без магии мы заблудимся? – усмехнулся он.

– Да я больше переживаю за освещение.

– Разве может быть что-нибудь романтичнее, чем свидание на темном ночном пляже? – спросила Харви.

Ну что ж... Он не один считал, что свидание на ночном пляже – ужасно романтическая штука. Народу, мягко говоря, собралось немало. Прежде чем ступить на песок, мы разулись и очень правильно сделали, потому как все время натыкались на какие-нибудь парочки, спрятанные в чернильном мраке, и пару раз отдавили чьи-то ноги.

Возле кромки воды собрался полный аншлаг, поэтому пришлось выбрать место подальше. Думали занять один из бамбуковых лежаков, но для этого следовало прийти чуть пораньше, когда на пляже еще светило солнце и все загорали.

– Они тут рассвет, что ли, встречают? – проворчала я.

Харви уселся рядом, а потом и вовсе опустился на остывший песок. Мягко потянул меня следом, заставляя улечься и пристроить голову на его вытянутую руку. На земле царила темнота, но небо казалось светлым, словно озаренным огромным фонарем. Звезд не было видно. Их свет гасила огромная оранжевая луна, чуть отхваченная с одного края. Она же рисовала на черном изменчивом море длинную сверкающую дорожку.

– Хочу целовать тебя, – произнес Харви, заставляя к нему повернуться.

И вновь оказалось, что я смотрела в небо, а он смотрел на меня.

– Что тебе мешает? Люди?

– Может, сбежим на необитаемый остров? – В его голосе звучала улыбка.

Я поймала себя на мысли, что готова плыть с Харви Крейвом куда угодно и на чем угодно: на экскурсионном кораблике «Морской лев», в шлюпке, на спасательном кругу или просто вплавь.

– Сейчас, когда ты сказал, я вдруг подумала, что ведь действительно неплохо попасть на необитаемый остров. Вдвоем.

Рассвет мы встретили в кровати, каждый в своей. Надеюсь, ему тоже снились нескромные сны с моим участием.

Если у женщины есть трое детей и хороший юрист, то получить разрешение на пребывание в колонии Гранаха было можно. И без особых проволочек. С самого утра шумной суетливой компанией они отправились разбираться в созданном папашей Рупертом бардаке. А еще Харриет ночью написала любимому супругу очередное письмо и

планировала его отправить магической почтой, находившей адресата в любом уголке королевства.

Пока я приходила в себя после вчерашнего вынужденного «наставничества» и прихлебывала крепкий несладкий кофе, мечтая, чтобы он превратился в сладкий и с молочной пенкой, Эмма что-то сосредоточенно черкала в рабочем блокноте.

– Смотри, Мэри. – Она подвинула записи в мою сторону и поправила очки. – Я пыталась перечислить все, что мы делали той ночью.

– Думаешь, стоит в этом разбираться?

– Вчера нам прислали Рупертов-младших, – напомнила Эмма. – Так что да, стоит!

– Нам не прислали пса.

– Еще не конец отпуска.

Нехотя соглашаясь, что «Ваенде» в любой момент грозило пополнение псом или каким-нибудь очередным страшным портретом, я просмотрела записи и присвистнула. Список подвигов получался, мягко говоря, внушительный, будто мы, как сорвавшиеся с привязи, куролесили целую неделю.

Купили экскурсии, отправили злосчастное письмо, попытались изображать модель для осеннего каталога (я), а в итоге превратили повозку в крылатого орла, украли (будем откровенны) чужого жениха и посадили в горшок магическую палочку, с радостью пустившую корни. И совершенно ничего не помнили! Ни минуты, ни секунды, ни одного сюжетного поворота!

– Что скажешь? – спросила Эмма.

– Что теперь не пью ничего, крепче травяного чая.

Руперты возвращались шумно. Было слышно, как они с визгом вываливались из экипажа и неслись в дом. С грохотом дверь ударилась ручкой о стену, чихнули ветряные трубочки, еще вчера запутавшиеся и превратившиеся в комок. Подозреваю, Вселенная тонко намекала, что удача наш гостевой дом решила обходить стороной.

– Здравствуйте! – хором поздоровались мальчики и бросились в купальню.

Харриет рухнула на стул и прикрыла на секунду глаза. Из глубины дома донесся детский плач и вопли. Мальчики разбирались, кто и кого обидел.

– Божечки мои дорогие, какое счастье, что все закончилось благополучно, – вздохнула Харриет. – Мы оформили разрешительные грамоты и купили билеты на перемещение. И еще мне дали скидку.

– За кучность? – полюбопытствовала я.

– На успокоительные пилюли, – с мрачным смешком поправила Харри. – Я безмерно благодарна господину Крейву за помощь. На твоём месте, Мэри, я бы хватала его за шкирку и тащила в храм бракосочетаний, пока он тепленький. Кстати, он просил передать тебе записку.

Она вытащила из сумочки маленький конверт с выдавленной золотом эмблемой гостиного двора и тут же предупредила:

– Я уже прочитала.

– Что пишет? – С интересом я развернула послание.

«Ты все еще хочешь сбежать на необитаемый остров? С главного причала в час дня».

Глава 8

Обитаемые острова

Экскурсионный корабль «Морской лев» споро и легко скользил по раскрашенным россыпью бликов волнам. Берег Блэкрока медленно отдалялся и тонул за горизонтом. Над головой разворачивалось бесконечное небо, совершенно не похожее на то, что накрывало сушу. Оно было спокойным, прозрачным и словно окрашенным разбавленными синими чернилами.

Мы с Харви не прятались в глухом нутре корабля, а стояли на палубе. В лицо летели соленые холодные брызги, ветер надувал одежду и пытался растрепать аккуратно убранные в пучок волосы. Я щурилась на ослепительном солнце, прикладывала ладонь, вглядываясь в морскую бесконечность. В плавании больше всего я боялась прозы жизни. Обидно, когда мускулистый красавчик предлагает сбежать вдвоем на необитаемый остров, а тебя где-то на полпути вдруг скручивает от морской болезни. Вообще никакой радости и романтики! Но, к счастью, обошлось. Более того, я с большим удовольствием съела кубики мангового льда, половину уронив за борт вместе со стаканчиком.

Неожиданно над водой, величественно и красиво, подлетел морской дракон. Сильное длинное тело, покрытое серебристой чешуей, сверкнуло в солнечных лучах. Дракон описал красивую дугу и вернулся в море, подняв сноп брызг.

– Ты видел? – Я махнула рукой в ту сторону, где вдалеке играла стая морских драконов, и повернулась к Харви: – Драконы играют!

Пока я смотрела на морских чудовищ, он не сводил глаз с моего лица. Пойманный на подглядывании, спокойно улыбнулся, уверенным движением заправил мне за ухо выбившийся из прически кудрявый локон.

– Если пристально наблюдать за водными драконами, можно начисто стереть последние воспоминания. Есть воспоминания, которые ты хочешь стереть?

Нет, мне бы лучше кое-что вспомнить. И много.

– С каких пор ты веришь в сказки, господин судебный заступник?

– Вообще-то об этом говорил мой клиент. Он хозяин большого питомника драконов возле озера Серайи.

– Пф-ф, – фыркнула я, отворачиваясь.

Но с другой стороны... На секунду допуская, что смехотворное суеверие правда, то не случилась ли наша коллективная амнезия из-за зубастого соседки? Конечно, если верить словам Броди, по ночам пресноводные драконы спят мертвецким сном и не моргают, но вряд ли гид «Сказки странствий» тянул на профессора драконоведения.

– А вот и остров, – указал Харви.

От Блэкрока до «необитаемого острова на краю света» оказалось меньше получаса морем. Выглядел он как на живой гравюре в каталоге «Сказки странствий»: стиснутый морем зеленый клочок земли с полосой белого песка у воды. Разве что на картинке над островком плавали белые, словно взбитые сливки, облака.

«Морской лев» бросил якорь. До берега нас доставили на лодке, и вот уже ступни утопали в мягком белом песке, а теплый бриз трепал легкую юбку с потемневшим от воды подолом. Пока Харви договаривался с матросами, я с восхищением осматривалась. На пляжах Блэкрока не было такой бирюзовой воды, кокосовых пальм и неземной тишины.

– Идем. – Харви положил мне на пояс ладонь и кивнул в сторону зарослей, в которых пряталась каменная лестница.

– И здесь никого, кроме нас? – преодолевая ступеньки, спросила я. Вообще стоило молчать, чтобы не сбивалось дыхание, но любопытство победило.

– Ни души, – согласился он.

Я оглянулась полюбоваться на бескрайнее море с холма, ловко замаскированного тропическими зарослями: высоченными пальмами, зелеными кустами и прочими лианами. Корабль «Морской лев» уплывал! Спокойно себе повернулся к островку задом, в смысле, кормой, и устремился за горизонт, как гордая трехмачтовая шхуна. Только морские драконы его и видели.

– Харви, почему они уплывают? – нешуточно всполошилась я. – Подожди, разве они не должны были нас отсюда вечером забрать?

– Нет.

У меня и глаз задергался, и сердце замерло, и перед мысленным взором появилась такая странная картина, что просто жуть! Будто мы

с Харви, одетые в юбки из пальмовых листьев, гоняемся по острову за крылатым драконом, а он отплеывается пламенем. Ужас, в общем!

– Что значит нет?! – воскликнула я.

– Ты ведь хотела убежать на необитаемый остров? – напомнил он с таким серьезным видом, что нехорошо делалось. – Мы здесь.

Не желаю до конца отпуска охотиться и питаться драгоноиной. Даже если это не противоречит диете «ешь меньше» – попробуй поймай дракона! – то точно не вписывается в законы гуманизма и принципы питания по священной книге «О вкусной и здоровой пище».

– Послушай, я еще хочу научиться нырять за жемчугом! – сердито проворчала я.

– И что тебе мешает это сделать? – искренне заинтересовался Харви.

– Здравый смысл, черт возьми! А если они о нас забудут и оставят здесь?

– Мариса, ты ведь взяла магическую палочку? – сохраняя абсолютное спокойствие, спросил он в ответ.

В руках бывший жених держал кожаный саквояж и дорогушие туфли, мягко говоря, несколько диссонирующие с дикой природой необитаемого острова.

– Я не пойму, это аттракцион на выживание, что ли?

– Если ты не взяла магическую палочку, придется отпускать в море бутылку с призывом о помощи и ждать, когда нас кто-нибудь найдет. Не переживай, тут недалеко до большого острова. Через пару лет обязательно появится корабль, и нас спасут.

– Харви, ты надо мной издеваешься? – возмутилась я.

– Да.

Клянусь, он с трудом сдерживал хохот, когда продолжил подниматься по ступенькам.

– Харви Крейв, ты ужасен! – проворчала я ему в спину.

– А ты потрясающая, – ответил он и вдруг начал перечислять: – Сильная, стремительная, отлично колдуешь.

Он описывал какую-то другую женщину, возможно, из романа ужасов о выживании на необитаемом острове. Пока что наш, арендованный, казался весьма обжитым, что не могло не радовать.

– Ты забыл добавить, что я превосходная охотница, а значит, нам не грозит умереть с голоду, – кисло добавила я, понимая, к чему,

собственно, это исчадие юридического ада клонит.

– С такой женщиной просто счастье затеряться на необитаемом острове, – не уставал подкладывать он.

– Если что, готовлю я по-прежнему паршиво.

Цивилизация на «необитаемом» острове заставила меня вскарабкаться больше чем на полусотню ступенек. Мы добрались до симпатичного домика, окруженного густыми зарослями и с крышей, затянутой лианами. Он напоминал домик на дереве, но подросший и спустившийся с этого самого дерева на землю. А я-то почти волновалась, что придется самим строить шалаш из пальмовых листьев.

Внутри жилища отшельников оказалось неожиданно много места. В большой комнате стояла деревянная мебель. В центре кованой каминной решеткой был отгорожен очаг с огненными камнями, выложенными в углублении в полу. Сквозь деревянную арку, украшенную резьбой, была видна спальня с кроватью, застеленной белыми простынями.

Я с трудом оторвала взгляд от этого брачного ложа и проверила, что пряталось за единственной в доме дверью. Оказалось, купальня с деревянной бадьей для мытья и клозет. Весьма приятно обнаружить удобства «в дикой природе» экзотического острова. Не забыла я проверить и холодильный шкаф.

На мой взгляд, для человека, верящего в диету «ешь меньше», я слишком много думала о еде, но полные полки заставили заиграть жизнь отшельников новыми красками.

– Охотиться не придется? – подойдя сзади, промурлыкал Харви.

– Да, на сегодня рагу из дракона отменяется, – хмыкнула я и невольно склонила голову, открывая шею для невесомого поцелуя.

Целовать меня что-то не очень торопились. Пощекотали дыханием, прижались крепкой грудью к лопаткам, когда доставали с полки запотелый графин с холодной водой, на этом все приставания закончились. Я мысленно фыркнула и решила, что дразнить на необитаемом острове могут двое.

– Может, искупаемся? – неопределенно кивнула в сторону окна, словно через него предлагала выбраться из «домика на дереве».

Предвкушение художественного раздевания до купального костюма заставило меня пережить спуск на полусотню ступенек. Ни

капли не смущаясь, я стянула через голову то самое платье из вязаных цветов и эффектным жестом бросила его на песок.

Обнаженный по пояс Харви замер, взгляд скользнул сверху вниз по моим похудевшим формам, вернулся и замер где-то в районе солнечного сплетения. Благослови, боже, того человека, кто первым придумал диету «ешь меньше». Этот момент стоил каждого проигнорированного пончика!

Не скрывая довольной ухмылки, я начала входить в теплую, как парное молоко, воду.

– Идешь? – обернулась к Харви.

Он провожал меня темным взглядом, от которого бежали мурашки и где-то под ложечкой сладко екало.

Мы толком не искупались. Бесконечные соленые поцелуи в воде назвать пристойным словом «купание» просто не поворачивался язык. Да и на берегу друг от друга не отрывались. Белый мелкий песок прилипал к влажной коже, попадал в лицо, осыпался под горячими пальцами.

Момент, когда мы избавились от куцей одежды, выпал из памяти. На тропических островах у меня вообще все время происходили какие-то чудеса с памятью, и – забегая вперед – купальный костюм потом так и не нашелся. Наверное, его смыло в море.

Все вышло естественно и гораздо лучше, чем помнилось. Не то чтобы я два года подряд лежала бессонными ночами и вспоминала, как занималась страстными глупостями с бывшим женихом. Имелся, правда, один незначительный минус в физической любви на пляже: пусть места много, а вокруг ни души, но в рот и в глаза все время попадал песок. Отмыть от него кудрявую гриву тоже оказалось совсем непросто, но Харви помог. К нашему общему удовольствию.

До еды мы добрались в тот час, когда на маленький остров опустилась темнота. Мы устроились на пустом пляже перед морем: постелили плед, поставили фонарь с магическим амулетом вместо свечки, разложили кое-какую снедь и открыли бутылку с вином, пахнущим терпко и чуть кисловато.

В черном небе светилась огромная оранжевая луна, чуть отхваченная с одного бока. Ярким светом она гасила и заставляла бледнеть остальные звезды. На черном изменчивом море тянулась сверкающая лунная дорожка.

– Сколько их было? – тихо, низким голосом спросил Харви.

Я обернулась и поняла, что, пока смотрела на море, он разглядывал меня. Снова. Казалось, его взгляд всегда был обращен к моему лицу, раньше такого не случалось.

– О чем ты? – переспросила я, на самом деле понимая, что именно он спрашивал, и уже мысленно возмущалась этим странным, неловким вопросом.

– О мужчинах.

– Это несправедливый вопрос.

– Знаю, – вздохнул он.

Наплевав на зарок, не пить ничего крепче травяного чая, я схватила бокал и сделала большой глоток. На языке остался терпкий вяжущий вкус. Однажды мы с Эммой ходили на дегустацию, и пока народ накачивался дорогушим алкоголем, виночерпий говорил, что благородные вина обязаны отличаться крайней сухостью. Но во мне всегда говорило плебейское происхождение, и я предпочитала напитки послаще. В смысле, до недавнего времени. Теперь-то я предпочитала чистую воду, если никто (бывший жених, нынешний любовник) не поднимал неловких вопросов.

– Я приезжал к тебе, Мариса, – вновь обрушил он пронзающие слова.

– Когда?

– Через пару недель, как ты ответила на письмо, – кивнул он, не сводя с меня взгляда. – Решил узнать, что изменилось за те месяцы, пока я жил в северных землях.

– Ты до меня, похоже, не дошел?

– Отчего же. – Он помолчал. – Дошел. Ты целовалась с другим мужчиной. Я решил, что не стоит мешать.

Я подавилась на вздохе и снова схватилась за бокал с вином.

– Если тебя это успокоит, то мне не понравилось.

– Меня не успокоило.

– Жаль.

Все-таки плохо мне подправил шаман дурную женскую карму. Иначе как еще объяснить, что она меня догнала и дала пинок под зад? Единственное свидание за два года почти сразу после расставания закончилось полным провалом: отвратительным поцелуем, который Харви увидел, и неприятностями в магическом агентстве.

Парень был моим сослуживцем и его вдруг повысили до старшего мага. Он так оскорбился отказом, что мне три месяца пришлось вылавливать привидений в старых особняках, пугать мышей и костерить обиженного, как кисейная девица, мужика. Хорошо, что его перевели, иначе у меня не выдержали бы нервы и я ткнула бы магической палочкой ему в глаз.

– А у тебя сколько было женщин? – спросила сердито, хотя не желала знать, но пусть не расслабляется. Несправедливые, неуместные вопросы задавать могут оба.

– Я не был монахом.

– Ну а я считала, что ты меня бросил, – напомнила я.

– То есть в тот вечер стоило к вам подойти? – Он выгнул бровь.

– Однозначно. Мы оба узнали бы о себе много нового. Я отвела бы душу, мы бы выяснили, что расстались из-за нелепого недоразумения, и ты отправил бы в отставку плохого секретаря еще два года назад. Кстати, она больше не путала никаких писем?

– Она всегда выглядела очень собранной. – В голосе Харви вновь появилась ирония.

– Притворяться умной – это целое искусство. Жаль, я его никак не могу освоить, – вздохнула я и все-таки допила вино. В голове зашумело, в движениях моментально появилась дремотная тяжесть.

– Мариса, – позвал меня он.

– Ну что?

– Как я жил без тебя эти два года?

– Очевидно, очень неплохо, господин старший партнер крупной юридической конторы, – дала я понять, что видела его личную карточку и оценила карьерный рост.

– А ты? – спросил он тихо.

– Я тоже жила неплохо, – согласно кивнула. – Тоже скоро получу повышение.

Разве что чуточку одиноко. Никогда бы не подумала, как в действительности тихо в шумном Гранaxe, когда не с кем сходить в едальную или поругаться из-за опоздания в театр. Это сейчас я понимаю, что опаздывала, чтобы не смотреть душераздирающие трагедии, а тогда казалось, будто на службе меня задерживали крайне важные дела. Вот дурочка!

– Я переезжаю обратно в столицу, – небрежно бросил Харви.

– Когда?! – Я так резко развернулась, что завалилась на плед и едва не сбила полупустую бутылку с вином, как кеглю в кегельбане.

– В следующем месяце.

– Поэтому решил наладить старые связи и предложил начать заново? – подколола я и швырнула в него льняную салфетку: – Признайся уж!

– Нет. Я увидел тебя в той ресторации и понял, что не могу оторвать глаз, – признался он. – Да и не хочу.

Мы подумывали встретить рассвет на пляже, тем более что он весь, вплоть до последней песчинки, был в нашем единоличном пользовании, но в доме оказалось теплее, а в кровати – удобнее проводить время за приятными глупостями.

«Морской лев» прибыл за нами на следующий день, даже не пришлось бросать в море бутылку с призывом о помощи. Мы успели накупаться, пресытиться физическими ласками и заснуть на солнце. Последнее закончилось благополучно, никто не получил ожога пятой точки.

В «Ваенду» я вернулась в сумерках. Харви не стал выходить из экипажа, поцеловал меня на прощание и, сославшись на какие-то крайне срочные дела, сбежал. Подозреваю, что его вспугнули полосатые мячи, оставленные на измятом, а когда-то неприкосновенном газоне, табличка с перечеркнутыми туфельками, торчащая из горшка с полысевшей пустынной розой, и куча перьев от известно какой птицы с оглоблями.

Гостевой дом тоже переживал вторжение трех мальчишек.

– Божечки мои дорогие, – охнула Харриет, обнимая меня. – Мэри, ты выглядишь великолепно! Необитаемый остров тебе явно пошел на пользу!

На пользу мне пошел мужчина, а Харри было бы неплохо именно спрятаться на сутки ото всех. Она уже выглядела как до поездки. Чутьочку нервной, немножко рассеянной, перестала говорить громким шепотом и вернула командный голос.

– Где мальчишки? – Я огляделась. – Я привезла морские раковины.

– Вылавливают из пруда ботинки.

– А как же дракон? – удивилась я.

Харри обернулась к раскрытым настежь дверям веранды и с легким недоумением протянула:

– Уплыл.

В этот момент из веранды раздался оглушительный вопль одного из близнецов, уронившего в воду самодельную удочку.

– В место, где поспокойнее жить, – добавила она. – Кстати, Эмма днем вернулась в Гранах. Божечки, так жалко! Пришлось срочно менять билеты на перемещение, потеряла кучу денег.

– А что случилось?

В душе появилось легкое подозрение, что наша подружка тоже убежала в место поспокойнее. Не то чтобы она не любила Рупертов-младших, но предпочитала любить их на расстоянии, как я сладкие профитроли с шоколадным муссом.

– Срочно вызвали на службу. – Харриет постаралась говорить потише. – Оказалось, что в ту ночь, когда в «Морском коньке» нас перепутали с танцорками, она успела застраховать целую танцевальную труппу. Почтой отправила страховые грамоты и напрочь об этом забыла. Представляешь? Двадцать застрахованных ног и две руки.

– Так ее повысят? – по-настоящему обрадовалась я за подругу.

– Вряд ли, – вздохнула Харри. – Эти танцорки, чтобы им пусто стало, решили покататься по горной тропе на гигантских драконах, а сиденье отвязалось и перевернулось. Бдыщ! Половина ног и обе руки сломаны.

– Какой ужас! – охнула я, искренне сочувствуя абсолютно всем и даже себе за то, что ни черта не помнила той ночи. От нечего делать взяла истерзанную магическую палочку и отправилась доставать из осиротевшего пруда ботинки.

На следующее утро, когда Руперты всем составом ушли на пляж принимать солнечные ванны и распугивать морских драконов, я не справилась с соблазном и решила устроить Харви сюрприз. Заскочила по дороге в кондитерскую за холодным кофе и пончиками с зеленой глазурью, а во фруктовую лавку – за нарезанными и аккуратно завернутыми в пальмовые листья дольками ледяной дыни. К домику в гостином дворе шла в приподнятом настроении.

Пришлось постучать пару раз, прежде чем в домике прошелестели шаги. Дверь начала плавно открываться. С очаровательной улыбкой я подняла бумажные пакеты с завтраком и пропела:

– Доброе утро.

И улыбка медленно сползла с лица. Устроила, называется, сюрприз.

Самой себе.

На пороге стояла та самая Алисия, испортившая напрочь мою личную жизнь два года назад. Она по-прежнему выглядела собранной и аккуратной. Волосы, правда, были рассыпаны по плечам, платье в зеленый горох и с глубоким вырезом выглядело, мягко говоря, не особенно официальным, а карминовые губы в принципе диссонировали абсолютно со всем. Кто красит губы в красный цвет с утра пораньше?

– Госпожа Крафт? – Она мгновенно меня узнала, смотрела с любопытством и с затаенным ехидством, но почему-то притворялась, будто узнала не сразу. – Если вы пришли к Харви, то он сейчас вряд ли вас примет.

Я опешила. Во-первых, что она делала в домике Харви? Во-вторых, почему говорила так, словно они были ближе, чем кажется, и даже откровенно объявила, что мне здесь не рады. В голове крутилось столько вопросов, что начинало ломить виски, а внутри зарождалось неприятное липкое чувство горечи. Я его помнила хорошо, оно преследовало меня несколько месяцев после расставания.

– Тогда отдайте ему. – Я оторопело и как будто чуточку свихнувшись протянула пакеты.

– Конечно. – Она забрала завтрак и невыносимо вежливо спросила: – Передать еще что-то?

– Еще что-то я у него спрошу лично, – проговорила я, надеясь, что голос звучит ровно.

– Не стоит, – покачала Алисия головой. – Вчера вечером Харви сказал, что больше не может вести ваши дела, и попросил отправить счет по почте.

– Вчера вечером, значит, – усмехнулась я, вспоминая, как он с самым честным видом ссылаясь на срочные дела и торопился вернуться в гостиный двор, не предложив переночевать вместе. Теперь его дела смотрели на меня вкрадчивым взглядом и улыбались знакомой змеиной улыбкой, изгибая карминовые губы.

– Всего доброго, Алисия, – кивнула я.

– Прощайте, госпожа Крафт, – согласно кивнула она и закрыла перед моим носом дверь.

Цветущие кусты странно прыгали перед глазами, дорожка тоже плясала. Я шагала на высоких каблуках и вспоминала, как с такой же тонкой улыбкой два года назад Алисия передавала мне конверт с чужим письмом. Она говорила полунамеками, подглядывала исподтишка, как будто догадывалась, что я куплюсь...

Чувствуя, что внутри раздирает от гнева и меня совершенно точно ждет удушение, если не выскажусь, я развернулась и стремительной походкой вернулась к дому. Постучала громко, пусть услышит и оценит. Дверь открывать не торопились. Я не настаивала и достала магическую палочку.

Честное слово, очень старалась не сломать замок, но рука что-то дрогнула. Ручки рассыпались на части, механизм с жалобным звоном вылетел внутрь дома, оставив после себя сквозную дыру. Взлом занял пару секунд.

Думаю, со стороны я напоминала одновременно злую ведьму, маньяка и бешеную фурию, но Алисия испуганной не выглядела, хотя очень пыталась. Понимала, что колдунью от вредительства обычно сдерживает угроза надолго лишиться лицензии.

– Госпожа Крафт, что вы творите?!

– Значит, по почте пришлешь? – процедила сквозь зубы. – А почему не лично в руки, как в прошлый раз? Ты так изящно намекала, будто у вас отношения, что я подумала и решила переспросить. У вас с Харви отношения?

– Как ты вообще умудрилась снова появиться в жизни моего Харви?! Знаешь, как сильно бесило искать билеты в оперу, которую он даже не любит! – вдруг взвизгнула она. – А носиться по городу и заказывать столики в едальных? И вообще, представляешь, каково это – любить мужчину, который влюблен в тебя?

Господи, какая сложная формула! Когда человек не желал говорить правду, но не понимал, как ловчее соврать, всегда начинал юлить, напускать туману и обвинять окружающих. Осознание, что мой мужчина, не живший два года монахом, все-таки не завел роман со своим секретарем, несколько притушило... Ну, назовем это желанием что-нибудь с душевным трепетом сломать. Но не настолько, чтобы не припомнить интриганке дурацкое расставание.

– А что со мной не так? – процедила я.

– Ты даже не потрудилась поговорить с ним лично. Ума не хватило!

– Ну... Может, я, конечно, не очень умная, но точно очень добрая. Особенно сейчас я настолько добра – черт возьми! – что взорвусь, если не сделаю тебе хорошо.

– А? – Она попятилась, заметив, что у магической палочки в моих руках вспыхнуло острие. – Лицензии не жалко?!

– За добро лицензии не лишают, – с улыбкой маньяка покачала я головой.

– Мариса! – рявкнул из двери низкий голос.

Напрасно Харви лез под горячую руку колдунье, надумавшей причинить кому-нибудь добро. Заклятье сорвалось с острия магической палочки и только счастливым случаем не попало в самого спасителя. Вдарило в косяк возле его лица, оставив на дереве отчетливый черный след.

– Я не буду спрашивать, что это было за заклинье, – сухо произнес он.

– Не стоит, – сдержанно согласилась я.

Рога и хвост. Долго они не продержались бы, всего на пару часов, но эффект!

Одарив меня выразительным взглядом, он кивнул на жесткий, как садовая лавка, диван, дескать, усаживайся, госпожа колдунья, и вошел в комнату. Не заметил и пнул носом туфли вырванный замок, железка со звоном отлетела под диван. В общем, музыкальное получилось появление хозяина.

– Алисия, я пощажу вашу гордость и позволю уйти, – проговорил он вкрадчивым голосом. – Думаю, мы все обсудили вчера.

Девушка крепко сжала губы, схватила со стула увесистый ридикюль. Гроыхнула дверь и отскочила обратно, потому как замок вывалился и зацепиться было нечем. Молча мы следили, как она еще пару раз хлопнула, словно приделанная на пружине.

– Ты сможешь отремонтировать замок? – тихо спросил Харви.

– Нет. Я так разозлилась, что забыла, какое использовала заклинание.

Мы переглянулись.

– Ты ждешь объяснений? – проговорил он.

– Да.

– Алисия получила отставку, не согласилась с ней и приехала вчера обсудить лично.

– И?

– И снова получила отставку. – Он приблизился ко мне, обнял руками и прижал к груди. – Потому что так, Мариса, поступают все взрослые люди. Когда им есть что спросить, они спрашивают.

– Сказал человек, приехавший в Гранах и не пожелавший выяснить отношения, – не без ехидства напомнила я. – Кстати, почему ты никогда не говорил, что не любишь оперу? Зачем было нас обоих заставлять страдать?!

– Я правда считал, что ее любишь ты.

– Заколдую!

– Мэри, пожалуйста, опусти магическую палочку...

Глава 9

Ведьмы-карьеристки

В Гранах мы возвращались шумно. И кучно. С Харви попрощались накануне отъезда. Он отправился на север королевства заканчивать какие-то важные дела. В общем, ловко дезертировал и избежал путешествия с тремя детьми.

Оставшись без судебного заступника, способного умным юридическим языком объяснить Броди, какой королевский указ запрещает штрафовать нас за испорченную стену, мы уходили ранним утром. В то время, когда спали даже пресноводные драконы, а летающие повозки сидели в гнездах.

Съезжали не скажу чтобы тихо. Как раз очень громко! Странно, что никто не сбежался посмотреть, не случился ли в «Ваенде» пожар. Возница, по глупости согласившийся помочь с дорожными сундуками, ругался на всех Рупертов, вместе взятых, с их невысказанного размера багажом. Двигал, пыхтел, матерился и рычал на мать троих детей, каждую минуту с озабоченным видом напоминавшую:

– Господин, ну, тут же мальчики!

А самый главный Руперт, тот, что Эдвард, встречал любимую семью под перемещающей платформой. С идиотской улыбкой он выглядывал из-за огромного букета роз, видимо, призванного продемонстрировать необъятность его благодарности перед самоотверженной супругой. На макушке торчала шляпа с узкими полями.

– Папа! – завопили Руперты-младшие в три голоса, и ровный мальчишеский строй рассыпался, как горох.

Они бросились со всех ног по ступенькам платформы.

– Стоять! – рявкнула Харри генеральским голосом.

Остановились абсолютно все, а не только мелкие головорезы. Даже я на мгновение остолбенела, а господин по соседству едва не отдал честь. Сама видела, как он практически взметнул руку к виску, но вовремя одумался.

Да что там мы – весь вокзал, кажется, замер, подчиняясь приказу суровой матери троих детей. Впрочем, через мгновение пространство

вновь ожило, а Руперты-младшие покатались к горе-папаше. Один из близнецов по дороге слегка запутался и прикатился к какому-то чужому дядьке, но быстро сориентировался и поменял направление. Весь выводок с визгом благополучно повис на отце.

– Главное, не убивай его на вокзале, – посоветовала я подруге, осторожно спускаясь по ступенькам на высоких каблуках. – У нас, конечно, есть хороший судебный заступник, но от всех свидетелей даже он не сможет избавиться.

– Что ты, – как-то нехорошо хмыкнула Харри, – смерть еще нужно заслужить.

– Харриет, дорогая! Я безумно соскучился! – с откровенным подхалимажем воскликнул Эдди и сунул супруге в лицо букет. – Ты великолепно выглядишь. Такая загоревшая, посвежевшая! Отдых и морской воздух тебе к лицу!

Честное слово, не помню, чтобы за все время нашего знакомства он отвечивал ей столько восторженных комплиментов в одном предложении и покупал так много роз зараз.

– Отдохнувшая, говоришь?

Со странной улыбкой она забрала необъятный розовый веник и, не стесняясь ни людей, ни детей, ни впечатлительную подругу, со всего размаху вlepила мужу цветами по башке. В разные стороны брызнули розовые лепестки и листья, шляпа соскользнула Эдварду на затылок. И он даже не пикнул!

– Я тоже очень хотела тебя увидеть, милый... – Харриет одарила мужа еще одной жутковатой улыбкой и скомандовала: – Получи багаж и поедem домой. Кстати, твоя дорогая мама не у нас?

– Не хотела мешать, – Эдди на всякий случай вжал шею в плечи и придержал шляпу рукой, – семейному воссоединению.

– Какая предусмотрительная женщина, – многозначительно поцокала языком Харри, словно намекая, что букет будет дожидаться маменьку. Даже если завянет, все равно дождетcя!

Через полчаса все Руперты в полном составе, включая два огромных сундука и потрепанный букет, погрузились в карету. С видом человека, приговоренного к смертной казни и за пять минут отработывающего все совершенные грехи, Эдвард проводил меня до наемного экипажа. Кажется, предатель пытался заработать очки, чтобы

я попросила Харри быть с ним помягче. Как минимум в ближайшие десять лет.

– Мариса, я что подумал... Может, мне в командировку на недельку? – с надеждой, словно спрашивал разрешения на побег, посоветовался он.

– Эдвард, поверь мне: сейчас не лучшее время для побега. Само ничего не рассосется. – Я похлопала его по плечу: – Удачи!

Вечером в мою квартирку на втором этаже постучались. Как была, растрепанная и в халате, я открыла дверь. На пороге стоял Харви в отлично скроенном костюме и с дорожным саквояжем.

Откровенно сказать, после жаркого прощания на острове я гнала дурацкие мысли, что он больше не появится. Ведь все, что случилось в Блэкроке, должно остаться в Блэкроке, но Харви, соблазнительный и шикарный, стоял в узком коридорчике моего дома.

– Привет, – протянул он низким голосом. – Моя квартира еще не готова. Позволишь переночевать у тебя?

Не произнося ни слова, я бросилась к нему на шею и впила в губы поцелуем. Долгожданный гость не растерялся: выпустил на пол саквояж и подхватил меня на руки. Ногой он захлопнул дверь и шагнул в сторону спальни. С памятью у Харви было все отлично: он помнил, в какой стороне моей квартиры кровать. Хотя в трех крошечных комнатах вообще-то заплутать сложновато.

В последний день отпуска мы вышли из дома только за едой – Харви наотрез отказался заделываться адептом диеты «ешь меньше». А потом как-то разом наступил понедельник. Ровно в восемь утра в идеально отглаженном форменном платье и с магической палочкой, пристегнутой к кожаному поясу, я выбралась из городского экипажа на площади перед королевским магическим агентством.

Серое здание с остроконечной башней совершенно не изменилось: пыльный фасад с лепниной, вереница черных служебных экипажей перед входом и те же самые голуби на ступенях. Хотя голуби, может, совершенно другие.

Торжественно надев на голову остроконечный ведьмовской колпак, я зашагала к центральному входу, поднялась по мраморной лестнице к тяжелым дверям и тут-то нос к носу встретилась с мадам Шербон.

Вообще-то у меня имелась примета: если с утра встретила мадам, то жди беды. Сбывалось всегда, но сегодня настроение было отличное и верить в плохие знаки никоим образом не хотелось.

Главная колдунья агентства, худая, высокая ведьма без возраста, окинула меня нехорошим прищуром.

– Доброе утро, мадам Шербон! – с радостью, достойной лучшей встречи, поздоровалась я.

– С возвращением в наши ряды, госпожа Крафт. У вас чудесный загар и здоровый вид, – прокаркала она с таким ужасным недовольством, что стало ясно – я действительно превосходно выглядела. Значит, цветущий вид не портила даже форма, превращающая любую ведьму в безутешную вдову.

Саму Шербон черное платье с узкими рукавами и пуговицами до самого подбородка превращало в ту, кем она действительно являлась, – злобную ведьму. Полное совпадение внешнего вида и внутреннего наполнения. Подозреваю, когда много лет назад она ездила на вызовы, при ее появлении в домах королевских подданных, неискушенных магической помощью, рыдали дети и кошки забивались под диваны.

Мадам я пропустила вперед, даже дверь подержала. Не столько из уважения, сколько из субординации и чувства самосохранения. Черным облаком начальница поплыла в кабинет на верхнем этаже конторы, а я повернула в общий служебный зал.

Сослуживцы потихоньку подтягивались, но половина из двадцати рабочих столов еще пустовала. Вообще-то ведьмы и колдуны собирались в конторе только по утрам: получить новые задания и сдать отчеты о работе, проделанной за предыдущий день. Но непременно без грамматических ошибок! Иначе придется переписывать заново. Мадам терпеть не могла безграмотность. В общем, словарь и справочник по грамматике считались у нас такими же настольными книгами, как гримуары с заклятиями.

– Мариса! – С кружкой чая в руках ко мне направилась Бетти, главная сплетница агентства, всегда удивительным образом проводящая больше времени в конторе, чем на выездах.

Очевидно, носиться по предместьям и кладбищам, как остальным, ей мешали туфли на высоких каблуках. Я тоже любила шпильки, но служба такая служба. Попробуй спустись в какой-нибудь склеп в подобной обуви – мигом переломашь ноги.

– Ты великолепно выглядишь! – заохала она. – Посвежевшая, похорошевшая. А какой фантастический загар!

Неожиданно ее кудяхтанье напомнило вчерашнюю речь Эдварда Руперта, не подозревающего, что десятью секундами позже его отходят по голове веником из роз. И как-то сделалось беспокойно. Ненадолго, правда. Пока я не добралась до рабочего места и не обалдела. На столе высилась даже не стопка, кривая башня из папок с заданиями, готовая в любой момент развалиться. Какое беспокойство? Я была в полном шоке.

– Вы превратили мой стол в архив закрытых дел?

– Как мы могли? – по-змеиному улыбнулась Бетти. – Это твои задания. Ты не работала, вот и скопились.

– Почему их никто не взял? – тихо спросила я, стаскивая тяжелый ведьмовской колпак.

– Из отдела перевелись сразу два человека, и мадам Шербон приказала отдать их дела свободным ведьмам. Ты была свободна.

– Я была в отпуске.

– Да, и потому ты оказалась единственной незагруженной ведьмой.

Глаз нервно задергался. Это рекорд! В прошлом году нервный тик появился через сутки после возвращения на службу, в этом – десяти минут не прошло.

– А ты почему не на задании? – не осталась я в долгу.

– Пришла в свой единственный выходной, чтобы написать отчеты, – легкомысленно хмыкнула она, и я невольно покосилась на соседний стол, где одиноко, но очень важно возлежал туристический путеводитель по Блэкроку. – Вот в отпуск собралась. Так устала за последние десять дней... Кстати, почему ты не спрашиваешь, из-за чего от нас сбежали два колдуна?

– Мадам достала? – буркнула я, пытаюсь из пирамиды папок сделать парочку приличных стопок, но сколько ни прикидывала, все равно выходило неприлично. Пожалуй, если я не буду зачехлять магическую палочку и ночевать дома, то к концу следующей недели справлюсь.

– Господина Мерлина наконец-то перевели в западную провинцию! – торжествующе рассказала она главную новость. – Остальные ушли следом за ним. Понимаешь, к чему я?

Слухи о переводе старшего колдуна ходили уже давно, а перед самым отпуском мадам Шербон вызвала меня на беседу, долго разглагольствовала, что у старшего мага совершенно нет времени на себя, исключительно на службу и жизнь своих подчиненных. Потом она вспомнила, что я незамужняя колдунья, за пять лет не получившая ни одной жалобы от благодарных клиентов, и непрозрачно намекнула, что отдаст должность мне.

– Удачечки! – пропела Бетти.

Только я уселась за стол, открыла папку с первым заданием, как в кабинет с полоумным видом ворвался помощник мадам. От сквозняка у него за спиной яростно хлопнула хлипкая дверь, с крайнего стола взметнулись листы с рукописными отчетами о проделанной работе. До меня донесся запах кофе и коричных булочек из коридора. Кто-то со вкусом завтракал.

Наверняка счетоводы, они всегда сначала пили кофе, заедая сдобами, слойками и прочими вкусностями, решительно отрицаемыми адептами диеты «ешь меньше», а только потом открывали гроссбухи.

Самое печальное в возвращении из отпуска, что ты кажешься себе иным человеком, лучшей версией самого себя, а вокруг ничего не поменялось: дела и люди, за редким исключением, те же самые. И привычки у этих людей прежние.

Помощник замер на пороге, обвел полупустой зал сумасшедшим взглядом и ринулся по проходу в мою сторону. Даже сердце замерло. Он поправил сбившийся узел галстука и указал пальцем на дверь:

– Мариса, она тебя заждалась!

– Мы с ней только виделись, и она не просила зайти.

– Да, но ждать ей это не помешало, – пропыхтел помощник.

Если бы не знала, что еще не успела причинить никому добра и точно не прирастила ни к одной конторской карете крылья, то заволновалась бы. Хотя – кому я вру? – все-таки начала нервничать. В тоне посыльного было что-то неправильное, словно он являлся гонцом с дурной, а не счастливой вестью. В такой панике будущих старших магов к начальству не вызывают, только глубоко проштрафившихся подчиненных.

– Держу за тебя кулачки! – еще раз шепотом напомнила Бетти.

Пользы от твоих кулачков, как от пресноводного дракона в лотосовом озере. Да и удачи пожелала так, словно надеялась на

провал. Лучше бы взяла пару заказов.

На верхний этаж я поднималась с замирающим сердцем. Мысленно готовя себя к любому исходу, постучала в дверь с именной табличкой и заглянула внутрь:

– Вы просили меня зайти.

Мадам Шербон сидела за массивным письменным столом и просматривала утреннюю газету. На первой полосе красовалась крупная живая гравюра с телегой, беспрестанно размахивающей крыльями и воинственно выставившей оглобли. На бортиках и в кузове сидели и открывали клювы морские бакланы. Заголовок кричал: «Защитники магических животных: у нее тоже есть душа!»

– Проходи, – полоснула она по мне острым, как бритва, взглядом.

В светлом кабинете пахло хвойным благовонием, в закрытых на ключ стеклянных шкафах стояли магические побрякушки. Обычно конфискованные артефакты сдавались в королевское хранилище, но некоторые неведомым образом оказались в коллекции начальницы.

На стене висел портрет его величества. Пару раз в неделю мадам лично протирала золоченую раму платочком, я сама была свидетелем этого трепетного ритуала.

– Присаживайся, Мариса.

Она указала на стул для посетителей, дождалась, когда я пристроюсь, и сняла с носа узкие лекторские очки.

– Я ждала, что ты сама ко мне придешь, чтобы объявить новость, но ты что-то не торопилась. Думала, ни о чем не узнаю?

Живот подвело нервной судорогой, и я выпрямилась на стуле.

– Когда мы обсуждали твое повышение, я особо заострила внимание, что старшая ведьма должна серьезно относиться к своим обязанностям, – торжественно проговорила мадам. – И ни в коем случае не вмешивать королевское агентство магической помощи в личные проблемы! Идеальное реноме одно из главных условий. Его величество ненавидит безответственных людей!

Она указала на портрет, и я невольно посмотрела в опрятный, благообразный лик. Король тоже смотрел с укором. В памяти мгновенно всплыли все приключения – все приключения, о которых я не забыла, – случившиеся на тропическом острове.

– О чем именно вы говорите? – уточнила я, пытаюсь разгадать, за что меня распекают: за телегу, потерю магической палочки или

девичник, больше походивший на ведьмовской шабаш.

– Обо всем! – рявкнула она, прихлопнув по столу ладонью.

– Все, что случилось в Блэкроке, остается в Блэкроке! – выпалила я.

– О чем вы лепечете, госпожа Крафт? – рыкнула мадам. – Старший маг должен без остатка посвящать себя работе, жить на работе, заботиться о подчиненных. А что ты? Выходишь тишком замуж?

– Когда?! – охнула в ответ, плохо понимая, что вообще происходит в этом кабинете.

Она швырнула на стол газету. Целую страницу занимало огромное объявление такими крупными литерами, что их прочитал бы и слепец, и ребенок, только-только научившийся складывать слоги.

«Мариса Крафт, лучшая колдунья королевского магического агентства, грядущей осенью выходит замуж за Харви Крейва, старшего партнера юридической конторы «Парнас и Крейв».

Но самое отвратительное – хуже просто не придумаешь, – после заметки с газетного листа мне подмигивала гравюра кудрявой ведьмы, сделанная в Блэкроке! Себе-то Харви выбрал приличный портрет, на котором выглядел тем самым старшим партнером юридической конторы с площади Трех драконов.

– Что скажете? – призвала к ответу Шербон, словно узнала не о гипотетическом замужестве подчиненной, а о ее аресте во время отпуска.

Что тут скажешь? Твою ж мать!

– Простите, госпожа Крафт?! – подавилась воздухом мадам.

Догадавшись, что снова заговорила вслух, я перевела ошарашенный взгляд на начальницу и уверила:

– Не вашу мать, мадам Шербон! Истину говорю, что не вашу.

Никогда не видела, чтобы она багровела, но сейчас нос и щеки действительно горели, как сигнальные фонари. Длинные сережки в ушах подрагивали, словно вся мадам затряслась от возмущения.

– Только искренние извинения помогут вам сохранить место, – с пафосом и официозом провозгласила она. – Вы, госпожа Крафт, недостойны называться королевской колдуньей!

Мадам ткнула в мою сторону пальцем. Он тоже трясся. И при взгляде на этот палец у меня случилось помутнение рассудка.

Накатывало оно стремительно: в глазах потемнело, внутри забурлило.

– Недостойна называться? – Я медленно поднялась, оправила платье и рывкнула: – Это я-то недостойна?! Шесть лет горбатилась на корону, ни одной жалобы, но вместо благодарности вы меня оскорбляете?

– Да как ты смеешь? – прошипела мадам и, опершись ладонями о стол, начала поднимать худой зад с кресла.

– Сядьте, я еще не договорила! – Я ткнула пальцем в сторону кресла, и от изумления начальница действительно плюхнулась обратно. – Что вы там еще говорили? Посвящать себя службе? Жить в конторе? Да Мерлин выезжал на одно задание в неделю, чтобы вас умаслить, и сбежал на другой конец королевства, едва возможность подвернулась. В здравом уме никто не захочет работать с такой злобной ведьмой, как вы!

Чувствуя, что от злости из ушей скоро повалит дым, я уперла руки в бока и перевела дыхание.

– Знаете, госпожа Шербон, это не вы меня выставляете, я сама ухожу в отставку! И еще... – Я схватила со стола газету. – Мне надо кое-куда съездить, а заявление напишу завтра!

– Костями лягу, но ни в одно приличное магическое агентство тебе не дам устроиться! – в ярости закаркала она. – Нашлась тут лучшая колдунья!

За моей спиной с треском захлопнулась дверь. Грохот разнесся по всему коридору. Надеюсь, что стены в кабинете содрогнулись и портрет короля упал аккурат на мадам.

– Лучше бы тебе сейчас быть в этой своей конторе, Харви Крейв! – цедила я сквозь зубы, как фурия, летя по коридору.

У главного входа по-прежнему стояла вереница черных карет с затемненными стеклами и эмблемой королевского магического агентства на дверце. Пользоваться служебным транспортом для личных покатушек по городу строжайше запрещали под угрозой отставки, но раз я собралась сама себя выгнать со службы, то можно и вкусить на дорожку бесплатных благ.

– Едем! – скомандовала я вознице, забираясь в ближайший экипаж, и хлопнула дверцей.

Успела расправить юбку, сложить руки на груди, а карета стояла на месте. Пришлось вывернуться на сиденье, отодвинуть заслонку и

деловито уточнить у затылка непонятливого кучера:

– Чего стоим? Кого ждем? Все уже в салоне.

– А ехать-то куда? – прогудел он, глянув искоса в решетчатое окошко.

Хороший вопрос!

– На площадь Трех драконов, – пробормотала я.

Контора Харви находилась в самом сердце делового центра Гранаха, и появление черной кареты с гербом магической помощи заметили все. В смысле, все, кто успел. Мы выкатили на площадь с залихватской резвостью, словно за экипажем гналось полчище демонов. В общем, как обычно.

Экипаж остановился так резко, что меня качнуло сначала вперед, потом назад и с силой прижало к деревянной спинке. Откуда-то бахнула отборная ругань. Видимо, мы заняли чье-то облюбованное место.

– Приехали, госпожа колдунья! – оповестил возница через оконце, словно не слыша, что его на разные лады костерят.

Прилизав ладонью вставшие дыбом кудри, с самым мрачным видом я выбралась на пешеходную мостовую. Недовольные нашим явлением, а их оказалось целое трио приличных с виду господ и одного кучера с побагровевшей физиономией, с самым озабоченным видом разошлись в разные стороны. Один даже поздоровался.

Контора Харви занимала целый этаж. Гостей встречала крикливая надпись объемными золотыми буквами, пересекающая облицованную мрамором стену: «Парнас и Крейв». В длинном коридоре не было дверей, так что мой гордый проход из кабинетов увидели и оценили абсолютно все служки в деловых одеждах. Ведьма выделялась на их фоне, как черная ворона в стае сизых голубей.

Со злосчастной газетой, свернутой трубочкой, я ворвалась в приемную известного судебного заступника, только-только вернувшегося из северных земель. Новый секретарь, молодой человек в отлично скроенном костюме, находился в большой запарке. Он поднял голову от каких-то бумаг, остановил взгляд сначала на магической палочке, потом посмотрел мне в лицо и вскочил из-за стола:

– Госпожа Крафт!

– Когда мы успели познакомиться? – Я выразительно изогнула брови.

– Я знаю вас по гравированной карточке, – без смущения заявил он. – К нему нельзя! Не тогда, когда у вас такое лицо, будто вы хотите сорвать с пояса магическую палочку!

– Так и есть. – Я потрясла газетой. – Вы совершенно правы, мой незнакомый друг.

– Мне известны все статьи, по каким колдуний лишают магической лицензии! – заявил он, видимо, намекая, что угроза его ненаглядному шефу грозит большими неприятности.

– И именно поэтому я тебя нанял, – прозвучал из кабинета низкий голос Харви. – Пропусти мою невесту.

Секретарь расставил руки, грудью защищая неплотно закрытую дверь, и заявил:

– Госпожа колдунья, я не имею права ослушаться приказа, но вы сдадите артефакт. В конторе строгое правило: никакого магического оружия в кабинете у господина Крейва.

– Правило ввели только что? – уточнила я и исключительно из здравого смысла отстегнула палочку от пояса. – Следи за ней.

– Как за своей собственной! – поклялся парень, с пиететом наблюдая, как грозный артефакт ложится на его стол. – Спасибо.

– Не за что.

Полагаю, он все-таки благодарил не меня, а милосердного бога за то, что сегодня в новой конторе известного судебного заступника все-таки не случится магической катастрофы.

Кабинет Харви разительно отличался от кабинета моей уже бывшей начальницы: дорогой, по-мужски элегантный, пахнущий древесным благовонием, с тяжелой мебелью красного дерева. И никаких портретов его величества на стене.

Демон юриспруденции развалился в кресле за широким письменным столом, потирал пальцем нижнюю губу и пристально наблюдал, как я шагаю по ворсистому ковру.

– Я ждал тебя к обеду, Мариса. Даже заказал столик в ресторации.

– Удалось вырваться из конторы пораньше, Харви, – процедила я.

– Тебе необычайно идет форма, – проговорил он с полуулыбкой, бросив из-под ресниц горячий взгляд.

– Почему ты не подумал, как сильно мне идет форма, когда сотворил вот это! – Я грохнула газету на стол. – Мне пришлось уйти в отставку!

Вообще-то Харви соображал быстро, но не сегодня. Осознание, что где-то он немножко напортачил, приходило с черепашьей скоростью. Он выпрямился в кресле и произнес:

– Тебе же обещали повышение.

– Да, но мадам Шербон так обрадовалась моему лицу в своей любимой утренней газете, что не оставила выбора. Не понимаю, почему именно «Новости Гранаха», других газет не нашлось?

– Ее читают все.

– Вот именно! Разве нельзя просто поговорить о свадьбе без свидетелей?

Никогда не могла представить, чтобы у Харви сделался дурацкий вид, но – прости господи – именно так мой жених и выглядел – донельзя обескураженным.

– Нет, такой вариант у меня тоже был...

– Так что тебе помешало его воплотить в жизнь?

– Ты сказала, что мне следует поменять манеру делать предложение руки и сердца.

– И поэтому ты рассказал о нем всему городу, даже не спросив моего согласия? Ты неисправим, Харви Крейв! И любовь к эпистолярному жанру из тебя можно выбить только магической палочкой!

– То есть ты мне отказываешь?

– О нет! – Я обошла стол и, опершись о столешницу, наклонилась к Харви: – Я без сомнений выйду за тебя замуж. Безработная ведьма с кучей свободного времени и рассрочкой на магическую палочку просто обязана испортить жизнь человеку, который сорвал ей повышение. Шесть лет коту под хвост!

Он ловко схватил меня за руку. Охнув, я потеряла равновесие и, прямо сказать, не особенно грациозно плюхнулась ему на колени. Впрочем, Харви это нисколько не смутило. Крепко прижав меня груди, он накрыл мои губы глубоким поцелуем. Умеет мужчина отвлечь разъяренную колдунью от мстительных мыслей.

– Знаешь, Мэри, – наконец вымолвил он, – мне в голову пришло...

– Тебе пришло в голову именно сейчас? – возмутилась я тем, что он прервал поцелуй ради непонятно чего.

– К черту королевскую службу! Просто открой свое магическое агентство. Уверен, у тебя все получится.

– Какое еще агентство, Харви... – поморщилась я.

Но перед мысленным взором уже появились пыльные окна конторки недалеко от служебного здания, полгода ожидающей новых арендаторов. Мигом представилось, как каждое божье утро ведьма Шербон будет проходить напротив этих самых окон и скрипеть зубами от злости. Сплошные плюсы!

– А идея-то неплохая, – протянула я. – Поможешь с разрешением?

– Ты просишь меня как будущего мужа или как своего судебного заступника? – неожиданно таким деловым тоном уточнил он, словно уже выписывал счет за услуги, пусть и со скидкой.

– Харви, – ласково улыбнулась я, – только попробуй озвучить сумму гонорара, и я решу, что до свадьбы ты ночуешь в своих апартаментах. И ты пока плохо представляешь, какой долгой бывает помолвка, если невеста лично занимается разрешением на частную магическую практику.

– А вы знаете толк в том, как вести переговоры, госпожа Крафт, – стараясь подавить ироничную улыбку, протянул он.

– Господин Крейв, у вас все в порядке? – Забыв постучаться, обеспокоенный секретарь заглянул в кабинет и прервал наши, несомненно, важные переговоры. – Тут к вам...

По всей видимости, он ожидал увидеть на ковре труп придушенного голыми руками судебного заступника и беззвучно рыдающую над ним ведьму и никак не обнаружить нас, воркующими в одном кресле.

– Простите! Я честно ничего не видел! Продолжайте.

Он втянулся обратно в приемную и прикрыл дверь.

– Понятливый парень, – хмыкнул Харви. – Это мне в нем особенно нравится.

– И что он точно не захочет за тебя замуж. Сплошные плюсы.

Отставка из королевского магического агентства прошла тихо. И заочно. Харви взял на себя встречу с ведьмой Шербон. Мадам, похоже, так восхитилась беседой с лучшим судебным заступником северных земель, что на дорожку наградила меня не проклятьями, а выходным

пособием и предложила оставить служебную форму в качестве – нет, не свадебного подарка, – а моральной компенсации.

Деньги пошли на аренду той крошечной лавчонки, закрытой бог весть в какие времена и гордо смотрящей на здание бывшей конторы, а черное платье с тяжелым колпаком отправились к мадам с посыльным. В смысле, с секретарем Харви, привезшим мне ранним утречком разрешение на частную магическую практику.

Я полчаса с восхищением разглядывала свое имя, написанное только-только высохшими чернилами, и на свежую сургучную печать королевской канцелярии. Пришло время для больших свершений! Но для начала стоило хотя бы убраться в конторке...

В последнюю декаду августа лето решительно наверстывало упущенное время и выдавало одним махом все припрятанные теплые дни. Солнце нагревало каменные улицы Гранаха. Бледное небо также невыразительно смотрело на людей и не понимало, почему город снова недоволен.

– Это не свадебный салон, – прокомментировала Эмма, когда мы втроем торжественно встали перед облезлой дверью в мое будущее магическое агентство.

О том, что я выхожу замуж, мы с подругами узнали приблизительно в одно и то же время. Но, в отличие от меня, ни Эмма, ни Харриет нисколько не удивились.

Мама выяснила эту замечательную новость на пару часов раньше. Как на грех, она предпочитала читать «Новости Гранаха» за утренним кофе и давно выдрессировала почтальона приносить газету ровно к завтраку. Собственно, увидев объявление с кривым портретом, этим самым кофе она и подавилась. Честное слово, у меня даже появилось подозрение, что они с Шербон – ментальные сестры.

Вечером матушка уже стояла на пороге моей квартиры и прямо из дверей вычитывала мораль, что родная дочь едва не довела ее до погребальной урны. Только ужин с будущим зятем в дорогой ресторации сумел примирить ее с мыслью, что замечательную новость она узнала вместе со всем остальным светом.

– Позвольте представить частное магическое агентство Марисы Крафт! – торжественно объявила я подругам, вытаскивая из ридикюля тяжелый фигурный ключ.

В гробовом молчании те обозрели полинялый фасад, пыльные ступеньки и грязные окна. На одном по-прежнему сиротливо висела табличка «Сдается в аренду», а на другом стояло засохшее растение.

– Божечки мои дорогие. Мэри, ты что, подала в отставку? – наконец пробормотала Харриет. – А как же рассрочка на магическую палочку?

– Выкупила, – соврала я.

– А повышение? – в свою очередь спросила Эмма.

– Мими, у меня теперь собственное агентство, – буркнула я, пытаюсь повернуть ключ в замочной скважине. – Куда уже выше? Оно, конечно, пока выглядит не очень, но после уборки засияет новыми красками.

Уверена, привести конторку в порядок не займет много времени. Если работать слаженным трио. Не то чтобы я рассчитывала на помощь, но ведь Харриет прекрасно умеет красить. Она каждый день с мальчиками что-то рисует акварельными красками. Говорит, что занятие успокаивает нервную систему. Я оставалась с Рупертами-младшими и знаю, сколько раскрасок нужно заштриховать, чтобы перестать дергать глазом. Лучше красить конторские стены!

– Полагаю, самое время оформить страховку на случай банкротства, – философски протянула Эмма.

– Типун тебе на язык, Мими! – охнула Харриет.

В этот момент я подналегла на дверь и отломала ручку.

– И от случайной смерти в развалившемся здании, – немедленно заговорил зубастый страховой агент в лице лучшей подруги Эммы Уилсон.

Дверь открылась с протяжным скрипом, и от сквозняка в глубине помещения что-то с грохотом упало. Надеюсь, не отвалился кусок стены.

– Добро пожаловать, – с пафосом пригласила я подруг и, войдя, первым делом сняла с подоконника пыльное объявление о сдаче помещения в аренду. – Что скажете?

Харри ничего не сказала, а только громко чихнула, но по звуку было слышно, что исключительно одобчительно.

– Как ты его решила назвать? – любопытствовала Мими, пальцем проверяя толстый слой пыли на подоконнике.

– Кхм, – протянула я. – «Мэри Крафт»?

– И Харриет, – добавила госпожа Руперт, с зачарованным видом разглядывая замызганный конторский стол, стоящий отчего-то поперек комнатухи. – Я тоже хочу в этом участвовать. Честно говоря, во вторник я подала прошение на возвращение магической палочки. Скоро экзамен.

– А как же дети? – изумилась я.

– О, мальчики со следующей недели идут в детский сад. Эдвард убедил мадам Гатри, что наши дети – сущие ангелы.

При воспоминании о трех ангелочках, едва не улетевших в небеса на крылатой повозке, у меня вырвался странный смешок.

– Как он сумел?

– Конечно, пригрозил проверкой, – с довольной улыбкой вздохнула Харри. – Он сейчас такой деятельный, так надрывается... Вот что делает с мужьями животворящий испытательный срок! Смотрю – и сердце радуется. Вчера научился мыть посуду. Разбил всего две тарелочки. Позавчера покушать приготовил, и мы все так чудесно посидели в соседней с домом ресторации.

– А его мама? – осторожно спросила я.

– Сейчас с большим удовольствием приглядывает за внуками. Очень боится, что сын вернется к ней жить.

– «Мэри и Харри», – пробормотала я, осторожно носом туфли отодвигая в сторону какой-то брусок. – Мне нравится.

– «Мэри, Харри и страховой агент Эмма Уилсон», – с независимым видом договорила Мими.

– Эмма, ты тоже подала в отставку? – вытаращилась я.

– Меня повесили на доску позора. Посчитали десять сломанных в Блэкроке ног и две руки, – сухо напомнила она о несчастных танцорках, во время прогулки свалившихся с ездового дракона. – Никого не смутило, что на прошлой неделе я застраховала тридцать девять пальцев у четырех музыкантов. Каждый, заметьте, отдельно!

Некоторое время я в молчании переваривала информацию, а Харри с задумчивым видом пересчитывала пальцы у себя на руках.

– Мими, я что-то понять не могу, а почему тридцать девять? – отчаялась она.

– Один играет на барабанах, решил, что без мизинца, в случае чего, проживет, – проговорила та. – Но велик шанс, что еще передумает и вернется.

– Тогда не будем терять время! – решительно кивнула Харриет, сняла с головы шляпку и неожиданно повелительным жестом матери троих детей указала на меня: – Мэри, расчехляй магическую палочку...

Новость о том, что под боком королевского магического агентства открывается маленькая нахальная конторка, взбудоражила моих бывших сослуживцев. Они с любопытством проходили рядышком, следя за самым скоростным ремонтом, который видел Гранах. За две недели помещение полностью преобразилось и теперь радовало глаз свежими стенами, обновленной дверью и воскрешенным с помощью магии цветком.

Мебель привезли из юридической конторы «Парнас и Крейв». С честным лицом я поклялась Харви вернуть все до последней табуретки, как только заработаем с подругами на собственную обстановку, но – буду честной – никто не возвращает столы из красного дерева с зеленым сукном и удобные кресла для клиентов, обитые выделанной кожей. Мысленно я уже решила, что это мой подарок к свадьбе.

Ведьма Шербон пожаловала сразу после официального открытия. Ну как пожаловала... Я открыла окно, стараясь изгнать запах краски из крошечной приемной, где еще не ступала нога ни одного клиента, а она стояла на пешеходной мостовой и брезгливо разглядывала изящную вывеску «Мэри, Харри и страховой агент Эмма Уилсон».

– Доброе утро, мадам Шербон! – с милой улыбкой громко поздоровалась я.

Мадам одарила меня презрительным взглядом, поджала губы и повернулась прямой, как доска, спиной.

– Кажется, ей совершенно не понравилось, – забеспокоилась Харри, подскочившая к окну.

Вместе мы следили, как старшая ведьма королевского магического агентства черной тучей плывет к невзрачной служебной карете. Неужто окончательно распугала всех магов и теперь сама каталась на вызовы? Искренне на это рассчитываю.

– Ей совершенно не понравилось, – счастливо протянула я. – Поверь, это хороший знак!

Неожиданно в окне, как черт из табакерки, появилась Эмма. Она избавилась от кудряшек, но вернула отпускные платья в горошек и тем

самым маскировала агента, способного застраховать в Блэкроке море.

– Божечки, напугала! – охнула Харриет, прижав руку к сердцу.

– Оно вышло! – торжествующе объявила подруга и продемонстрировала утренний номер «Новостей Гранаха».

Разложив газету на столе, мы склонились над третьей страницей. В маленькой рамке возле живой гравюры летающей телеги было помещено объявление о том, что открылось наше агентство. «Что не исправить магией, можно застраховать!» – гласило оно.

– Ну... по-моему, неплохо, – протянула я.

За нашими спинами раздалось тихое покашливание. Мы дружно повернулись. В дверях стоял невысокий благообразный господин в костюме и с газетой в руке. Той самой, с объявлением.

– Здравствуйте, – тихим, вкрадчивым голосом поздоровался он, аккуратно разглядывая скромную комнату с неприлично дорогой мебелью.

– Вы по объявлению? – Харриет даже не поверила, что мы почти окупили деньги, вбуханные в короткие строчки мелким шрифтом.

– Я к госпоже Крафт, – пояснил визитер, видимо, пытаюсь выяснить, кто из нас троих самая главная ведьма. – От Харви Крейва.

– Добро пожаловать, – синхронно расплылись мы в милых улыбках. Главное, чтобы наш первый клиент не решил, что его собираются облапошить и развести еще и на страховку.

Прихватив газету, подруги немедленно отправились в соседний кабинет, отданный Эмме. Проходя мимо господина, Харриет многозначительно поправила на поясе пристегнутую магическую палочку, тонко намекнув, что в нашей конторе не одна, а целых две дипломированные колдуньи с кристально чистой, ничем не запятнанной лицензией.

– А хотите травяного чая или холодной воды? – вновь заглянула Мими.

– Благодарю, но не стоит, – отказался мужчина, устраиваясь на стуле.

– Тогда, может, страховку?

– От чего? – не понял он.

– От всего.

Я состроила страшные глаза, предлагая зубастому страховому агенту Эмме Уилсон немедленно заснуть и не пугать хорошего

человека. Страховой агент ответил не менее выразительным взглядом, намекая, что горного дракона ноги и сноровка кормят.

– Что ж, я удалюсь, – пропела она, но тут же напомнила: – Если что, заходите в кабинет по соседству.

Дверь закрылась. Я торжественно уселась за стол и почувствовала себя если не секретарем Харви, то где-то очень близко.

– Знаете, госпожа Крафт, обычно мы обращаемся в агентства покрупнее, не примите на свой счет, но господин Крейв поручился, что его невеста – опытная, а главное, не болтливая колдунья, – начал визитер. – У моего хозяина исключительно деликатная проблема.

– Скажу больше, я вообще могу притвориться глухонемой и изобразить амнезию, если так хочет клиент, – уверила я. – Какого толка проблема?

– Он страдает от ночных кошмаров и постоянно слышит во сне женский голос, – тихо проговорил господин.

Вообще от ночных кошмаров отлично помогала успокоительная настойка, но такой совет мог обогатить аптекаря, а не колдунью, только-только открывшую свое агентство.

– Всего-то? – улыбнулась я. – Когда ваш подопечный готов встретиться?

Господин вытащил из внутреннего кармана пиджака личную карточку. Фамилия и инициалы, написанные на белом прямоугольнике бархатистой бумаги, не говорили мне ровным счетом ничего. Однако измученный потусторонними голосами товарищ проживал в респектабельных предместьях Гранаха, где с незапамятных времен жили старые аристократические семьи. Клочок земли там стоил как все здание королевского магического агентства, вместе взятое.

– Он ждет вас сегодня после обеда.

В середине дня я выходила из наемного экипажа перед потемневшим от времени каменным особняком с остроугольной башней, покрытой серой черепицей. Вид у аристократического гнезда, прямо сказать, был пугающий, в таких часто неожиданно пробуждались духи давно почивших родственников и изводили тех, кто изволил остаться в живых.

Подхватив длинный подол черного платья, я поднялась по широкой лестнице. Дверь открыл лакей и без вопросов пропустил

меня в мрачный темный холл, завешанный такими же потемневшими от времени портретами.

Невольно я принялась осматриваться, пытаюсь отыскать признаки присутствия какой-нибудь inferнальной бабушки.

– Вас ожидают, госпожа колдунья, – проговорил слуга, указывая на закрытые двустворчатые двери.

Я вошла в богато обставленную гостиную, озаренную солнечным светом. В кресле с высокой спинкой вольготно развалился Паскаль в черном шелковом халате.

Глава 10

Свадебный переполох

Некоторое время в гробовом молчании мы разглядывали друг друга. Должна сказать, в отличие от моего побледневшего и почти смытого, его загар все еще держался! Он словно только вчера вернулся из Блэкрока.

– Почему ты мне кажешься такой знакомой? – прервал он долгое молчание.

Узнал!

– На мальчишнике встречались, – ляпнула я.

– Серьезно? – выпучился он.

А нет, не узнал... Похоже, у человека проблемы с памятью почище наших с подругами. Мы до сих пор не до конца вычислили, что, собственно, случилось в ту злосчастную ночь в Блэкроке, самым причудливым образом перевернувшую наши жизни.

– Мариса, – представилась я.

– Паскаль, – отозвался он, но не подумал встать, чтобы пожать руку за очное знакомство, так сказать. – Харви действительно решил жениться на колдунье? А где твой колпак?

– Кому нужен колпак, если у меня есть магическая палочка?

– Логично, – кивнул он, выпрямляясь в кресле, и поправил разошедшийся на груди халат, словно упоминание о грозном артефакте моментально вернуло ему чуточку манер. – Знаете, госпожа колдунья, у меня большая проблема. Харви сказал, что вы непременно сумеете ее решить.

С чопорным видом присев на диван, я стянула черные, под цвет платья, перчатки и вопросительно изогнула брови, предлагая продолжать.

– Я все-таки женился после того мальчишника.

Ну, я в курсе и даже была в самом эпицентре событий.

– Поздравляю.

– Не стоит. – Он покачал головой. – Вчера мы развелись. Понимаете, так случается, что после медового месяца начинается

первая неделя семейной жизни, и она оказывается хуже, чем предполагалось до свадьбы.

– Сочувствую.

– Не стоит, ваш жених помог составить чудный брачный договор.

Может, права Эмма и мне стоит застраховаться на случай развода? Вдруг и со второй попытки у нас с Харви случится не семейная жизнь, а коллективное разочарование? Так хоть денег с королевского страхового агентства стрясу.

– Проблема в том, что теперь каждую ночь во сне я вижу бывшую супругу, – понизив голос, точно нас подслушивали слуги, пожаловался Паскаль. – Она мне снится в беспрерывном кошмаре. Все время чего-то требует, требует, а начинается все с женского голоса. Когда я засыпаю, он так сладко-сладко шепчет: «Спи! Завтра женишься, приключения закончатся, и будет сниться только супруга».

Я почувствовала, как начинаю меняться в лице. Черт возьми, боже мой! Когда мы вытаскивали из ванны тело Паскаля, в смысле, спящего Паскаля, каким-то неведомым образом мне удалось его заговорить.

– Как думаете, госпожа колдунья, мне поможет магия? – перешел он на полный официоз.

– Безусловно, уважаемый Паскаль, – ласково кивнула я. – Магия всегда помогает.

– Да? – обрадовался он. – Что мне нужно сделать?

Поднявшись с дивана, я поправила воротничок, отстегнула от пояса магическую палочку и с видом лекаря по душевным болезням вымолвила:

– Вам нужно просто расслабиться и получать удовольствие. Откиньтесь в кресле, уважаемый пациент... клиент... В общем, откидывайтесь!

Он уселся поудобнее и в предвкушении смежил веки. Острие магической палочки вспыхнуло золотистым свечением, озарило загорелое лицо неудачливого жениха. Только я хотела поднести кончик палочки к виску мужчины, чтобы стереть неожиданное воспоминание о том, как мы таскали несчастного по гостиной «Ваенды», как этот самый несчастный вдруг открыл глаза и попросил:

– Госпожа колдунья, а можно сделать так, чтобы женский голос по-прежнему меня усыплял.

– Зачем, бога ради? – изумилась я и даже потушила палочку.

– Да привык уже. Только пусть говорит что-нибудь приятное, вроде: «Ты самый обаятельный, привлекательный и сексуальный. Женщины тебя, Паскаль, обожают».

– Любой каприз за ваши шиллинги, – улыбнулась я.

Все шесть лет службы в магическом агентстве мечтала сказать эту фразу!

– Сколько? – полюбопытствовал Паскаль.

– По двойному тарифу.

– И всего-то? – Он довольно улыбнулся. – Я бы и тройной заплатил. Действуйте!

Не зря говорят, что скромность до добра не доводит. Никаких материальных благ с ней не наживешь! Надо было просить больше. Гораздо больше! Потому что за следующий месяц пришлось три раза приезжать в старый особняк и приговаривать разные глупости, поднимающие мужскую самооценку разведенного аристократа. Совершенно бесплатно!

Не знаю, что именно нам с подругами помогло: объявление в «Новостях Гранаха», Харви, небрежно присылающий новых клиентов, или восторженные отзывы Паскаля, самым нахальным образом вытрясающего из меня бесплатное колдовство (ведь я уже заплатил по двойному тарифу, госпожа ведьма!), но маленькое гордое агентство магической помощи постепенно ожило. Назло мадам Шербон! У меня даже появился ритуал: каждое утро я поливала цветок на подоконнике и злорадно ухмылялась в сторону здания бывшей службы.

За этим самым окном постепенно уходило лето и расцветала осень. Подготовка к свадьбе шла своим чередом. Практически без моего вмешательства. Ведь, как однажды глубокомысленно изрекла Эмма, в первом часу ночи выходящая из маленького кабинета: если думаешь, что скучно живешь, – открой свое собственное дело.

– Когда у тебя примерка платья? – как-то вечером вдруг спросила Харри, закусывая домашним печеньем.

– Какого еще платья? – вытаращилась я.

– Божечки мои дорогие, Мэри, свадебного! – охнула подруга. – Ты же помнишь, что выходишь замуж? У меня даже мальчики ждут, когда снова вернутся в Блэкрок.

Церемонию решили провести на тропическом острове и только для своих. У Харви нашлось столько «своих», что не уверена, вместятся ли все в арендованный гостевой дом.

– На следующей неделе, – медленно протянула я, вдруг понимая, что забыла о чем-то важном, что непременно нужно было сделать днем, но о чем именно, никак не удавалось выудить из головы.

– Кстати, вы начали рассылать приглашения? – заглянула к нам Эмма.

– Приглашения... Вспомнила, что забыла! – Практически в ужасе я вскочила из-за стола, заставив Харриет подавиться печеньем. – Я забыла Харви в свадебном салоне! Мы должны выбрать приглашения.

– Ой, не переживай, Мэри, – хмыкнула Эмма. – Харви большой мальчик и наверняка найдет дорогу домой.

– Да, но приглашения сами себя не выберут, – пропыхтела я, с третьей попытки засовывая руку в узкий рукав плаща.

Харви Крейв никогда не ждал. Уверенная, что он давно уехал по важным заступническим делам, на полных парусах я влетела в помпезный зал для гостей в свадебном салоне «Фея в белых кружевах» и обнаружила чудную картину. Между двумя портняжными манекенами в свадебных платьях, сложив ногу на ногу, в глубоком кресле восседал мой жених. Вид у него был непроницаемый, взгляд – убийственный.

Игнорируя и взгляд, и вид, и дух витающего в воздухе скандала, я широко улыбнулась и пропела:

– Харви, ты все еще здесь!

Он многозначительно посмотрел на круглые настенные часы и перевел на меня взгляд:

– Здравствуй, Мариса.

Харви был в гневе, и это не обсуждалось. Я всегда страшно обижалась, если он уезжал, не дожидаясь, но теперь-то понимаю: мне просто нечеловечески везло!

– Госпожа невеста, – в зале появилась организатор свадьбы, светловолосая женщина в неизменном бежевом костюме и с такой же неизменной помощницей за правым плечом, по пятам следующей за хозяйкой, – вы все-таки пришли! А мы уже почти не ждали.

Не знаю, как насчет именно вас, но жених настырно ждал, чтобы потом своим недовольным видом давить на совесть. Интересно, если бы я не вспомнила, он изображал бы манекен до ночи?

– Давайте выбирать приглашения? – нервно игнорируя черную тучу, витающую вокруг ненаглядного жениха, бодро предложила я.

– Уже, – отозвалась эта туча и аккуратно сняла с рукава дорогого пиджака невидимую ниточку.

– Прекрасно. – Я сложила ладони. – Так какого же цвета у нас будут приглашения?

– Черные, – уронил он.

Перед мысленным взором появился черный прямоугольник с золотыми блестящими буквами. Этаким рупор скорби, манифест о том, что лучший судебный заступник северных земель сошел с ума настолько, что решил покончить со свободной жизнью.

– Харви, я не пойму, ты людей на свадьбу зовешь или на похороны своей холостой жизни?

– Мариса, учитывая твою пунктуальность, – тоном судебного обвинителя вкрадчиво заговорил он, – придется устроить поминки по нашей свадьбе. Я предположил, что стоит заранее намекнуть людям, что, возможно, они попадут не на тот праздник, на какой рассчитывают.

– Слушай, Харви, я опоздала-то самую малость, – почти обиделась я.

– На четыре часа, – педантично уточнил он.

– Зато ты успел попить кофе!

– Шесть раз, – добавил он.

Господи, да сколько же в него поместилось? Сердечко не заколотилось? Видимо, нет.

– Приглашения белые! – с вежливой улыбкой резко вклинилась в спор организатор. – Господин Крейв сказал, что вы наверняка выберете белый цвет.

– Потому что у вас всегда были проблемы с воображением, – зачем-то поддакнула ее помощница.

– Господин Крейв, тебе вообще не страшно говорить такие вещи о девушке с магической палочкой на поясе? – тихо намекнула я, что фантазии, в отличие от свободного времени, у меня как раз целая подвода и еще маленькая тележечка.

– Раз с приглашениями разобрались, когда запланируем поездку к кондитеру на дегустацию тортов? – снова вставила организатор.

Какой кощунственный вопрос девушке, сидящей на диете «ешь меньше»! Я представила нежные пралине, кремовые розочки и прочие сладкие соблазны, сглотнула слюну, вдруг вспомнив, что не обедала, и усилием воли выдавила идиотскую улыбку:

– А можно прислать дегустаторов?

– Но платье, надеюсь, вы померите лично? – немедленно уточнила организатор.

– Рассчитывайте на меня. – Я сжала кулак, демонстрируя желание сотрудничать, и постаралась не заметить, что Харви с трудом сдерживает смех.

Вот зачем ему понадобилась пышная свадьба? Он же судебный заступник и должен знать, как быстро его клиенты и лучшие друзья разводились после людного торжества! Особенно Паскаль об этом может много рассказать.

Но когда из дождливого Гранаха мы вернулись на солнечный остров, где краски казались ярче, небо насыщеннее, а зелень сочнее, то недовольство, накопленное за суматошные дни подготовки, растаяло.

Репетиция свадебной церемонии прошла прекрасно. Помня о летних приключениях, мы отменили мальчишник. И девичник тоже. К обряду никто не пропал, не сгорел на солнце и не сбежал на летающей повозке перед, что называется, финишем холостой жизни. Однако проклятие Блэкрока, когда все хорошее идет не по плану, а через то место, на котором приличные колдуньи сидят, снова меня настигло...

– Что это? – Чувствуя, как меняюсь в лице, я рассматривала портняжный манекен, с которого, в прямом смысле слова, свисало свадебное платье.

– Ваше платье, – ласково оглаживая нагромождение кружев, пояснила помощница организатора, отвечавшая за доставку наряда из столицы. – А что-то не так?

В растерянности я посмотрела сначала на Эмму, с задумчивым видом потирающую подбородок, потом на нахмуренную Харриет и уточнила:

– Все так. Но это не мое платье.

– Да быть не может! Мы же не могли перепутать, совершенно невозможно! – усомнилась помощница в моем душевном здоровье.

Учитывая, как я готовилась к самому серьезному дню в своей прожитой жизни, она, похоже, давно посчитала меня чуточку сумасшедшей. А как быть в себе, если полдня носишься по окрестностям Гранаха и размахиваешь магической палочкой, пытаешься осчастливить несчастных клиентов?

Девушка начала судорожно перебирать страницы с планом свадьбы. Дойдя до нужной страницы, она замерла и мгновенно побелела:

– Ой!

– И где мое платье? – с улыбкой уточнила я.

– Уехало в северные земли.

– А я-то удивилась, почему ты решила быть похожей на свадебный торт, – как всегда умело «поддержала» подругу Эмма. – Даже интересно, а что будет с твоим платьем делать другая невеста.

– Не переживайте, дамы! – забормотала помощница. – Мы обязательно что-нибудь придумаем!

– Уже придумали, – с мрачным видом резюмировала я. – Придется кроить.

– У меня с собой есть иголка с ниткой, – припомнила Харриет. – Или помашешь магической палочкой?

– Ниткой как-то надежнее, – заметила Эмма.

– Я не пойму, вы не верите в мое умение колдовать? – возмутилась я и уже ради принципа решительно вытащила из сумки магическую палочку.

В платье с чужого плеча я сделалась похожей на милую зефирку, украшенную взбитыми сливками. Светящийся конец артефакта выписал в воздухе сложный знак, по кружевам побежала золотистая искра, и наряд начал меняться. Ткань затягивалась на талии, удлинялся подол, прикрывая туфли на высоких каблуках, а корсет так плотно обхватил грудь, что выбил из меня писк и последний вздох.

Некоторое время в гробовом молчании мы дружно разглядывали отражение в зеркале. С улицы доносилась торжественная музыка, намекающая, что всех гостей просят явиться на церемонию, а невеста походила на принцессу-переростка. Сходство было тем сильнее, что на собранных в элегантную прическу волосах скособочилась тиара, похожая на корону.

– Думаете, до конца церемонии продержится? – с надеждой спросила я у подруг.

– Нет! – неожиданно рявкнула Харриет командирским голосом.

– Нет?! – даже возмутилась я.

Оказалось, что мать троих детей до пояса вылезла из окна и костерила троих малолетних хулиганов, тихонечко прокравшихся к пруду возле домика невесты. Они с азартом швыряли в воду камушки, стараясь попасть в самый крупный розовый цветок, плавающий на поверхности воды.

– Мальчики, немедленно отойдите от воды! Вам еще шлейф нести и лепестки раскидывать! Куда смотрит ваш отец? Кому сказала?!

Мальчишки с ангельским видом дружно обернулись, спрятали руки за спину и отрапортовали в три голоса:

– Мы ничего не делаем!

Они стояли спиной к пруду и не видели, что тот самый крупный цветок вдруг дернулся. Из воды медленно, но верно поднималась знакомая ноздрястая морда дракона с налипшим на макушке лотосом. Постепенно высывалась длинная шея, тело с зачатками крыльев.

Не придумав ничего получше, я высунулась из окошка, подняла вверх магическую палочку, и из острия вырвалась яркая сигнальная вспышка. Она басовито разорвалась в воздухе, словно фейерверк по ошибке запустили не в темноте, а под занавес дня, когда солнце начинало медленно окунается в море.

Давно уже пуганный дракон, догадавшись, что снова нарвался на колдунью, вылетел из озера. Дети завизжали от восторга. Сверкнула яркая ослепительная вспышка, заставившая меня сощуриться. В глазах потемнело, и в голове с бешеной скоростью замелькали картинки. Воспоминания о напрочь забытой ночи сменяли одно другое, становясь с каждой минутой все краше и краше...

В следующий момент я осознала себя стоящей под цветочной аркой напротив элегантно одетого Харви. Перед глазами чуточку плыло, словно от душного коньячного хмеля. С диковатым видом посмотрела на руку с тонким обручальным кольцом.

Шаман с горы Блэкрок, когда-то напороочивший мне примирение с бывшим женихом, многозначительно улыбался. Сидящие на плетеных стульях гости настороженно молчали и чего-то ждали. Подруги делали мне какие-то знаки руками, дескать, не молчи,

Мариса, говори! Руперты-младшие мялись в сторонке и тихонечко выкидывали из корзинок остатки розовых лепестков.

– Невеста, так вы скажете что-нибудь в ответ жениху? – подсказал мне шаман, видимо, догадавшись, что невеста растеряна от нахлынувшего вмиг необъятного счастья. Или просто от духоты, обычной в Блэкроке во второй половине дня.

Я посмотрела на Харви, пытаюсь припомнить, а что именно он говорил. Надеюсь, что поклялся в вечной любви до гроба, потому что из-за дракона последние полчаса жизни буквально выпали из моей памяти.

– Харви, к черту страховку от развода!

Он изумленно изогнул брови и тихо уточнил:

– Ты оформила страховку?

– Пожадничала, и тем лучше. Никогда в жизни с тобой не разведусь! – уверенно произнесла я. – Я просто не способна пережить такой переполох дважды!

Эпилог

Напрочь забытое

Страховой агент всегда остается страховым агентом, даже если его принимают за водевильную танцорку! Пока мы с Харриет выплясывали на сцене перед целым сборищем команды в желтых портках, Эмма умудрилась застраховать ноги настоящих танцорок, приглашенных на мальчишник подсластить последние вольные дни жениха. Всего двадцать штук и заодно две руки их концертного распорядителя. Так что была довольна как крокодил, скушавший стадо овец.

– Я должна срочно отправить соглашения! – заявила она, поднявшись из-за стола. – Идемте, пока почта не закрылась.

К счастью, почтовое отделение оказалось совсем недалеко – всего-то улицу перейти. К несчастью, стены в зале были украшены живыми семейными гравюрами. Квартеты из улыбчивых родителей с детьми неожиданно заставили хмельную Харриет расчувствоваться. Она пустила умильную слезу и накатала Эдди длинное прочувствованное письмо о том, как она его любит и скучает по детям, их цветам жизни. Правда, когда послание ушло, с нее резко схлынуло, но, как сказал сонный служака, поздно просить вернуть конвертик, если записка уже добралась до столицы.

Мы вышли на ступеньки почтового отделения, печально огляделись вокруг. Хмель постепенно выветривался, хотелось одновременно и праздника и спать. Окна «Сказки странствий» по-прежнему светились гостеприимными огнями.

– Теперь можно и экскурсии заказывать! – торжественно объявила Эмма и почему-то посмотрела на меня.

– И? – не поняла я, но смутно осознала, что сейчас стану беднее.

– Жалованье за двадцать ног и две руки выдадут только в следующем месяце, – пояснила она.

– То есть покупаешь ты, а расплачиваюсь я?

– В точку! – Эмма щелкнула пальцами.

От обширнейшей туристической программы «Включено все и немного больше», купленной на нас троих, гид Броди едва не свалился

в обморок от радости, а я – от приступа жадности. Если лучшая подруга планировала и дальше быть настолько щедрой, то мне грозило полное разорение!

– А еще высокогорный храм с предоплаченной едой! – впад в ажитацию, предложил Броди.

Пока они обсуждали, чего еще интересенького можно посмотреть на острове Блэкрок, я с тоской выглянула в окно. Паскаль с саквояжем в руках на почти пустой улице ловил пустой наемный экипаж, но все извозчики пролетали мимо. Видимо, пытался сбежать в неизвестном направлении аккуратно накануне свадьбы!

Вдруг что-то стало так обидно... Лимонные штаны Харви вспомнились, да и весь Харви тоже, выглядевший лучше, чем до расставания. Записка эта дурацкая, в которой кое-кто предложил мне стать друзьями до гробовой доски, а если очень не повезет, то дружить и в посмертии...

С мрачным видом я шагнула к дверям.

– Ты куда? – обернулись подружки.

– Спасать чужую свадьбу.

Решительно я пересекла улицу и, вытаскивая из ридикюля магическую палочку, подошла к жениху.

– Паскаль!

– А? – испуганно обернулся он.

Светящееся острие уткнулось ему в лоб. Он изумленно поморгал, пытаясь сбросить сонную пелену, и пошатнулся:

– Когда я так успел опьянеть?

Прежде чем он грохнулся на брусчатку, я подставила ему плечо. Сбежавший жених повис на мне всем весом, похоже, перепутав с подставкой.

– Божечки, что произошло? – охнула Харриет, когда они с Эммой подскочили к нашему вихляющему дуэту. – Мэри, ты шарахнула его магией?

– Не шарахнула, а усыпила легким заклятием во имя бессмертной любви, – процедила я, задыхаясь. – Он решил сбежать со свадьбы, понимаете? Стоял тут, рукой размахивал перед извозчиками. Господи, да помогите мне довести это тело до скамейки!

Вообще спасение чужой семейной жизни оказалось делом хлопотным и очень тяжелым. В прямом смысле слова. Ноги у Паскаля

заплетались, голова запрокидывалась. Наверное, со стороны выглядело, что мы тащили в гостевой дом надравшегося хмеля мужика. Но точно не воровали чужого жениха! Вовсе нет.

– Уверена, хотел сбежать к причалу или порталному переходу, – с трудом дыша, пыхтела я. – Не зря он мне сразу показался каким-то мутным.

– Ладно мутный, почему он такой тяжелый? – прохрипела Эмма.

– Девочки, давайте я вам чуточку помогу, – пропищала сзади Харриет, несшая саквояж, в котором что-то беспрерывно позвякивало.

Мы добрались до парковой скамейки под фонарем, но было очевидно, что сбежавшего жениха тут же обчистят. Переглянувшись, взвалили тело... в смысле, Паскаля на плечи и потащили в глубь парка, на какую-нибудь скамеечку, в кусты.

– А знаете, – пробормотала Харриет, семена следом, – ему ничего не помешает улизнуть утром. Выйдет, что мы тут напрасно надрываемся. Давайте его заберем в «Ваенду», а завтра выдадим на руки невесте. Пусть она с ним разбирается.

Мы остановились. Скамеек отчего-то нигде не было, за кустами светился фонтан и звучали громкие голоса.

– Мэри, ты его охраняй, а мы какой-нибудь транспорт найдем, – предложила Эмма. – Потому что я больше ни шагу не ступлю с этим телом на закорках!

Жениха мы сгрузили на травку под кустиком. Что-то бормоча под нос и причмокивая губами, он поджал коленки и как ни в чем не бывало продолжил дрыхнуть.

– Вот, подложи ему под голову. – Харри протянула саквояж, оказавшийся неожиданно тяжелым, словно вместе с исподним жених прихватил парочку золотых слитков. – Пусть спит с комфортом.

Подруг не было довольно долго. Озаренная фонарным светом аллея пустовала. Летали мошки, в зарослях трещали цикады, Паскаль сладко всхрапывал. Наконец зазвучали голоса, и из-за поворота появились мои подружки. Они добыли транспорт! В смысле, повозку с крыльями на бортиках.

Вообще-то днем я видела, что такие тележки, запряженные низкорослыми лошадами, катали по центру детишек, но сейчас впряжена оказалась Харри. Она тянула оглобли, а Эмма с цветочным

веночком на голове подталкивала сзади. Вернее, талантливо делала вид.

– Мэри, – едва дыша прошелестела Харриет, поравнявшись с кустами, – мы приволокли повозку.

– Почему она без лошади? – удивилась я.

– С лошадьё было дороже, – деловито уточнила Эмма. – Я и так за свой счет оформила страховку.

– Ну, то есть за мой счет, – поправила я.

– Вообще-то, ты колдунья с магической палочкой! – огрызнулась она, как всегда делала, когда понимала, что прокололась, но признаваться в собственном просчете не желала. – Смогла усыпить жениха, смоги и повозку заставить ехать!

– Ой, девочки, не ссорьтесь! – засюсюкала взопревшая мать троих детей, обмахивая лицо ладонями. – Мы совершаем доброе дело! Спасаем невесту от разбитого сердца. Кто грызется, совершая добрые дела? Давайте его лучше грузить. На тележке все равно проще, чем на спине.

Оставив спор до лучших времен, а как показывала практика, наступить это время могло в любой момент, мы начали извлекать сладко сопящего жениха из кустов. Перевалить неподвижного мужика через бортик оказалось той еще задачкой! Паскаль упал на дно, как куль с мукой, и повозка закричала, словно хотела рассыпаться на дощечки.

Мы с подружками расселись на скамейках, как курицы на жердочке. Их высота была рассчитана на детей, и колени оказались почти в районе подбородка. Я вытащила из футляра магическую палочку и только собралась придать колесам подвижность, как Харриет вспомнила:

– Его саквояж остался в кустах.

– Мэри, ты сидишь с краю, сходи за сумкой, – рассудила Эмма.

– Да чтоб ему пусто стало! – тихо выругалась я, кое-как слезая на дорожку.

Подсвечивая себе огоньком магической палочки, как уличным фонариком, я полезла в кусты и нос к носу столкнулась с мужиком.

Ошарашенные неожиданной (во всех отношениях) встречей, мы тарасились друг на друга. На шее у типа был повязан длинный

полосатый шарф, а на голове скособочился черный берет. Взгляд метался от зажженной магической палочки к моему лицу.

– Фея! – вдруг восторженно воскликнул он. – Наконец-то я тебя нашел! Выполни мое заветное желание!

– Я зубная фея и желания не исполняю, – сама от себя не ожидая, объявила я и шарахнулась обратно на аллею.

– Постой! – рванул он сквозь колючий бурелом. – Просто позволь сделать всего пару твоих оттисков. У меня после съемки каталога осталось только десять пластинок. Чик-чик, оттиски готовы, и ты уже не фея, а муза! Точно! Муза, стой! Я мастер Гройя! Ты обо мне должна была слышать.

– Нет, – сдержанно отозвалась я и помахала палочкой, погасив кончик, как зажженную спичку.

Мастер выскочил на дорожку, заставив моих подружек окаменеть в позе наседок.

– Меня тут каждый дракон знает! Прошлой весной я снимал для частного питомника каталог. Очень крупная работа! Добрый вечер, дамы.

– Здравствуйте, – со скамейки дружно промычали обалделые дамы, не меняя позы.

– А я знаю этого парня... – Он вдруг заглянул на дно тележки.

Мы с подругами испуганно переглянулись. Эмма состроила страшные глаза, дескать, немедленно придумай что-нибудь! Иначе мы сядем на неопределенный срок за похищение королевского подданного, а ты вообще лишишься лицензии. До конца своих дней.

– Мастер Гройя? – с фальшивой улыбкой протянула я. – Кажется, начинаю припоминать.

– Серьезно? – обрадовался он, забыв про подозрительно знакомое тело, самым небрежным образом лежащее в повозке.

– Так вы там каталог одежды снимаете? – Я неопределенно кивнула. – Какое удивительное совпадение! Всю жизнь мечтала поработать моделью для каталога, специально два года худела.

– Муза, ты потрясающе выглядишь! Но в каталог уже вряд ли получится, съемка-то закончилась, – растерялся он.

– Тогда просто попозирую, – развела я руками, и магическая палочка снова вспыхнула, демонстрируя степень моего восторга.

– Тогда поторопимся! – Вдохновенный мастер указал в сторону кустов. – Гравировальный аппарат там, возле фонтана.

Никто из толпы народа, собирающего вещи после съемки, не удивился, что мастер вернулся из зарослей с кудрявой хмельной колдуньей, размахивающей светящейся магической палочкой. Подозреваю, что рабочий артефакт они вовсе приняли за подделку.

– Я нашел свою музу! – объявил он, поправляя уплывающий на затылок берет, и схватил с треноги гравировальный аппарат. – Муза, сделай суровое лицо!

Секундой позже меня ослепила вспышка, в аппарате что-то щелкнуло, а мастер взвизгнул в экстазе:

– Это будут мои лучшие оттиски!

И так еще пять раз, пока я окончательно не ослепла, а Гройя едва не забился в припадке экзальтации. В нем открылся неисчерпаемый творческий источник.

– Поднимись на бортик фонтана, муза! – Из него потоком лился энтузиазм. – Я хочу тебя снять с неожиданного ракурса.

И боже, что это оказался за ракурс! Едва я вскарабкалась на скользкий мокрый бортик, как нетрезвая голова закружилась. Купание было эпичным и очень холодным. Задыхаясь, я вынырнула из ледяной чаши. Оставила где-то на дне туфлю и, как кошка, упавшая на дно банной лохани, проворно перевалилась через бортик. Даже хмельные коктейли слегка отпустили.

– Ты восхитительна, муза! Просто блеск! – охал гравировальщик, между тем стараясь держаться подальше от этой самой музы, обтекающей струями воды.

– Полотенце, – простучала я зубами, накрепко сжимая промокшую магическую палочку, – дайте, пожалуйста.

Вытереть промокшую как курица музу оказалось нечем. И мастер притащил пальто! Я хотела было забрать теплую вещь, но он отдернул руку и поморщился:

– Муза, я, конечно, тебя уже почти люблю, но пальто надо вернуть в первоначальном виде, поэтому выжми платице и возвращайся.

Клятвенно уверив, что немедленно вернусь, поменяв летний образ выкупанной нимфы на образ нимфы, попавшей под осенний дождь, я забралась обратно в кусты. Молниеносным движением стянула платье, нацепила пальто. Оно категорично врезалось в подмышки и

натянулось на груди. Кажется, вздохни поглубже – и пуговицы прыснут в разные стороны.

– Мэри, что случилось? – сдавленным шепотом, то есть громко, охнула Харриет. – Вы там что, до моря добрались?

– Ага, в фонтане, – процедила я, вскарабкиваясь в телегу.

– Он тебя топил? – деловито поинтересовалась Эмма. – Или ты за обувь прыгнула?

– Муза, ты где? – послышалось из-за кустов.

– Пять минут! Музе нужен отдых! – крикнула я в ответ и взмахнула палочкой: – Все, уходим.

Вымокший артефакт выплюнул искры. Пришлось обтереть его о пальто. Острие засветилось ровным магическим огоньком, и я прикоснулась к бортику тележки. По деревянным стенкам пробежала золотистая волна. Секунду ничего не происходило, но вдруг повозка резко выставила оглобли и покатила вперед, к выезду из парка. На черепашьей скорости. Даже на закорках мы тащили Паскаля быстрее.

– Хорошо едем, – улыбнулась Харриет.

– Только очень медленно, – заметила Мими. – Мэри, может, стоит коня-то пришпорить?

Я проглотила справедливое замечание, что как раз коня у нас нет, и снова взмахнула палочкой. Но не зря бывалые маги категорически не советуют колдовать во хмелю! По фальшивым крыльям, приделанным к бортику, проскочила искра, и перья преобразились, приобретя совершенно натуральный вид. Секундой позже повозка взмахнула крыльями, как настоящая птица, и резко прибавила хода.

– Ой, как здорово! – обрадовалась Харриет. – Мы мигом домчим до «Ваенды»! С ветерком.

Крылья продолжали хлопать, скорость набираться, оглобли – угрожающе топорщиться. Ветер больше не овевал, а яростно дул в физиономию. Подруги схватились за бортики, дабы удержаться на месте и не вывалиться. Я вытягивала дрожащую в руках магическую палочку, пытаюсь управлять взбесившимся транспортом.

И он оторвался от земли...

– Божечки мои дорогие! – заорала Харриет, когда дорожка угрожающе отдалилась, а мы стремительно приблизились к макушкам деревьев. – Опустите ее, Мэри!

– Как?! – Я взмахнула руками.

Повозка, потеряв управление, заложила крутой вираж. На полных парусах мы летели в кованые ворота парка.

– Подними ее, Мэри! – заверещали подруги в два голоса. – Поднимай выше!

Оглушительный визг матери троих детей, долетающий до самых дальних уголков острова Блэкрок, несся в темноте. Наверное, его слышали далеко-далеко в море.

Я была уверена, что мы улетим на гнездовье в горы и сломаем шеи. Или окажемся на необитаемом острове и три года будем отправлять в бутылках письма с жаркими просьбами вернуть нас в цивилизацию. Но обошлось! Несмотря на ветер, шпарящий в лицо, мы приземлились на неприкосновенном газоне «Ваенды».

От резкого удара о землю нас раскидало по днищу телеги. В смысле, по Паскалю. Правда, он даже не заметил, что его придавили три женских тела. Более того, счастливо всхрапнул, когда мы, взлохмаченные, озябшие и ошалелые, начали вываливаться на травку. С минуту понадобилось, чтобы прийти в чувство и кое-как подняться на трясущиеся ноги.

– Мы живы! – лепетала Харриет, приглаживая стоящие торчком волосы. – Мои дети не останутся сиротами!

– Не зря я оформила страховку от полетов на телеге, – вымолвила Эмма, поправляя потрепанный ветром цветочный венок. – Как в воду глядела!

Жених сладко спал, окутанный магией, и не выказал никакого беспокойства.

Мы вытянули его в дом за руки и за ноги, случайно приложив макушкой о ступеньку. И тут нас ждал неприятный сюрприз! Магические амулеты разрядились, а охлаждающие набрали такую мощь, что превратили небольшую комнату в морозильный шкаф. Спать в ледяном холоде было опасно для жизни. Недолго думая, мы отправили Паскаля на веранду. Ничего, ночь как-нибудь переживет, а потом вернется к невесте.

На улице было темно, как в склепе. Я зажгла магическую палочку и сунула, как свечку, в горшок из-под цветка. Яркий голубой огонек озарил веранду. Из воды моментально вынырнул зубастый соседусшка и с любопытством уставился на нас желтыми глазищами.

– Брысь! – Я хлопнула в ладоши.

От резкого звука дракон подскочил над поверхностью прудика, сделал дивный кульбит. Длинное гладкое тело вспыхнуло на ярком магическом свете. На одну секунду нас ослепило, перед глазами поплыли желтые круги.

– Броди же говорил, что они ночью спят, – недовольно проворчала Эмма, прикрываясь рукой.

– А еще он говорил, что в доме хорошо налажены амулеты. – Я скорчилась, запахивая поплотнее пальто. – Мошенник!

– Божечки, чего же так глаза режет? – пожаловалась Харри.

Вдруг Паскаль на полу дернулся и неожиданно откатился к перилам.

– Не укатывайся! – в три голоса взвизгнули мы.

Жениха, от греха подальше, было решено уложить в ванну. Он свернулся клубком на дне лохани, изредка дергал руками и что-то беспрерывно бормотал.

– Надо его спеленать, – предложила Эмма. – А то он сам себя поранит.

– Девочки, – перевязывая руки жениха моим газовым шарфиком, прошептала порядком протрезвевшая Харриет, – что-то я подумала... Мы, конечно, сделали доброе дело: не дали невесте остаться под брачной аркой без жениха, но как мы его завтра возвращать-то будем?

Тут у нас наступило коллективное отрезвление, и остатки хмеля выветрились из затуманенного разума.

– Мы же не похитительницы какие-нибудь, а настоящие спасительницы! За спасение магической лицензии не лишают и в застенки не сажают, – неуверенно рассудила я. – Подбросим спящим в гостевой дом.

А потом – как будто даже неожиданно – наступило утро. Я проснулась одним махом – показалось, что кто-то ломился в двери. Голову прострелило ужасной болью. Глаза резало, хотя из-за густой растительности за окном в комнату практически не проникало солнце. Осознавать себя живой было поистине мучительно!